# ОССІАНЪ,

# СЫНЪ ФИНГАЛОВЪ,

## БАРДЪ ТРЕТЬЯГО ВѢКА:

## ГАЛЬСКІЯ (*) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Переведены съ Французскаго

*Е. Костровымъ.*

---

*Частъ Первая.*

---

(*) Иначе Эрскія, или Ирландскія.

---

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи

у В. Окорокова.

1792.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Fg 179 | 98164

# ОДОБРЕНІЕ.

---

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, Часть I, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Логики и Метафизики Профессоръ, и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНДРЕЙ БРЯНЦЕВЪ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЕГО

СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ

ВАСИЛЬЕВИЧУ

СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ.

Подъ кроткой сѣнїю и мирта и оливъ
Вѣнчанный лаврами Герой Ты опочивъ,
Летаешь мыслями на браниносномъ полѣ,
Давъ полну быстроту воображенья волѣ:
Почилъ! но самое спокойствїе Твое
Ужаснѣе врагамъ, чѣмъ прочихъ копїе.
Извѣстно имъ, что Ты средь мирныя отрады
О средствахъ думаешь, какъ рушить тверды грады.
Я зря Тебя, Тебѣ въ приличной тишинѣ,
Въ покоѣ бодрственномъ, Герою въ сродномъ снѣ,
Осмѣлюсь возбудить усердной гласомъ лиры,
По шумныхъ вихряхъ намъ прїятнѣе зефиры.
Дерзну: Ты былъ всегда любитель нѣжныхъ Музъ,
Съ Минервой, съ Марсомъ Ты стяжалъ себѣ союзъ:
Позволь, да *Оссїанъ*, пѣвецъ, герой, владыка;
Явяся во чертахъ Россїйскаго языка,

Со именемЪ ТвоимЪ неробко вЪ свѣтЪ
грядетЪ
И вящшую чрезЪ то хвалу пріобрѣтетЪ.
Живописуемы вЪ немЪ грозны виды браней,
Мечи сверкающи лучемЪ изЪ бурныхЪ дла-
ней
ПредставятЪ вЪ мысль Твою, какЪ Ты вра-
говЪ сражалЪ,
ПеруномЪ ярости оплоты низвергалЪ.
ВрагЪ лести, пышности и роскоши лѣнивой,
ЗаслугамЪ Судія неложной и правдивой,
Геройски подвиги за отчество любя!
Прочти его, и вЪ немЪ увидишь Ты себя.

# ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Вѣроятно ли, чтобъ не просвѣщенной и дикой человѣкъ былъ творцемъ толь многихъ и толь изящныхъ поэмъ, каковы суть: пѣсни въ *Сельмѣ*, *Картонъ*, *Каррикптура*, *Кальѳтъ и Кальмала*, *Дартула*, *Латмонъ* и проч. въ которыхъ повсюду царствуютъ благородный духъ, величество души, истинное геройство, и гдѣ достоинство слога и выраженій соотвѣтствуетъ добротѣ и красотѣ чувствованій? Возможно ли, чтобъ сіи поэмы безъ помощи писменъ, въ народѣ варварскомъ, не имѣющемъ никакихъ наукъ, сохранены были до нашихъ временъ почти чрезъ четырнатцать вѣковъ?

Нѣкоторыя подробности о происхожденіи, о родѣ правленія, о нравахъ и обычаяхъ *Каледонянъ* подадутъ средство къ уразумѣнію сей загадки, а простое предложеніе дѣяній явитъ намъ точное оной рѣшеніе: сіи подробности, необходимо нужныя для уразумѣнія нѣко-

торыхЪ темныхЪ мѢстЪ, срѢтающихся вЪ *ОссіанѢ*, и сами по себѢ важны и привлекательны для всякаго читателя, и чудесности романическія соединены вЪ семЪ творцѢ сЪ истинною Исторіи.

Младенчество государствЪ, равно какЪ и человѢка, не можетЪ быть временемЪ высокихЪ дѢяній; и хотя бы оно достопамятными ознаменовано было произшествіями, не могутЪ онѢ достигнуть до потомства. Науки, предающія безсмертію великихЪ мужей, сохраняющія отЪ мрачнаго забвенія всѢ ихЪ дѢла, не возрастаютЪ и не цвѢтутЪ, какЪ только вЪ странѢ уже населяемой и обитаемой чрезЪ многіе вѢки. Не вЪ просвѣщенномЪ ли уже и кЪ общежитію привыкшемЪ народѢ являются писатели Исторіи, и разные достопамятные сооружаются знаки? ДѢянія первыхЪ вѢковЪ погружены вЪ глубокомЪ забвеніи, или премѢнены и увеличены разнообразными и сомнительными преданіями. ВсѢ племена признаютЪ своими основателями баснословныхЪ героевЪ, или мечтательныхЪ боговЪ. ВсѢ хотятЪ свое начало сдѢлать славнымЪ и знаменитымЪ

на

на счетъ истинны. Греки и Римляне не были чужды сея суеты и тщеславія; но они заблаговременно имѣли у себя превосходныхъ Историковъ, которые дѣла ихъ предали потомству; между тѣмъ какъ у прочихъ народовъ таковыя дѣла обезображены были грубыми баснями, или совсѣмъ остались неизвѣстными для времянъ грядущихъ. Цельты, владѣвшіе Европою отъ устія рѣки Оби въ Россіи, даже до мыса Финистерскаго, едва извѣстны въ Исторіи. Ихъ языкъ, которымъ говорятъ еще народы, отдѣленные другъ отъ друга весьма пространными землями, есть одна только ихъ достопамятность, сохраненная до временъ нашихъ. Онъ свидѣтельствуетъ, сколь пространны и обширны были ихъ владѣнія, не подая впрочемъ ни малѣйшаго свѣденія о ихъ Исторіи.

Изъ всѣхъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Цельтовъ, славнѣе тѣ, которые обитали въ Гальскихъ земляхъ, и они сею знаменитостію обязаны Историкамъ сосѣдственныхъ земель, противу которыхъ весьма часто воевали. По свидѣ-

тельству лучшихъ писателей, Великобритания была первая земля, населенная Гальскими Цельтами. Положенiе мѣстъ и пограничность дѣлаетъ мнѣнiе сiе вѣроятнымъ; сходство языка и нравовъ, каковы были во времена Кесаря между Галлами и Британцами, почти совсѣмъ не дозволяетъ сомнѣваться о семъ произхожденiи. Поселенiе Гальское утвердилось сперва въ той части Великобританiи, которая лежитъ прямо противу Галловъ: оно простерлося къ сѣверу, и умножаясь постепенно, населило весь островъ. Тацитъ думаетъ, что Каледоняне, обитавшiе на сѣверныхъ горахъ Шотландiи, произошли отъ Германцовъ, и въ доказательство приводитъ сходство цвѣта ихъ волосовъ, и высоту роста. Но языкъ и обычаи древнихъ Цельтовъ, оставшiеся навсегда въ сей части Великобританiи, кажется противорѣчатъ мнѣнiю сего великаго писателя.

Какое бы ни было произхожденiе Каледонянъ, но явственно, что во времена Юлiя Агриколы они были весьма многочисленны, и могли противиться самимъ Римлянамъ; а сiе и показываетъ, что

они

они давно поселились и утвердились въ сей части земли. Ихъ правленіе было смѣсь Аристократіи и Монархіи, какъ и у всѣхъ народовъ, гдѣ верховная власть была въ рукахъ Друидовъ. Прорицанія сихъ особъ, мнимое сообщеніе съ небомъ, жестокая и уединенная жизнь, произвели въ народѣ великое къ нимъ почтеніе. Сіи хитрые и честолюбивые люди умѣли столь искусно пользоваться народнымъ уваженіемъ, что нечувствительно учинились начальниками во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ и касающихся до благочестія. Вожди бодрствовали надъ исполненіемъ законовъ, но власть предписывать законы относилась къ Друидамъ: по ихъ повелѣнію различныя колѣна соединялись подъ начальство единаго вождя, когда общество угрожаемо было внѣшнею войною, или бурею внутренняго раздора; они избирали судію (по ихъ Верговрета), котораго власть и достоинство, какъ власть Римскаго Диктатора, продолжалась только во время опасности.

Друиды чрезъ долгое время съ симъ полномочіемъ владычествовали у Цельтовъ,

не подверженныхъ Римлянамъ. Но въ началѣ втораго вѣка могущество ихъ начало ослабѣвать между Каледонянами. Непрестанныя войны, обременившїя сей народъ, воспрепятствовали благородству вступать, какъ прежде, въ священный чинъ Друидовъ; число жрецовъ уменьшилось, правила ихъ благочестїя были пренебрежены, и скоро совсѣмъ забыты въ шумныхъ сраженїяхъ. Уже не избираемъ былъ Верговретъ, или сказать лучше, его избирали, не требуя согласїя Друидовъ, и онъ продолжалъ свою власть противу ихъ воли.

Каледоняне по своему родоначалїю раздѣлены были на разныя колѣна (по ихъ кланы); каждое колѣно имѣло своего вождя, каждый вождь былъ свободенъ и ни отъ кого не зависѣлъ. Въ непрестанной войнѣ противу Царей мїра, (такъ Римскїе Императоры называются въ Оссїановыхъ пѣсняхъ) общая опасность соединяла всѣ сїи колѣна; но какъ никто изъ вождей не хотѣлъ повиноваться равному себѣ, и какъ всѣ стремились къ начальству, то и сраженїя были всегда неудачны и пагубны

ны для Каледонянѣ. Тренморѣ, дѣдѣ славнаго Фингала, первый изобразилѣ вождямѣ пагубоносныя слѣдствія ихѣ раздѣленія и несогласія; онѣ предложилѣ имѣ, чтобѣ предводительствовать войскомѣ по очереди. Предложеніе было принято. Всѣ были побѣждены. Тренморѣ во свою очередь сдѣлался начальнымѣ вождемѣ всего воинства, и одержалѣ надѣ непріятелемѣ совершенную побѣду. Увѣнчанныя лаврами колѣна единогласно провозвѣстили его Вергобретомѣ. Тогда Друиды восхотѣли представить свои права; они послали кѣ Тренмору Гармала, сына Тарнова, повелѣвая ему сложить сѣ себя достоинство Вергобрета. Посланникѣ не имѣлѣ успѣха; возгарается междоусобная война, которая кончилась совершеннымѣ разрушеніемѣ Друидовѣ. Весьма не многіе избѣгнии отѣ ярости мечей, сокрылись вѣ лѣсахѣ и пещерахѣ, куда они обыкновенно удалялись, чтобѣ свободнѣе упражняться вѣ набожныхѣ размышленіяхѣ.

За истребленіемѣ жрецовѣ послѣдовало всеобщее презрѣніе кѣ благочестію. Власть Вергобрета, определяемая прежде по из-

 бра-

бранію и только на время, сдѣлалась тогда непремѣняемою и наслѣдственною, и самое имя *Верговретъ*, премѣнилось въ названіе *Государя*.

Власть Царская, изключая военное время, была весьма ограничена. Каждой вождь въ своемъ колѣнѣ былъ всегда Государемъ, и его власть имѣла также свой предѣлъ. Всѣ почти вообще думаютъ, что горные Шотландскіе жители пребывали въ самомъ подломъ рабствѣ. Ихъ привязанность къ дому своего вождя, и тѣ великія мысли, какія они о высокомъ его достоинствѣ имѣли, причиною могутъ быть сего почти общаго, но несправедливаго о нихъ мнѣнія. Первые общества вѣки никогда Государю полнаго самовластія не дозволяютъ. Люди, имѣя нужду не во многихъ вещахъ и не отягощаясь еще вымышленными прихотями, любятъ и защищаютъ чрезъ долгое время свою вольность и независимость; но чѣмъ больше народъ просвѣщается, тѣмъ способнѣе преклоняются умы, и покаряютъ себя подъ иго правленія, которое отъ властолюбивыхъ начальниковъ во зло упо-

тре-

пребляется; дабы свое могущество учинить безпредѣльнымъ. Когда слава, или безопасность какого нибудь колѣна была угрожаема, повелѣнія вождей были священны, и безъ всякаго изключенія имъ повиновались; но ежели частной человѣкъ угнѣтаемъ былъ въ своемъ колѣнѣ, онъ преходилъ въ другое, и въ семъ убѣжищѣ получалъ все удовольствіе, какого лишенъ былъ въ своемъ отечествѣ. Опасаясь такихъ пресeленій, вожди со всевозможною осторожностію власть свою употребляли; зная, что величество ихъ силы и могущества зависитъ отъ числа подданныхъ, старались они тщательно убѣгать всего, что могло его уменьшить.

Въ гражданскихъ дѣлахъ не слѣдовали они повелѣніямъ своихъ вождей, но обыкновенію своихъ предковъ, какое чрезъ преданіе у нихъ сохранилось, и которое называли они *Клегзою*. Произойдетъ ли какое несогласіе, или вражда между двумя частными человѣками, они избирали себѣ престарѣлыхъ и добродѣтельныхъ мужей, дабы они судили ихъ, сообразуясь *Клегзѣ*. Власть вождя наконецъ посредство-

ствовала, и силою закона укрѣпляла опредѣленіе судей. Во время войны могущество и власть вождь не столько была ограничена; но рѣдко онъ простиралъ ее до того, чтобъ лишить жизни кого нибудь изъ своего колѣна. Ни за что смертію не казнили, какъ только за убивство, и сіе преступленіе случалось весьма рѣдко. Не было также никогда никакого тѣлеснаго наказанія: воспоминаніе безчестія сохранилось бы чрезъ многіе вѣки въ племени наказаннаго, и оно искало бы непрестанно различныхъ случаевъ къ отмщенію. Но ежели вождь своего подданнаго наказывалъ собственною своею рукою, сіе наказаніе почиталось отеческимъ исправленіемъ.

Пѣсни Бардовъ паче всего способствовали къ утвержденію власти вождей надъ ихъ колѣнами, и власти Царской надъ вождями. Бардами нарицались Друиды нижайшаго степени, которыхъ должность состояла въ томъ, чтобъ воспѣвать Героевъ и Боговъ. Они избѣгли нещастнаго жребія, разрушившаго священный чинъ ихъ собратій. Побѣдитель, ревностенъ будучи

имя

имя свое предать безсмертїю, пощадилъ провозглашателей славы. Они перешли въ браноносное поле его, и засвидѣтельствовали ему свою благодарность, изобразя его въ своихъ пѣсняхъ Героемъ, украшеннымъ всѣми добродѣтелями. Простой народъ, неспособенъ будучи проникнуть и разсмотрѣть свойство Государя, ослѣпленъ былъ блистательными качествами, какїя приписуемы были ему отъ Бардовъ. Сїи стихотворцы, воспитанники Друидовъ, озарены были таинствами и наукою сего знаменитаго общества. По высокому разуму и отличнымъ знанїямъ несравненно превышали они своихъ соотечественниковъ. Они составили въ умѣ своемъ понятїе о совершенномъ Героѣ, и приписали своему Государю свойства и достоинства, которыя существовали только въ ихъ воображенїи. Вожди не преминули мечтательнаго сего Героя принять себѣ за образецъ. Тщательныя усилїя, чтобъ подражать ему совершеннѣе, возраждали въ ихъ сердцахъ всѣ Геройскїя чувствїя, какїя срѣтаемъ мы въ стихотворствѣ отдаленныхъ сихъ временъ. Государь, воспламеняемъ похвалами,

ми; и поощренъ ревностію къ вождямъ, старался отличать себя отъ нихъ добродѣтелію, равно какъ онъ отличался достоинствомъ и саномъ; сія прехвальная и непрестающая ревность сотворила наконецъ общее свойство цѣлаго народа, свойство состоящее изъ благородной и мужественной храбрости дикихъ племенъ и равно изъ самыхъ превосходнѣйшихъ добродѣтелей народа просвѣщеннаго. Коль изящное соединеніе!

Дѣянія такого народа учинились важны, привлекательны и достойны потомства и безсмертія. Слава своей страны возбуждаетъ и воскрыляетъ высокій разумъ человѣка, одареннаго отъ природы чувствительною душею и пламеннымъ воображеніемъ. Онъ пылаетъ увѣнчать свое отечество безсмертною славою. Простонародный языкъ почитаетъ онъ недостойнымъ дѣйствій, которыя онъ провозвѣстить стремится: мѣрное стопосложеніе и согласіе способствуютъ ко впечатлѣнію его повѣствованій въ мысли и память слушателей. Сіе безъ сомнѣнія начало, и сей источникъ есть стихотворства между Каледо-

ледонянами, естьли только сія наука не была впрочемъ частію богослуженія ихъ Друидовъ.

Подобно Каледонянамъ и прочіе народы ввѣряли свои повѣсти и дѣянія стихотворству. Непремѣняемый обычай повторять Историческія пѣсни во всякихъ торжественныхъ праздниствахъ и случаяхъ, доволенъ былъ чрезъ долгое время безъ помощи письменъ къ сохраненію важныхъ дѣяній. Сія изустная и слухомъ пріемлемая лѣтопись продолжалась у Германцовъ даже до осьмаго вѣка; первая Исторія Перуанскихъ Инковъ списана также изъ стихотворческихъ изустныхъ преданій. Ежели народы, которыхъ страны часто наводняемы были пришельцами иноплеменныхъ, и которые сами равно въ отдаленные края отправляли многолюдныя поселенія, могли безъ премѣны и чрезъ многіе вѣки сохранить предаваемыя изустно свои повѣсти: должно ли удивляться, что Каледоняне, чрезъ долгое время неимѣвшіе никакого съ прочимъ свѣтомъ сообщенія, и всегда любящіе воспоминать о своихъ предкахъ, предали изъ рода въ

родъ

родъ Историческія пѣсни своихъ Бардовъ?

Не одному Государю сопутствовали на войну Барды. Каждой вождь имѣлъ своихъ. И сіи Барды имѣли еще въ своихъ повелѣніяхъ нѣкоторое число Бардовъ нижайшаго степени, сразмѣрное могуществу и чести вождя. Государь каждой годъ учреждалъ торжественное пиршество, гдѣ Барды всѣхъ коленъ собиралися для чтенія своихъ пѣсенъ. Онъ купно съ вождями разсуждая о ихъ красотѣ, избиралъ, которыя достойны были, чтобъ изучить ихъ напамять отрокамъ. Примѣръ такого собранія находится *въ пѣсняхъ Сельмы.* Въ военномъ полѣ при достопамятномъ случаѣ, всѣ Барды соединялись и пѣли хоромъ, прославляя побѣду, или оплакивая смерть какого нибудь Героя. Пѣсни для сего случая должны сочинены быть Архибардомъ; или вождемъ Государевыхъ Бардовъ, который знаменитой степени сей и почести удостоивался по превосходству дарованія своего въ стихотворствѣ.

Барды служили также провозвѣстниками, возвѣщая миръ или войну. Вожди

и Государь никакихъ посланниковъ, кромѣ ихъ, не имѣли. Они почитались неприкосновенными особами; и видно въ *Теморѣ*, что похититель, обагрявшій руки въ крови своего Царя, не дерзнулъ подъять ихъ на Барда.

Воздаваемыя имъ почести и разныя преимущества степени ихъ учинили наконецъ общество сїе весьма многочисленнымъ, гордымъ и дерзновеннымъ. Они сочиняли ядовитыя и колкїя сатиры на всѣхъ, которые у ихъ покровителей были не въ милости; и будучи ограждены святостїю названїя должности посланнической, до того простирали свою дерзость, что и самыхъ вождей, не хотящихъ согласиться на ихъ предложенїя, обременяли оскорбительными ругательствами.

Кажется, что по введенїи въ Шотландїи Христїанскаго закона, нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались священниками, и для сей причины можетъ быть называли ихъ Клерками, отъ Латынскаго слова Clericus. Клерки сїи, какое бы впрочемъ имени ихъ ни было начало, учинились жестокимъ бичемъ общества. Употребляя во

зло почтенïе, какое имѣли къ ихъ чину, приходили они въ великомъ множествѣ къ вождямъ, и жили подъ ихъ защитою, доколѣ другое сонмище не придетъ и не изгонитъ ихъ оттолѣ оружïемъ колкихъ сатиръ. Преданïе сохранило намъ нѣкоторыя стихотворческïя ихъ сраженïя, показующïя весьма ясно, до какихъ предѣловъ достигло уже безстыдство сихъ Клерковъ, и сколь много преродилося стихотворство. Они своимъ распутствомъ и склонностïю къ злости погасили чистый оный и священный огонь, и благородный восторгъ, которымъ оживотворялися ихъ предшественники.

Безстыдство, управляющее поступками ихъ, и весьма посредственныя въ пѣнïи дарованïя, принудили наконецъ вождей лишить ихъ всѣхъ преимуществъ, которыми пользоваться сдѣлались они недостойными. Они похвалу и ругательства разточали безъ разбора. Они и малаго тиранна, котораго имя едва было извѣстно за долиною, въ которой онъ царствовалъ, не сомнѣвались возвышать на степень Героя совершеннаго.

Сïи

Сїи подлые и развращенные Барды, продая безъ стыда похвалу тому, кто меньше всего былъ ея достоинъ, учинили свои похвальныя пѣсни презрѣнными. Наконецъ вожди, наскуча ими, изгнали ихъ со стыдомъ. Тогда оскорбясь толь жестокимъ и безчестнымъ наказанїемъ, которое впрочемъ весьма справедливо заслужили, предались они больше, нежели когда нибудь, своей злости, и чрезъ цѣлой вѣкъ сочиненїя ихъ были не что иное, какъ ядоносныя сатирическїя пѣсни. Вожди презрѣли безсильную ихъ злобу. Народъ, не боясь ихъ стрѣлъ, принялъ ихъ, и показывалъ имъ всѣ услуги, какїя позволяло ему свое собственное состоянїе. Странствуя изъ племени въ племя, забавляли они своихъ гостепрїимцовъ, читая сочиненїя своихъ предшественниковъ, или ласкали ихъ тщеславїю, производя ложныя родословїя. Ободрясь сими первыми успѣхами, прибѣгли они къ средствамъ сильнѣйшимъ для увеселенїя простолюдиновъ. Лишенные дара представить истинну привлекательною, изобрѣли они разныя басни; воздвигли очарованныя крѣпости; наплоди-

ли въ умѣ своемъ малыхъ карловъ и волшебниковъ; словомъ, всѣ чудесности романическія поставили на мѣсто благоразумія и мудрости исторической. Каждой Бардъ, повторяя сіи басни, прилагалъ къ нимъ отъ себя разныя обстоятельства, которыя казались ему способными привлечь вниманіе слушателей, и возбудить въ нихъ удивленіе. Сіи романическія повѣсти сдѣлались наконецъ толь невѣроятными, что и самой народъ любилъ ихъ, ни мало впрочемъ не вѣря. Великое множество такихъ смѣшныхъ повѣстей дошло до нашихъ времянъ. Горные Шотландцы еще и нынѣ ихъ повторяютъ. Тѣ, которые знаютъ ихъ наизусть, имѣютъ столь удивительную и твердую память, что читая, ни малѣйшаго обстоятельства не забываютъ. Но всего удивительнѣе, подъ хладнымъ и жестокимъ небомъ, посреди хребтовъ горныхъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ, слышать описанія великолѣпныя, превосходящія всю пышность восточныхъ народовъ. Сіи басни исполнены подробностей сверьхъестественныхъ, и похожденій ни мало невѣроятныхъ, произ-

изводящихЪ отвращенїе и скуку вЪ разумномЪ человѣкѣ. Но я не знаю, говоритЪ Г. МакферсонЪ, почему случается, что сїи басни привлекаютЪ и питаютЪ вниманїе.

Всѣ сїи романы сочинены вЪ стихахЪ, или сказать лучше вЪ прозѣ сЪ риѳмами. ОссїанЪ, и другїе превосходные пѣвцы, сочиняли свои поэмы вЪ размѣрной прозѣ. Они риѳму оставляли для лирическихЪ пѣсенЪ, которыя часто разсѣевали вЪ своихЪ поэмахЪ, и пѣли ихЪ, сопровождая звуками арфы, дабы прерывать свои повѣствованїя, и возбудить вниманїе слушателей.

ИхЪ преемники, поставляя всю красоту стихотворства вЪ повторенїи однихЪ и тѣхЪ же звуковЪ, приближили кЪ паденїю свой чинЪ и свое званїе. Немедленно увидѣли, что нѣтЪ ни одного пастуха между горными Шотландцами, которой бы не дѣлалЪ стиховЪ. ВсякЪ, кто имѣетЪ только слухЪ, можетЪ гармоническими и подобнозвучными изреченїями одѣть мысли, которыя безЪ связи, и ничего не значатЪ. Сїя наука, сдѣлавшись весьма легкою и способною для самыхЪ

 па-

пастуховъ, пала въ презрѣнїе, съ тѣхъ поръ, какъ усмотрѣли, что упражненїе въ ней не приноситъ ни пользы ни славы. Когда горные Шотландцы сдѣлались всѣ риөмачами, истинные Барды и достойные пѣвцы изчезли. Таковъ былъ конецъ сего общества, которое Оссїанъ своимъ разумомъ, побѣдоносными подвигами, и равно добродѣтелями вознесъ на высочайшїй степень славы и чести. Сей знаменитый Бардъ жилъ прежде введенїя Христїанскаго закона въ Шотландїи, т. е. въ концѣ третьяго, или въ началѣ четвертаго вѣка. Триста третїй годъ протекалъ, какъ страшный гоненїемъ Дїоклитїанъ принудилъ нѣкоторыхъ Христїанъ убѣжать въ Британїю. Кроткїй и терпящїй Христїанство Констанцїй Хлоръ, бывшїй тогда начальникомъ въ сей странѣ, привлекъ къ себѣ великое множество последователей гонимой вѣры. Нѣкоторые отъ страха, или желая разпространить истинное благочестїе, оставили земли, покоренныя Римской державѣ, и преселились къ Каледонянамъ, и нашли ихъ тѣмъ въ лучшемъ расположенїи къ принятїю нова-

го

го ученія, что они ученіе и благочестіе, впечатлѣнное нѣкогда Друидами, совсѣмъ предали забвенію. Сіи первые Христіанскіе посланники жили въ пещерахъ и дремучихъ лѣсахъ, и потому назывались отъ Каледонянъ Кульдеями, т. е. уединенными. Съ однимъ изъ сихъ Кульдеевъ Оссіанъ въ послѣднихъ лѣтахъ жизни своей имѣлъ прѣніе о Христіанскомъ законѣ. Преданіе сохранило намъ сію славную прю; она имѣетъ всѣ знаки самой отдаленной древности. Оссіанъ въ ней показываетъ толь великое незнаніе Христіанскихъ догматовъ, что не можно думать, чтобъ сія вѣра была уже тогда въ Шотландіи. И такъ вѣроятно, что нашъ Бардъ процвѣталъ прежде вступленія первыхъ Христіанъ въ сію землю. Онъ, намѣкая часто о Исторіи сего времени, уничтожаетъ, кажется, всѣ сомнѣнія, какія можно имѣть о сей эпохѣ.

Оссіанъ произошелъ отъ славнаго Тренмора, которой разрушилъ общество Друидовъ, и провозглашенъ отъ всѣхъ колѣнъ Государемъ.

Фингалъ, сынъ Комгала, и внукъ Тренморовъ, родился въ самой день смерти

 сво-

своего отца. Возмужавъ, получилъ онъ обратно оружїемъ, похищенное у себя во младенчествѣ наслѣдное государство. Галлъ, сынъ Морнїя, сдѣлался ему другомъ, и сопутствовалъ ему во всѣхъ военныхъ подвигахъ. Бардъ Оссїанъ былъ сынъ Фингала и Роскраны. Онъ, вступя въ возрастъ способный къ ношенїю Геройскаго оружїя, слѣдовалъ за своимъ родителемъ во всѣхъ походахъ. Ирландїя была для нихъ полемъ самыхъ знаменитыхъ подвиговъ. Въ сей-то странѣ воюя нѣкогда Фингалъ, женился на Роскранѣ, дочери Кормака, и матери нашего пѣвца. Оссїанъ на двухъ браняхъ раздѣлялъ опасности и славу со своимъ родителемъ. Утвержденїе Ферард-Арта на Ирландскомъ престолѣ, былъ послѣднїй подвигъ знаменитаго Фингала. Тогда онъ торжественно вручилъ копїе свое Оссїану. Нашъ Бардъ владѣлъ онымъ достойно, защищая слабаго и угнѣтеннаго, доколѣ глубокая старость исторгла копїе сїе изъ побѣдоносной его десницы. Тогда уже лишенный своего родителя, и любезнаго сына Оскара, котораго похититель Каирбаръ убилъ самымъ подлымъ коварствомъ,

ствомъ, притомъ будучи слѣпъ и немощенъ, услаждалъ онъ печаль свою, воспѣвая подвиги своихъ друзей. Онъ часто ходилъ ко гробу своего отца, и тамъ, какъ самъ упоминаетъ, утѣшалъ себя, прикасаясь трепещущими руками ко гробу родительскому. Мальвина, супруга Оскарова, никогда его не оставляла. Сей-то вдовицѣ посвящаетъ онъ большую часть своихъ поэмъ, а особливо гдѣ мужественный Оскаръ представляется первымъ дѣйствующимъ лицемъ. Нѣжное дружество, попеченія и услуги нашего Барда, показанныя Мальвинѣ, а съ ея стороны благодарность и привязанность къ сему великому пѣвцу, не ясно ли показываютъ, что нѣжныя и благородныя чувствія не могутъ быть жребіемъ, свойственнымъ единственно просвѣщенному только народу?

Что Оссіанъ сочинялъ, Мальвина немедленно старалась выучить то наизусть, и пѣла, сопровождая голосъ свой арфою. По смерти Оссіановой Барды переняли пѣсни сіи отъ Мальвины, и повторяли ихъ всегда, предпочитая ихъ своимъ сочиненіямъ. Историческія подробности, въ нихъ

содержащіяся, и равно стихотворческія красоты учинили ихъ наконецъ любезными всѣмъ Каледонянамъ; но для насъ тѣмъ они драгоцѣннѣе, что находится въ нихъ вѣрная картина и описаніе нравовъ тогдашняго времени, и что они полезны для Исторіи человѣческаго разума. Мнѣнія, мысли, обычаи, склонности, страсти и увеселенія какого нибудь народа, изходящаго, такъ сказать, изъ рукъ созидающей природы, не могутъ быть не важнымъ и не привлекательнымъ зрѣлищемъ для Философа.

Война была владычествующею страстію Каледонянъ; они имѣли совершенное отвращеніе отъ спокойной жизни, и думали, что тишина и бездѣйствіе для человѣка подло; и дѣйствительно, праздная душа унижается, и теряетъ свою природную силу и крѣпость. Напротивъ того труды и разныя превратности щастія напрягаютъ всѣ пружины ума человѣческаго, изводятъ наружу всѣ способности, и укрѣпляютъ ихъ, принуждая побѣждать разныя неудобства и преграды; отъ сего произходитъ, что въ народѣ просвѣщенномъ,

номъ; гдѣ каждому частному человѣку спокойство и собственность утверждена закономъ, рѣдко найдешь сїе непобѣдимое мужество, сїе благородное и Геройское презрѣнїе смерти, которое отличнымъ кажется свойствомъ и участью племенъ дикихъ.

Необоримое Каледонянъ противоборствїе Римлянамъ, и сїя твердая стѣна, воздвигнутая въ Шотландїи владѣтелями вселенныя, чтобъ оградить себя отъ ихъ нападенїй, ясно свидѣтельствуютъ о храбрости и мужествѣ сего народа. Воспитанїе продолжало и укрѣпляло между горными Шотландцами сей бранноносный восторгъ, которой поставляетъ человѣка превыше человѣчества, и премѣняетъ въ забавы и увеселенїя всѣ трудности, бѣдства, и самую смерть. Едва прейдутъ лѣта младенчества, уже Каледонянинъ слѣдуетъ за своимъ отцемъ въ поле сраженїй. Страхъ обезчестить и посрамить себя, предъ очами такого предводителя, притомъ ревностное желанїе сравниться съ нимъ славою, преображали ихъ дѣтей въ безтрепетныхъ Героевъ.

Власть

Власть родительская была неограниченна; она не на законѣ какомъ-либо основывалась, но на любви и почтенiи. Увидимъ въ одной изъ поэмъ Оссiановыхъ, что молодой человѣкъ, котораго Фингалъ выключилъ изъ числа своихъ воиновъ за нѣкоторое постыдное дѣло, самъ сыскалъ оружiе, которымъ отецъ его, будучи слѣпъ и старъ, поразилъ его на гробѣ дѣда. Но всего больше воспламенялъ въ сердцахъ юношей благородную ревность къ отличенiю себя прехвальный обычай, который состоялъ въ томъ, что родители не давали имени сыну своему, доколѣ онъ не заслужитъ его чрезъ какое нибудь знаменитое дѣло.

Довольно ощутительно, какое впечатлѣнiе и какое влiянiе долженъ имѣть сей обычай. Онъ служилъ ободренiемъ и наградою добродѣтели и мужеству, и равно безчестнымъ наказанiемъ робкому, подлому или безчеловѣчному воину. Одно имя какого нибудь человѣка уже довольно означало пороки его или добродѣтели; и сей обычай несравненно нужнѣе въ просвѣщенномъ народѣ, гдѣ всѣ сердца по-

кро-

кровенны единообразною завѣсою, нежели въ дикомъ, гдѣ не знаютъ искусства, какъ притворяться и утаевать свои страсти и чувствованія.

Наступательное Каледонянъ оружіе было копье, стрѣлы, кинжалъ и мечь; защитительное, шлемъ и щитъ. Шлемъ Государя украшенъ былъ орлинымъ перомъ. На щитѣ его возвышались многія выпуклости, которыя именовались, *гласы войны*; потому что каждая выпуклость издавала особенный голосъ, и возвѣщала особенное повелѣніе. Когда Государь пріуготовлялся къ войнѣ, то Бардъ приходилъ въ полночь въ *пиршественную залу*; онъ возглашалъ пѣснь военную, и три краты призывалъ тѣни древнихъ своихъ Героевъ, чтобъ они взирали на подвиги своихъ потомковъ; наконецъ повѣсивъ Царской щитъ на дерево, ударялъ въ него повременно остріемъ копія, продолжая пѣснь военную. Сіи обряды повторяемы были отъ него непрерывно чрезъ три ночи. Въ тоже время отправляемы были Барды во всѣ страны, созывать на брань всѣ колѣна. *Возвысить* или *повѣсить на древо щитъ*

зна-

значило обыкновенно тоже, что начать войну.

Ежели иногда вождю сказано будетъ, что непрїятель вступилъ въ его земли, то онъ немедленно закалалъ собственнымъ мечемъ козу, и обожженную въ огнѣ палку омочалъ до половины въ крови, и вручалъ ее своимъ воинамъ, которые носили ее съ невѣроятною скоростїю изъ селенїя въ селенїе, и чрезъ нѣсколько часовъ всѣ колѣна видимы уже были въ оружїи.

Сїя обожженная и окровавленная палка означала нѣкоторый родъ объявленїя, чрезъ которое вождь угрожалъ карать огнемъ и мечемъ всѣхъ нехотящихъ стать подъ его знаменами. Сей обрядъ, называемый *Крантерою* и *Крантарою*, сохранялся въ сѣверной Шотландїи чрезъ многїе вѣки, и почти до нынѣшнихъ временъ.

Каледоняне сражались всегда пѣшїе; одни только вожди употребляли иногда колесницы, и посему-то Оссїанъ прилагаетъ имъ названїе *Карборнъ*, т. е. несомый на колесницѣ.

ВЪ чертогахЪ вождя находилась пространная зала, вЪ которой онЪ при торжественныхЪ случаяхЪ учреждалЪ пиршество для своихЪ колѣнЪ. Герой, отягченный бременемЪ старости, и уже не могущїй носить оружїя, торжественно вѣшалЪ оное на стѣнѣ пиршественной залы и не являлся болѣе вЪ сраженїяхЪ. Сїя эпоха жизни называлася у нихЪ, *время повѣситъ свое оружїе*. На сей стѣнѣ висѣли также корысти и оружїя, совлеченныя со знаменитыхЪ непрїятелей.

Когда день сраженїя уже назначенЪ, то Государь предшествующую дню сему ночь препровождалЪ на холмѣ, отдаленномЪ отЪ своего воинства. Тамо уединенЪ и безмолвенЪ размышлялЪ онЪ о порядкѣ сраженїя, и о расположенїи своихЪ ратниковЪ. СЪ восходомЪ солнца вручалЪ все войско одному изЪ вождей, а самЪ оставался на холмѣ сЪ нѣсколькими Бардами. Прочїе Барды, слѣдуя за войскомЪ, возглашали военныя пѣсни. Государь, видя своихЪ воиновЪ уступающихЪ непрїятелю, посылалЪ немедленно Барда, дабы воспламенить мужество ихЪ военнымЪ пѣнїемЪ; но

но ежели не имѣло успѣха и сїе ободренїе, то Государь сходилъ уже съ холма, предводительствовалъ воинствомъ, и самъ сражался.

Каледоняне, получа славную побѣду, возвышали знакъ ея достопамятности. Сей знакъ былъ камень, подъ коимъ полагали оружїе и обожженную палку, а между тѣмъ Барды играли на арфахъ и пѣли хоромъ. Такїе камни еще и нынѣ въ сѣверной Шотландїи находятся.

Каледоняне поступали съ побѣжденными человѣколюбиво, и всегда почти возвращали вольность плѣннымъ; но ежели вождь рѣшился умертвить какого нибудь плѣнника, то сему нещастному объявляли смерть его, ударяя въ щитъ копейнымъ острїемъ; а между тѣмъ Бардъ, стоя въ отдаленїи, пѣлъ надгробную пѣснь. Шотландцы при такихъ случаяхъ имѣли другое обыкновенїе, которое хранилось еще и въ наши времена: всѣ знаютъ о тельчей головѣ, предложенной Лорду Дугласу въ Эдимбургскомъ замкѣ, въ знакъ увѣдомленїя, что смерть его уже приближилась.

По

По враждѣ и ненависти предковъ частныя сраженія были у нихъ весьма обыкновенны. Два Каледонскіе вождя вѣчную между собою имѣли войну по тому только, что ихъ предшественники были другъ другу непріятелями. Но и дружество казалось быть также наслѣдственнымъ; и въ ту минуту, когда два ратника сражаются съ невѣроятною свирѣпостію, ежели одинъ изъ нихъ скажетъ свое имя и породу, и что ихъ предки были между собою друзья, немедленно другой бросаетъ на землю оружіе, и объемлетъ своего противника. Впрочемъ и то правда, что избѣгать такимъ образомъ сраженія или смерти, вмѣнялось герою въ незагладимое и вѣчное безчестіе, и уличить воина, что онъ сказалъ имя свое непріятелю, значило тоже, что ругать его за робость, и сдѣлать ему самую чувствительную и колкую насмѣшку.

Безславіемъ и стыдомъ великимъ почиталось у нихъ также просить о помощи, и потому въ самой только крайней нуждѣ и бѣдѣ прибѣгали они къ своимъ друзьямъ или союзникамъ. И для

сей-то можетъ быть причины Оссіанъ никогда не изводитъ боговъ на сраженія, для покровительства Героевъ. Онъ думалъ, что чрезъ сіе уменьшается ихъ слава, ежели превышшія существа будутъ ихъ защитниками. И такъ во всѣхъ его поэмахъ не находится ни одной черты, касающейся до богопочитанія тогдашняго времени. Напротивъ того у прочихъ народовъ стихотворство неразрывнымъ и непремѣннымъ союзомъ соединено съ баснями о ихъ богахъ.

Пришедшіе просить о помощи какого нибудь вождя, держали въ одной рукѣ щитъ обагренной кровію, а въ другой переломленное копіе. Щитъ означалъ смерть ихъ друзей и сродниковъ, а копіе было знакомъ ихъ безсилія и нещастнаго состоянія. Ежели вождь соглашался на ихъ прозьбы, то наливалъ *чашу пиршества*, и подносилъ ее посланнымъ, во знакъ своего имъ покровительства и дружбы.

Ежели воинъ, вступя въ чужую землю, несъ копіе свое предъ собою, поднявъ остріе вверьхъ: то симъ увѣдомлялъ ихъ, что онъ принесъ войну, и потому по-

поступали съ нимъ какъ съ непрїятелемъ; когда же влекъ сїе оружїе позади себя, опустя острїе къ землѣ, сїе значило дружбу и миролюбїе, и немедленно приглашали его къ пиршеству, и обходились съ нимъ по долгу и священнымъ правамъ гостепрїимства.

Ни въ какомъ народѣ гостепрїимство не было толь много и толь свято наблюдаемо, какъ у древнихъ Шотландцовъ. Безчестно было знаменитому человѣку заключить дверь свою для входа иноплеменнымъ. Барды называли такого человѣка *грознымъ облакомъ, отъ котораго чужестранные удаляются*. Упрека въ такомъ поступкѣ столько же почти была постыдна и досадна для Каледонянина, какъ упрека въ подлой робости. Напротивъ того *другъ иноплеменныхъ* почиталося наимянованїемъ самымъ прехвальнымъ и почтительнымъ, какое только можно приписать великодушному вождю. Барды паче всего старалися подкрѣплять сїе благородное и отличное свойство между своими соотечественниками. Преданїе сохранило намъ примѣръ госте-

прїимства въ семъ народѣ. Одинъ изъ первѣйшихъ Князей Аргильскихъ увѣдомясь, что нѣкоторый знаменитый Ирландской господинъ ѣдетъ къ нему въ гости, имѣя при себѣ великое множество спутниковъ, опасался, чтобъ его замокъ не былъ для гостя сего тѣсенъ, и такъ приказалъ его сожечь; разставилъ палатки на берегу, и принялъ господина Ирландскаго съ возможнымъ великолѣпїемъ. Такой поступокъ намъ кажется безразсуднымъ, но въ тогдашнее время удивлялись ему, и онъ прославленъ пѣнїемъ Бардовъ.

Иностранные обыкновенно принимаемы были въ пиршественной залѣ, гдѣ угощали ихъ чрезъ три дни. Спрашивать о ихъ имени прежде прошествїя сихъ дней почиталось нарушенїемъ правъ гостепрїимства; потому что, ежели узнано будетъ, что предки хозяина и гостя были между собою непрїятели, то немедленно сраженїе заступало мѣсто пиршества. И такъ, когда хотѣли Каледонянина упрекнуть, что не сохранилъ онъ свято правъ гостепрїимства, то говорили, что *онъ спросилъ иностранца о имени прежде сроку.*

По

По окончанїи торжества приглашали они гостей своихъ на *честь копья*; это былъ нѣкоторой родъ тогдашнихъ ристалищъ, продолжавшїйся чрезъ долгое время въ Сѣверной Шотландїи. Звѣриная ловля составляла часть торжества, и вождь обязанъ былъ сдѣлать честь своему гостю при семъ случаѣ, оставляя ему одному всѣ трудности. Убить свирѣпаго вепря, отъ ярости котораго жизнь пришельца подвергается опасности, почиталось незнанїемъ правъ гостепрїимства.

Когда иноплеменникъ отходилъ, то Каледонянинъ бралъ себѣ его оружїе, и давалъ ему свое. Сїе оружїе хранилось въ ихъ поколѣнїи, какъ достопамятный знакъ дружества ихъ предковъ.

У древнихъ Шотландцовъ при всякихъ торжествахъ горѣлъ превеликой дубовой столпъ, называемый отъ нихъ столпомъ пиршества. Не много тому прошло времени, какъ сїе обыкновенїе уничтожено; и множествомъ вѣковъ столько сей обычай сдѣлался священнымъ, что простой народъ почелъ святотатствомъ сїе уничтоженїе.

Преданіе сохранило намъ, какимъ образомъ пріуготовляли они свои пиршества. Выкапывали сперва довольно пространную яму, и внутри ее обложивъ гладкими кремнями, подобными ружейнымъ, собирали еще нѣкоторое число плоскихъ камней такого же роду; по томъ возжигали хворостомъ яму сію и камни до такого степени жару, чтобъ можно было варить мяса, и клали въ нее попеременно дичину и слой камней, доколѣ яма наполнится. Тогда уже сверьхъ всего покрывали яму еще хворостомъ, чтобъ жаръ надлежащую имѣлъ степень. Показываютъ еще и нынѣ такія ямы въ Сѣверной Шотландіи, и горные жители утверждаютъ, что сіи ямы точно для такихъ случаевъ были выкопаны.

Древніе Скотты, равно какъ и нынѣшніе горные жители, пили изъ большихъ раковинъ. Для сего часто встрѣчается намъ въ стихотвореніяхъ Гальскихъ названіе, *Царъ раковинъ*, *зала раковинъ*, и проч. Трудно опредѣлить, какой напитокъ они употребляли, которой впрочемъ называли они *крѣпостью*, или *силою*

*лою ракопинъ.* Аглинской Переводчикъ говоритъ, что онъ знаетъ древнія нѣкоторыя поэмы, гдѣ упоминается о свѣтильникѣ восковомъ, и о винѣ, какъ о вещахъ весьма обыкновенныхъ чертогамъ Фингаловымъ. Имя *вино*, взятое ими отъ Латинскаго языка, доказываетъ, что ежели Каледоняне имѣли сей напитокъ, то непремѣнно обязаны имъ Римскому народу, и поэмы сего времени свидѣтельствуютъ, что напитокъ сей почитали они самою драгоцѣнною корыстью, какую только могли получить отъ *Царя печенныя.*

Во время пиршества и угощенія чужестранныхъ Барды всегда пѣли, и притомъ играли на арфѣ: часто изображали они нѣкоторыя достопамятныя произшествія. Въ семъ собраніи поэмъ увидимъ мы такого роду драмы. Ежели гость былъ имъ уже извѣстенъ, никогда не упускали они, чтобъ не воспѣть его похвалы, и равно его предковъ.

Вольность и свобода, съ какою древніе Шотландцы другъ друга посѣщали, весьма много послужила къ распростра-

 не-

женію ихъ мыслей, и къ умягченію нравовъ.

Не должно воображать себѣ Каледонянъ подобными нынѣшнимъ дикимъ народамъ, которые, не имѣя точнаго отечества, и почти своего поколѣнія, не знаютъ другаго общества, кромѣ того, которое по нуждѣ и на короткое время составляется, и также другихъ наукъ, кромѣ звѣриной и рыбной ловли. Каледоняне, благодаря святости наблюденія священныхъ правъ гостепріимства, познали заблаговременно ласковое обхожденіе, и всѣ должности общежитія: и сіе, можетъ быть, есть начальнымъ источникомъ и виною уваженія и предпочтенія, оказываемаго ими прекрасному полу. Г. Маллетъ, въ преизрядномъ своемъ введеніи въ Данскую Исторію, справедливо примѣчаетъ, что древніе Цельты мыслили о женщинахъ, и поступали съ ними совсѣмъ противнымъ образомъ обыкновенію Азіатскихъ и нѣкоторыхъ полуденныхъ народовъ. Сіи послѣдніе, по чудному, но впрочемъ свойственному имъ противоборствію мыслей, были чрезвычайно пристра-

стны

стны къ женскому полу, но почти никакого не имѣли къ нему уваженія; вдругъ и рабы и тиранны его, увольняли они его отъ здравыхъ разсужденій, и сами равно позабывъ собственный разсудокъ, поступали съ прелестнымъ симъ поломъ такъ, что чрезмѣрную къ нему привязанность и преданность премѣняли вдругъ въ презрѣніе, чувство же самой горячей любви въ чувствіе безчеловѣчной ревности, или въ уничтожительное хладнокровіе, что несноснѣе и обиднѣе самой ревности.

Напротивъ того у древнихъ Цельтовъ женщины почитаемы были не какъ оружія сластолюбивыхъ и чувственныхъ прихотей, но какъ помощницы и подруги въ общежитіи, которыхъ почтеніе, столько же драгоцѣнное, какъ самыя ихъ благосклонности, не могло быть снискано, какъ только чрезъ благородное и ласковое съ ними обхожденіе, чрезъ Геройскіе подвиги и чрезъ добродѣтель.

Въ Оссіановыхъ стихотвореніяхъ увидимъ мы, что Каледоняне благородное сіе почтеніе и уваженіе къ женскому полу столько же далеко простерли, какъ

и прочїе Цельты. Не видно, чтобЪ они вЪ бракосочетанїяхЪ много имѣли обрядовЪ; тесть обыкновенно давалЪ зятю свое оружїе, и вЪ семЪ оружїи состояло все приданое, какое женихЪ хотѣлЪ взять за своею невѣстою. КаледонянинЪ, будучи вѣренЪ кЪ своей красавицѣ, избранной сердечнымЪ чувствїемЪ, никогда не имѣлЪ вдругЪ многихЪ женЪ. Супруга, любящая сЪ нѣжностїю своего Героя, слѣдовала иногда за нимЪ на войну, преобразясь вЪ ратника. Такїя превращенїя часто срѣтаются вЪ поэмахЪ нашего Барда, и они всегда привлекательны.

Мужество и красота были единственными качествами, кЪ которымЪ большее имѣли вниманїе вЪ бракосочетанїяхЪ. Государи и вожди, не имѣя никакой особенной пользы и нужды соединяться союзомЪ крови сЪ простолюдинами, предавали чадамЪ своимЪ свое мужество, и всѣ знаменитыя дарованїя, отличающїя ихЪ отЪ простаго народа. Сїи качества и дарованїя неразделимыми казались отЪ благородной крови, и *Сулмалла* по высотѣ роста и по величественной выступкѣ узнала, что

Ос-

*Оссіанъ* и сынъ его *Оскаръ* произошли отъ Царскаго поколѣнія.

*Каледоняне* брачныя узы почитали священными. Увидимъ мы, что *Фингалъ* жестоко поноситъ юнаго воина, который похитилъ у иностраннаго вождя молодую супругу; сражается за сего похитителя противъ своего желанія, и съ досадою проситъ мира у раздраженнаго супруга, и предлагаетъ, что онъ возвратитъ ему супругу, присоединя знаменитые дары.

Не малые успѣхи, какіе имѣли уже *Каледоняне* во многихъ наукахъ во времена Оссіановы, отличаютъ также ихъ отъ нынѣшнихъ дикихъ народовъ. Они довольно рано упражнялись въ такихъ наукахъ, которыя цвѣтами пріятностей украшаютъ теченіе жизни человѣческой, какъ на пр. стихотворство и музыка. Сіе собраніе поэмъ покажетъ намъ, на какомъ степени было ихъ стихотворство. Но труднѣе опредѣлить, какая и какова была ихъ музыка. Не льзя доказать, соединяемы ли были голоса поющихъ со струнами арфы; однако можно примѣтить во многихъ мѣстахъ, что согласованіе голо-

совъ

совъ съ тонами музыкальныхъ орудiй не было для нихъ неизвѣстно. Г. Макферсонъ думаетъ, что переняли они у *Скандинавовъ* пѣнiе, которое называли *Фоноамарра*, т. е. пѣнiе Сиренъ. Но какое было сiе пѣнiе, сего-то рѣшить никакъ не можно, по причинѣ отдаленной древности, и притомъ никакихъ остатковъ сего пѣнiя не дошло до временъ нашихъ.

Свойства деревъ и растенiй цѣлительныхъ, раждаемыхъ обильно природою въ странахъ гористыхъ, не были имъ неизвѣстны. *Фингалъ* довольно прославлялся въ сѣверѣ искусствомъ своимъ въ наукѣ врачебной. Ежели вѣрить нѣкоторымъ Ирландскимъ стихотворенiямъ, онъ содержалъ въ чашѣ соки, извлеченные изъ разныхъ растенiй, которыя въ скоромъ времени могли изцѣлять язвы. Почти въ наши времена, наука изцѣлять раны сдѣлалась уже всеобщею у горныхъ Шотландскихъ жителей. Не примѣтно, чтобъ *Каледоняне* подвержены были другимъ болѣзнямъ, требующимъ врачебной помощи. Воздержная и трудолюбивая жизнь предохраняла ихъ отъ сего множества болѣзней.

ней, обременяющихъ народъ просвѣщенной и привыкшій къ роскоши; и сверьхъ того облегчала тѣ болѣзни, которыя непремѣнно соединены со слабымъ человѣчествомъ.

Безъ сомнѣнія роду жизни ихъ приписать должно, что матери при разрѣшеніи отъ бремени не весьма долговременнымъ и жестокимъ мученіямъ подвержены были; но сего блага почитали они тогда виною нѣкоторые волшебные пояса, могущіе по ихъ мнѣнію *ускорять рожденіе Героевъ*: не много протекло времени, какъ такіе пояса хранились еще въ Сѣверной Шотландіи: на нихъ видны были разные таинственные знаки, и опоясывали ими женщинъ, произнося нѣкоторыя слова, и наблюдая разныя тѣлодвиженія, которыя доказываютъ, что сіе обыкновеніе начало свое имѣетъ отъ Друидовъ.

Презрѣніе къ спокойной и бездѣйственной жизни удаляло ихъ всегда отъ механическихъ художествъ, и отъ самаго земледѣлія. По крайней мѣрѣ въ стихотвореніяхъ тогдашнихъ нигдѣ не упоминается, чтобъ они были имъ извѣстны, выключая искусство ковать оружіе.

Они

Они имѣли золото и желѣзо: золото служило для украшенія воинскихъ оружій. Оружіе ихъ было изъ желѣза или стали. Сего металла ни на что другое не употребляли, и мы увидимъ, что военноплѣнныхъ связывали они мѣдными узами. Равнымъ образомъ для укрѣпленія кораблей, и для прочихъ нуждъ, касающихся до мореплаванія, употребляли они вмѣсто канатовъ долгія мѣдныя цѣпи. Мореплаваніе во времена *Фингалопы* было у нихъ уже въ довольномъ совершенствѣ. *Калезоняне* многократно преплывали бурныя Скандинавскія моря. Они знали уже звѣзды, и различали ихъ по разнымъ названіямъ. Изъ сего видно, что древніе Шотландцы не были простые только звѣроловцы, и заключенные въ своемъ островѣ, не вѣдая ничего о прочихъ странахъ свѣта. Частые и многочисленные ихъ походы въ Ирландію, Скандинавію, и въ Сѣверную Германію, подали имъ случай умножить свои знанія, примѣтить обыкновеніе и нравы различныхъ земель, и преселить въ свое отечество полезныя науки, цвѣтущія у прочихъ народовъ.

Иску-

Искусство сооружать каменныя зданія было одно изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ завоеванія и корыстей, которыя, не ограбляя побѣжденнаго, умножали истинное сокровище и богатство побѣдителя. Ни одинъ дворецъ Фингаловъ, изключая *Тифоармалъ*, не былъ сооруженъ изъ дерева. *Тифоармалъ* была пространная зала, гдѣ Барды каждой годъ собиралися для чтенія своихъ сочиненій, прежде нежели отдадутъ на разсужденіе Фингалово. Сіе деревянное зданіе сгорѣло, и Г. *Макферсонъ* свидѣтельствуетъ, что нѣкоторый Бардъ оставилъ достопамятное росписаніе всѣхъ матеріаловъ, изъ коихъ оно состояло.

Зданія всегда они сооружали на мѣстахъ возвышенныхъ, чтобъ имѣть предъ глазами свои владѣнія, или чтобъ непріятель не подкрался. Посему многіе изъ такихъ замковъ назывались *Селамою*, что значитъ хорошій видъ, и отъ сего произошло имя *Сельмы*, обыкновенной столицы Государей Шотландскихъ; домы вождей были украшены башнями. Не извѣстно, до какого степени совершенства

до-

дошла ихъ Архитектура. Храмовъ никогда они не сооружали, и никакое мѣсто не было посвящено единственно для богопочитанія. Оссіанъ показываетъ даже иногда нѣкое презрѣніе ко храмамъ и къ служенію, какимъ почитали *Одена* бога *Скандинавовъ*, и котораго онъ называетъ *Лодою*. Не было также у нихъ никакихъ изображеній, ни истукановъ божескихъ, и симъ отличаетъ ихъ Оссіанъ отъ Скандинавовъ, описывая сихъ послѣднихъ призывающими бога своего *Одена*, и стоящими вокругъ его истукана, коего сей стихотворецъ называетъ *камнемъ могущества*. Или вѣрили они, что вся природа есть храмъ божества? сего утверждать мы не дерзаемъ. Почти не можно думать, чтобъ не имѣли они какихъ нибудь понятій о бытіи всевышняго Существа, и Оссіанъ, не взирая на то, что нигдѣ не упоминаетъ о богопочитаніи своего отечества, толь просвѣщенной показываетъ въ себѣ разумъ, что не льзя ни мало подозрѣвать и сомнѣваться, чтобъ не имѣлъ онъ понятія о сей великой и все-

всеобщей истиннѣ. Нѣкоторыя мѣста въ его поэмахъ могутъ служить доказательствомъ, что онъ признавалъ Бога.

Правда, что Каледоняне ни одного изъ своихъ героевъ по смерти его не включали въ число боговъ, различествуя въ томъ отъ всѣхъ почти народовъ вселенныя. Но сіе должно приписать понятію, какое имѣли они о могуществѣ, которое поставляли въ силѣ и крѣпости тѣлесной, и въ высотѣ роста, въ дарованіяхъ, разрушаемыхъ смертію. Какъ думать, чтобъ не признавали они Всевышняго Существа, когда вѣрили безсмертію души, и ожидали въ будущей жизни достойнаго воздаянія добродѣтельнымъ и порочнымъ людямъ?

По мнѣнію Каледонянъ, души обитали на облакахъ по разлученіи съ тѣломъ. Всѣ жившіе добродѣтельно, и показавшіе мужественные въ сраженіяхъ подвиги, принимаемы были съ радостію *въ воздушные чертоги своихъ предковъ*. Но злые и безчеловѣчные изключены были изъ жилища героевъ, и осуждены странствовать и носиться на бурныхъ вихряхъ.

 Вѣ-

вѣрили также, что въ воздушныхъ чертогахъ находятся разныя мѣста и степени, и герои, по мѣрѣ своихъ заслугъ и храбрыхъ подвиговъ, получали меньше или больше возвышенную степень. Сїе мнѣнїе споспѣшествовало къ возбужденїю благородной ревности во всѣхъ воинахъ.

Душа сохраняла тѣ же склонности и пристрастїя, какїя имѣла она, будучи сопряжена съ тѣломъ. Тѣнь героя предводительствовала еще мечтательнымъ воинствомъ, учреждала его въ боевой порядокъ и вступала въ сраженїе въ воздушномъ пространствѣ. Ежели герой пристрастенъ былъ къ ловитвѣ звѣрей, то сидя на *бѣгунѣ, составленномъ изъ паровъ*, гонялся онъ за *вепрями облачными*. Словомъ, блаженство, каковымъ наслаждалися въ воздушныхъ селенїяхъ, состояло въ томъ, чтобъ вѣчно вкушать отрады и увеселенїя, бывшїя въ сей жизни.

Каледоняне вѣрили, что души управляли бурями и вѣтрами; сего мнѣнїя держатся еще и нынѣшнїе горные жители; они думаютъ, что вихри и порывистыя

устрем-

устремленія вѣтровъ, производятся духами, преносящимися съ одного мѣста на другое. Древніе Шотландцы почитали первымъ увеселеніемъ тѣней, управлять по своей волѣ стихіями, но впрочемъ не приписывали имъ никакой власти надъ человѣками.

Никогда герой не могъ вступить въ воздушные чертоги своихъ предковъ, доколѣ Барды не воспоютъ въ честь ему надгробной пѣсни. Сія пѣснь была одна существеннымъ обрядомъ ихъ погребенія; а въ прочемъ видима была простота при семъ последнемъ подвигѣ жизни. Тѣло умершаго полагали на глиняный слой въ яму глубиною въ 6 или 8 пядей. Ежели умершій былъ воинъ, то клали по одну его сторону мечь его и двенатцать стрѣлъ; по томъ покрывали тѣло глинянымъ слоемъ, на которой полагали рога оленя или другаго дикаго звѣря, во знакъ звѣриной ловли; иногда убивали гончаго пса, которой былъ особенно любимъ покойникомъ и клали его на сей второй глиняной слой; сверьхъ всего набрасывали землю, и четыре камня, возвышенные на

 че-

четырехъ углахъ гроба, означали его пространство. О сихъ-то камняхъ упоминаетъ часто Оссіанъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Обыкновенно имѣли одного Барда, который бы немедленно воспѣлъ въ честь герою надгробную пѣснь, и чрезъ то отверзъ ему врата чертоговъ облачныхъ. Ежели сей обрядъ былъ неисполненъ, душа героя оставалась погруженною въ туманѣ озера, называемаго *Лего*. Пары сего озера были весьма вредоносны, и производили иногда неизлѣчимыя болѣзни; потому Барды и вымыслили, что души, изшедшія изъ тѣла, обитаютъ въ семъ озерѣ, доколѣ не воспѣта имъ пѣснь надгробная. Тѣнь ближайшаго покойникова сродника должна тогда была принять пары, окружающіе его душу, и разсыпать ихъ надъ его гробомъ: думали, что сей священный долгъ утѣшалъ нещастную душу. Весьма ощутительно, сколь нужно было для Бардовъ укрѣплять въ народѣ такія мнѣнія, дабы свой санъ учинить нужнымъ и достойнымъ благоговѣйнаго почтенія.

Вѣрили также, что смерть не могла прервать узъ крови и дружества. Тѣни въ щастливыхъ и нещастныхъ случаяхъ, приключившихся ихъ сродникамъ или друзьямъ, принимали участїе; и нѣтъ можетъ быть народа во всемъ свѣтѣ, который бы столько вѣрилъ привидѣнїямъ. Положенїе земли способствовало къ сему столь же много, сколь и природная склонность къ легковѣрїю, которая обыкновенною бываетъ участью непросвѣщенныхъ народовъ. Каледоняне часто ходили въ пространныхъ и мрачныхъ пустыняхъ и въ дебряхъ; часто сыпали тамъ на открытомъ воздухѣ, посреди бурныхъ дыханїй вѣтровъ и при шумѣ источниковъ; ужасные виды, ихъ окружающїе, могли удобно производить въ душѣ ихъ расположенїе къ задумчивости, чрезъ которое мысли ихъ толь легко принимали въ себя напечатлѣнїя чрезвычайныя и сверьхъестественныя.

Неудивительно, что они въ то самое время, когда предавались усилїямъ сна, имѣя душу наполненную сихъ мрачныхъ воображенїй, и обезпокоены будучи

волненїемъ стихїй, вѣрили, что слышатъ голосъ мертвыхъ, хотя въ самой вещи слышали они шумъ вѣтровъ въ пустотѣ стараго дерева, или въ разсѣдинѣ камня. Симъ-то причинамъ должно приписать всѣ басни, о которыхъ горные жители повѣствуютъ, и которымъ они вѣрятъ еще до нынѣ.

Великое различїе полагали они между явленїемъ добрыхъ и злыхъ душъ. Первыя часто своимъ друзьямъ являлись въ дневное время, въ долинахъ прїятныхъ и уединенныхъ; другїя напротивъ того показывались только ночью, посреди бурь и посреди печальныхъ видовъ. Смерть, по ихъ мнѣнїю, не уничтожала красоты женщинъ; тѣни ихъ сохраняли всѣ черты тѣлесныхъ прелестей. --- Ужасъ ихъ не окружалъ. Онѣ протекали воздушное пространство съ такимъ кроткимъ и прїятнымъ движенїемъ, какое Гомеръ приписываетъ своимъ богамъ и богинямъ.

Когда Каледонянинъ рѣшится уже къ какому нибудь знаменитому дѣянїю, то предковъ его тѣни нисходили съ облачныхъ жилищъ и предсказывали ему ща-

стливой или нещастной конецъ его предпрiятiя; но ежели онѣ ему не являлися, такъ по крайней мѣрѣ давали какое нибудь предзнаменованiе, касающееся до успѣховъ его намѣренiя. Оссiанъ, въ одной своей поэмѣ, щастливое заключаетъ для себя пророчество изъ того, что онъ, изшедши на берега Беррапона, гдѣ ему должно было сражаться, убилъ свирѣпаго вепря. Горные жители еще и нынѣ заражены симъ суевѣрiемъ, которому впрочемъ и всѣ просвѣщенные народы подвержены.

Каждой человѣкъ имѣлъ при себѣ тѣнь или духа покровителя, который слѣдовалъ за нимъ со дня его рожденiя. Когда смерть его приближалася, то охранительный духъ, принявъ на себя голосъ его и видъ, являлся въ такомъ положенiи, въ какомъ ему должно умереть, и произносилъ повременно жалостные и плачевные вопли. Ежели былъ то человѣкъ знаменитой, тѣни умершихъ Бардовъ чрезъ три ночи пѣли вокругъ призрака, которой изображалъ сего человѣка.

Древнiе Скотты всегда вѣрили, что слышатся вопли духа или тѣни въ томъ

мѣстѣ, гдѣ должно совершиться убивству. Сїе мнѣнїе между горными Шотландскими жителями еще и до нынѣ не истребилося. Тѣнь, по ихъ мнѣнїю, принесшись на воздушномъ нѣкоемъ составѣ, два или три раза облетаетъ вокругъ мѣста, на которомъ человѣкъ будетъ пораженъ; послѣ того шествуетъ она тихо вдаль по дорогѣ, по которой провождаемо будетъ тѣло умершаго, и произноситъ плачевныя и томныя стенанїя; наконецъ воздушный составъ и тѣнь изчезаютъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ должно предать тѣло сїе землѣ.

Какъ только ратникъ погибнетъ въ сраженїи, то его оружїе, оставленное имъ въ своемъ домѣ, являлось обагреннымъ кровїю. Его тѣнь навѣщала мѣста его рожденїя, и показывалась ловчимъ его псамъ, которые, видя ее, производили страшный и печальный вой. Въ нынѣшнее даже время, ежели какое животное вдругъ содрогнется, то простолюдинъ думаетъ, что оно увидѣло тѣнь.

Духамъ единственно приписывали Каледоняне большую часть естественныхъ при-

приключенїй. Поражаетъ ли ихъ слухъ отзывъ камней, ударяемыхъ вѣтромъ: это былъ духъ, обитающїй на горахъ, и любящїй повторять звуки, которые онъ слышалъ. Томный и плачевный шумъ, предвозвѣщающїй бурю, и столько извѣстный всѣмъ живущимъ въ каменистыхъ мѣстахъ, почитался у нихъ ревомъ духа, обитающаго на холмахъ высокихъ. Ежели вѣтръ производилъ звуки въ арфахъ Бардовъ, то по ихъ мнѣнїю значило, что сей тонъ произведенъ легкимъ прикосновенїемъ тѣней, предвозвѣщающихъ смерть какого нибудь знаменитаго мужа; и рѣдко вождь или Государь лишался жизни, чтобъ арфы Бардовъ, отъ него покровительствуемыхъ, не произнесли такого прорицательнаго звука. Умеръ ли нещастной человѣкъ отъ чрезмѣрной печали и горести: сїе значило, что тѣни его предковъ, видя его отъ всѣхъ оставленна, и борющагося безъ надежды съ лютостїю своего жребїя, унесли его душу, и свободили его отъ мучительной жизни.

Всякой можетъ чувствовать, сколь для нихъ утѣшительно было населять при-

природу тѣнями своихъ предковъ и друзей, и вѣритъ, что онѣ всегда сими любезными тѣнями окружены. Такія мысли и воображенія безъ сомнѣнія были стихотворческія; но они показываютъ томную задумчивость во всѣхъ сочиненіяхъ Оссіановыхъ. Особливо пріятно ему было описывать виды и явленія ночи; онъ съ удовольствіемъ и усладженіемъ продолжительно описываетъ все, что она ни представляетъ въ себѣ мрачнаго и величественнаго.

Задумчивость Оссіанова умножилась еще собственнымъ его состояніемъ. Онъ тогда началъ сочинять свои поэмы, когда уже дѣйствительная часть жизни его прешла. Онъ былъ уже слѣпъ, и остался одинъ послѣ всѣхъ сподвижниковъ, сопутствовавшихъ ему въ юности.

Нѣтъ, кажется, нужды сказывать, что званіе Эпической поэмы Фингалу, Теморѣ, и другимъ Оссіановымъ стихотвореніямъ, далъ Г. Макферсонъ. Учебныя выраженія (termini technici) не извѣстны были Шотландскому Барду. Онъ жилъ въ такомъ вѣкѣ и въ такой стра-

нѣ,

нѣ, гдѣ Греческая и Римская ученость была совсѣмъ неизвѣстна. Ежели во многихъ мѣстахъ своихъ стихотворенїй уподобляется онъ Гомеру, такъ причиною тому, что тотъ и другой въ сочиненїяхъ своихъ имѣли образцомъ природу.

Не должно разсматривать, говоритъ Г. Макферсонъ, сочиненїй Цельтическаго Барда, сообразуясь правиламъ Аристотеля, какїя выбралъ онъ изъ поэмъ Гомеровыхъ, и не назвать Оссїана Эпическимъ стихотворцомъ по тому только, что его путь несходенъ съ путемъ Греческаго стихотворца. Нравы и умы Грековъ и Цельтовъ были весьма между собою различны. Греки были живы, быстры, веселы и многорѣчивы; но Цельтамъ свойственна была важность, притомъ краткое и сильное выраженїе: и посему видимъ мы, что стихотворенїя Гомеровы и Оссїановы имѣютъ на себѣ знаки, и такъ сказать печать различнаго свойства своихъ народовъ. Не должно ихъ поэмъ сравнивать почастно и въ подробностяхъ; но есть, продолжаетъ Г. Макферсонъ, общїя правила, которымъ оба сїи стихо-

творцы

творцы равно послѣдовали; потому что ихъ сама природа напечатлѣвала въ ихъ разумѣ и воображенiи, и симъ сходствомъ доказывается, можетъ быть, лучше точность и справедливость правилъ Эпической поэмы, нежели обширными разсужденiями, какiя написалъ о нихъ Аристотель.

Такъ разсуждаетъ Аглинскiй переводчикъ; съ нимъ согласно мыслитъ и переводчикъ Италiанскiй Г. Аббатъ Цезаротти, который вездѣ Каледонскаго Барда видитъ равнымъ Гомеру. Здѣсь небезполезно увѣдомить, что сiе мнѣнiе принадлежитъ имъ, и что предлагать его, не значитъ усыновлять его себѣ безъ всякаго изключенiя. Сiя предосторожность тѣмъ болѣе нужна, что нынѣ съ восхищенiемъ уважать и удивляться сочиненiямъ иностраннаго стихотворца вмѣняется почти въ непростительное преступленiе, и что въ наукахъ и учености должно слѣдовать вкусу народа и времени, чтобъ не подвергнуться проклятiю или изгнанiю изъ общества ученыхъ; и что наконецъ есть правила, которыя хотя весьма благоразумны и справедливы, но не-

незаключающїя въ себѣ всѣхъ предѣловъ науки, почтены отъ всѣхъ почти какъ бы священными догматами, безъ которыхъ нѣтъ ни заслуги ни спасенїя.

Не поставляя Оссїана на одномъ степени съ Гомеромъ, увѣрены мы впрочемъ, что онъ былъ великой стихотворецъ, и что въ его поэмахъ повсюду срѣтаются намъ прїятности, красоты и драгоцѣнныя высокаго духа свойства. Прочитавъ сїе поэмъ его собранїе, всякой отдастъ достодолжную честь и благодарность Г. Макферсону за услугу, какую онъ показалъ ученому обществу.

Весьма чудно кажется, что сїи поэмы, которымъ чрезъ четырнатцать вѣковъ удивлялись въ одной части Великобританїи, неизвѣстны были до нашихъ временъ въ другой ея части; и что Агличане, не преминувъ на свой языкъ перевесть всѣ хорошїя сочиненїя, какъ древнїя, такъ и нынѣшнїя, чрезъ толь долгое время нерадили ископать сокровище, сокрытое природою въ ихъ отечествѣ.

Прежде Г. Макферсона ученые люди, знающїе Гальской языкъ, не отважились ни

ни одной поэмы древнихъ Бардовъ перевесть на свой языкъ, или потому что не имѣли они у себя, кромѣ нѣкоторыхъ отрывокъ, или что не надѣялися удержать и выразить въ своемъ переводѣ всѣхъ красотъ сочинителя. Г. Макферсонъ признается, что онъ и самъ долгое время былъ такого же мнѣнія, и хотя имѣлъ у себя весьма великое число Гальскихъ поэмъ для собственнаго удовольствія, и хотя восхищался красотами ихъ на подлинномъ языкѣ, не помышлялъ однако о ихъ переводѣ. Наконецъ убѣжденъ прозьбою нѣкоего Шотландца, знаменитаго по своимъ знаніямъ и учености, отважился онъ перевесть нѣкоторые отрывки подъ именемъ *Отрывки древнихъ стихотвореній*, которыя столь великой произвели успѣхъ, что все Шотландское дворянство просило и наконецъ убѣдило Г. Макферсона предпріять путешествіе къ горнымъ жителямъ, и на острова Гебридскіе, дабы собрать тамъ все, что преданіе могло сохранить изъ сочиненій Оссіана сына Фингалова, самаго древнѣйшаго и превосходнѣйшаго Барда. Во время своего странство-

ствованія имѣлъ онъ переписку со своими друзьями, живущими въ Единбургѣ, и увѣдомлялъ ихъ о своихъ успѣхахъ въ снисканіи стихотвореній Оссіановыхъ. Спустя послѣ шесть мѣсяцовъ, возвратился онъ обременненъ сокровищемъ, которое, такъ сказать, исхитилъ онъ изъ рукъ времени. Тогда вознамѣрился онъ переводить слово въ слово, и притомъ прозою, всѣ стихотворенія имъ собранныя, и сіе предпріятіе исполнилъ предъ очами многихъ особъ, достойныхъ почтенія и знающихъ Гальской языкъ, и которые подлинникъ имѣли въ своихъ рукахъ. Издавая въ общество переводъ свой, пригласилъ онъ въ засвидѣтельствованіе точности и вѣрности онаго всѣхъ горныхъ и островскихъ Шотландцовъ.

Мы не скроемъ, что нашлись въ Англіи такіе, которые сему не вѣрили, и обвиняли Макферсона, что будто бы онъ самъ сочинивъ сіи поэмы, назвалъ ихъ Оссіановыми. Но можно ли вообразить, говоритъ Г. Блеръ, чтобъ былъ какой нибудь толь несмысленный и безразсудный сочинитель, которой бы отважился столь гру-

грубымЪ и явнымЪ образомЪ обманывать общество, и его лукавство не могло ли бы открыться? И такЪ надобно предположить, что кЪ Г. Макферсону столько имѣли всѣ довѣренности, что онЪ не устыдился всѣхЪ горныхЪ и островскихЪ ШотландцовЪ сдѣлать участниками своего обмана и лжи, иначе бы тысяча голосовЪ противЪ него возстали, и всѣ сказали бы: это не тѣ поэмы нашихЪ БардовЪ, которыя повторяются у насЪ каждой день. Г. БлерЪ присовокупляетЪ кЪ симЪ разсужденiямЪ и кЪ другимЪ неоспоримымЪ доказательствамЪ, достовѣрныя свидѣтельства премногихЪ знаменитыхЪ особЪ, которыя и нынѣ еще вЪ живыхЪ находятся.

Между сими двумя противоположными мнѣнiями находится еще третiе, по справедливости достойнѣйшее вѣроятiя, и принятое отЪ самыхЪ благоразумныхЪ и вЪ учености знаменитыхЪ АгличанЪ, т. е. что подлинники сихЪ поэмЪ дѣйствительно находятся, и поютЪ ихЪ еще и нынѣ горные Шотландцы. Это дѣло неоспоримое, и нѣтЪ ничего, по чему бы можно было подвергнуть сомнѣнiю бытiе

Оссiа-

Оссїаново, и плоды его высокаго духа. Но его поэмы Г. Макферсонъ не таковыми собралъ, каковы издалъ онъ въ общество прозою на Аглинскомъ языкѣ. Онъ нашелъ только разныя размѣтанныя части и отрывки, и послѣ привелъ ихъ въ порядокъ, соединилъ вмѣстѣ, и можетъ быть разпространилъ, наблюдая впрочемъ духъ, тонъ, выраженїя и всѣ цвѣты стихотворца Каледонскаго. Будучи искусный издатель, притомъ и самъ въ состоянїи сочинять, сдѣлалъ онъ для Оссїана то; что сдѣлано въ древности для Гомера, котораго поэмы были разсѣяны и оставлены на произволъ памяти, пока Солонъ велѣлъ ихъ переписать и соединить въ одно тѣло; многїя мѣста изъ Илїады и Одиссеи приводитъ Эсхинъ, Демосѳенъ и другїе стихотворцы и риторы Греческїе; но сихъ приводимыхъ мѣстъ не находимъ мы въ изданїяхъ, достигшихъ до нашего времени.

Между тѣмъ, какъ въ Англїи оспоривали подлинникъ поэмъ Оссїановыхъ, Ирландїя, ревнуя славѣ Шотландїи, утверждала, что сей Бардъ родился въ ея нѣд-

рахъ. Хотя различныя разсужденія, сочиненныя на сей случай, отдають честь и славу Шотландіи; но мы издаемъ стихотворенія Оссіановы подъ названіемъ: *Стихотворенія Эрскія* или *Ирланзскія*, потому что подъ симъ именемъ въ различныхъ Журналахъ стали они извѣстны во Франціи.

Оссіанъ пѣлъ для такого народа, котораго зрѣлище природы никогда не отягощало. Изъ сего-то зрѣлища заемлетъ онъ всегда свои сравненія, описанія и картины. Ежели посмотрѣть на нихъ внятнымъ окомъ, то самыя тѣ, кои съ перваго взгляду кажутся одинакими и вовсе одна съ другою сходными, различаются какими нибудь отмѣнами и тѣньми.

## Изъясненіе именъ, срѣтающихся въ Оссіановыхъ Поэмахъ.

### А.

Албіонъ или Албинъ, *высокая земля*: древнее имя Великобританіи.

Алклета или Алд-Клята, *красота увядающая*.

Алнекма, древнее имя Конногта части Ирландской.

Алона или Алючна, *совершенная красота*.

Арминъ, *Герой*.

Алтосъ или Елтосъ, *совершенная красота*.

Арданъ, *гордый*.

Атта, *низкая рѣка*, древнее имя рѣки и провинціи Конногта въ Ирландіи.

### Б.

Балклута, городъ стоящій при Шотландской рѣкѣ, называемой Клутою нынѣ Клидъ или Клида.

Бальва, *молчаливый источникъ*.

Берратонъ, *мысъ посреди волнъ*, древнее имя полуострова Скандинавскаго.

Бертимъ, *ночный вождь*, имя звѣзды.

Болга, древнее имя полуденной части Ирландіи, гдѣ Фир-Болги поселились.

Бэрбардутулъ, гордый ратникъ съ черными глазами, отецъ Катмора и Каирбара.

Босмина, *мягкая и пріятная рука*, дочь Фингала и Клаты.

Бранно или Бранъ, *гордый источникъ*.

### В.

Винвела или Винвель, *женщина имѣющая пріятный голосъ*.

## Г.

Гилалъ, *Герой имѣющій грозный и свирѣпый взоръ.*

Гельгоссъ, *имѣющій бѣлыя бедра.*

Гленшинаръ, *уединенная долина.*

Голбюнъ или Голб-Іанъ, *покатая или уклонившаяся гора.*

## Д.

Дальрутъ или Даль-руатъ, *песчаное поле.*

Дардулена, *лѣсъ ленскій.* См. *Лена*

Дартула, *женщина съ пригожими глазами.*

Десгрена или Дес-Грена, *лучь солнца.*

Девагрена, *блескъ луча солнечнаго.*

Дора или Доара, имя горы, стоящія близъ Дворца Ирландскихъ Государей.

Друманаръ, }
Друмардъ, } *высокая вершина.*

Дювомаръ или Дюбе-Комаръ, *черный и статный мущина.*

Думарунъ, *черный и безтрепетный.*

Дунлора, *холмъ шумныхъ источниковъ.*

Дунратъ, *холмъ имѣющій на вершинѣ своей равнину.*

Дусронналъ, *имя одного изъ коней Кушульдиновыхъ.*

Дункоронъ, *смуглый человѣкъ.*

Дутула, *вода черная и быстрая*, древнее имя рѣки въ Конногтѣ.

Дуранна, *черный горный источникъ.* Вѣроятно, что это древнее имя *Доверна*, которая впадаетъ въ Банфское море.

## И.

Иннис-фаль, древнее имя Ирландіи. *Островъ Фальсовъ* или *Фалиновъ*, имя однихъ изъ первыхъ переселенцовъ, кои сей островъ населили.

Иннис-Гуна, *островъ зеленый*, древнее имя полуденной части Великобританіи, лежащей прямо противъ Ирландіи.

Иннис-Тона, *островъ скитающихся.* Имя одного Скандинавскаго острова, которой имѣлъ у себя Государя особеннаго, не зависящаго отъ Государя Локлинскаго. См. *Локлинъ.*

## К.

Каэль, *иностранный*, имя Галловъ, кои поселились въ Шотландіи, и послѣ въ Ирландіи.

Каирбаръ, *сильный человѣкъ.*

Кальмаръ, или Каль-меръ, *толстой и здоровой мущина.*

Коматонъ, *медвѣжья голова.* имя звѣзды.

Кармона, *заливъ окруженный черными холмами.*

Кармора, *великая гора исполненная камней.*

Карморъ, *высокій и черный мущина.*

Карронъ или Карунъ, *рѣка извивающаяся на подобіе змѣи.*

Карпонъ *шумъ волнъ.*

Каруль, *имѣющій черные глаза.*

Катлинъ, *лучь волнъ*, имя звѣзды.

Катминъ, *спокоенъ въ сраженіи.*

Катулъ, *око сраженія.*

Клессаморъ, *великія дѣйствія.*

Клонкатъ, *лучь отраженный.*

Клура, *поле извивистое*, имя нѣкоторой малой провинціи *Конногтской*

Клонмалъ, *бровь наклоненная*

Клучаръ или Клуанеръ, *человѣкъ военной*, или *мужъ брани.*

Клунгала, *бѣлое колѣно*, жена *Конмарова* и машь *Сульмаллы*.

Клуша или Клуашѣ, *извивающійся на подобіе змія*, древнее имя Клиды или Клида. Сія рѣка берешъ свое начало въ полуденной сторонѣ провинціи Клидодельской, пропекаешъ *Гласковъ* и впадаешъ въ Сѣверное море.

Коламонъ, *узкая рѣка*.

Коркуллъ, *быстрый и неустрашимый взоръ*.

Кольдерна, *лучь косвенный и проницающій*, имя звѣзды.

Кинфенъ или Кіанфеанъ, *вождь народа*.

Колгакъ, *гордо смотрящій*

Колгаръ, *ратникъ гордо смотрящій*.

Кольма, *имѣющая прелестные волосы*.

Кольмала, *женщина имѣющая маленькія брови*. Во время Оссіаново почиталось сіе красотою.

Кольнодона, *любовь Героевъ*.

Комала, *дѣвица имѣющая прекрасное чело*.

Конкашлинъ, *пріятный лучь волнъ* имя звѣзды.

Конлама, *мягкая и пріятная рука*.

Конморъ, *пріятный и великій*.

Кромаръ, *искусный въ мореплаваніи*.

Кормулъ, *голубые глаза*, имя Героя Ирландскаго; есть шакже въ Улшоніи или Ульстерѣ камень, симъ именемъ называющійся.

Крака, древнее имя острова въ Скешландіи.

Кромагласъ, *нагбѣнный и смуглый*

Кромла или Кром-Леакъ, значило у Друидовъ мѣсто, посвященное богослуженію. Древнее имя одной въ Ульстерѣ горы.

Крона, *шепчущій*, древнее имя одной небольшой рѣчки, впадающей въ Карронъ около Сшерлинга.

Крюгалъ или Крюшгеалъ, *имѣющій хорошій цвѣтъ на тѣлѣ*.

Кушуллинъ, голосъ *Уллина*. См. *Уллинъ*.

Ку-

Кулаллинъ, *хорошіе волосы.*
Кюльминъ, *у котораго волосы мягки.*
Кюрахъ или Кюраохъ, *ярость или свирѣпость сраженія.*
Кюшона, *плачевный шумъ волнъ.*

## Л.

Ламдаргъ, *кровавая рука.*
Ламоръ, *ужасная рука.*
Ланулъ, *имѣющій цвѣтъ глазъ, подобный цвѣту своихъ волосовъ.*
Лара, имя одной рѣки въ *Конногтѣ.*
Ларшонъ, *морская волна*, имя вождя Белгскихъ поселенцовъ, которые прежде всѣхъ пришли въ Ирландію.
Лего, *озеро болѣзней*, древнее имя озера въ *Конногтѣ*, въ которое впадаетъ рѣка *Лара.*
Локлинъ, Гальское имя вообще всей *Скандинавіи*, а особенно *Ютландіи.*
Лона, *долина болотистая.*
Лора, *шумный*; малая рѣчка, текущая вокругъ *Сельмы*, Дворца Фингалова.
Лота, древнее имя одной изъ величайшихъ сѣверныхъ Шотландскихъ рѣкъ, и вѣроятно, что рѣки *Лоши.*
Любаръ, рѣка въ Ульстерѣ.
Люмонъ, *уклоненный холмъ.*
Лута, *быстрая вода*, древнее имя рѣки и долины Морвенской. См. Морвенъ.

## М.

Мальморъ, *великій холмъ.*
Мальтосъ, *косноязычный.*
Мальвина, *тихой взоръ, пріятное лицо.*
Моина, *женщина кроткаго нрава*
Мома, древнее имя провинціи *Конногтской.*

Мо-

Моранъ, *многіе*, т. е. которой одинъ замѣнялъ многихъ ратниковъ.

Моранналъ, *незнающій ошибки*.

Морарь, *высокой или великой мущина*.

Морратъ, *великій въ день сраженія*.

Морна, *любимая отъ всѣхъ*.

Морутъ, *пространное теченіе воды*.

Морвенъ, связь высокихъ горъ, древнее имя одной Шотландской части, лежащей на брегахъ моря къ сѣверозападу.

## Н.

Нарморъ или Невртморъ, *великая сила*.

Натосъ, *молодой человѣкъ*.

## О.

Оихома, *кроткая и милая дѣвица*.

## Р.

Ратколъ, *поле покрытое лѣсомъ*.

Рельдуратъ, *звѣзда вечерняя*.

Роскрана, *лучь восходящаго солнца*, жена Фингалова, и мать Оссіанова.

Ротмаръ, *шумъ моря*, предшествующій волненію и буръ.

## С.

Сальгаръ или Сеальгаръ, *ловецъ*.

Самла, *явленіе, привидѣніе*.

Селама, *хорошій видъ*, имя домовъ на горахъ построенныхъ. См. Предувѣдомленіе.

Сельма, имя произведенное отъ имени *Селама*. Дворецъ Фингала, Государя Морвенскаго.

Сифадда, *у кого широкіе шаги*, имя одного Кущуллинова коня.

Сипаллинъ, *пригожій, статной*.

Слимора, *великій холмъ*, имя одной горы въ Коннотѣ.

Сли-

Слисама, имя сложенное изъ двухъ словъ, слисъ, мягкій, и сеамга, грудь; мягкая грудь

Сон-Моръ, великорослый и пріятный человѣкъ.

Спрумонъ, источникъ холма, древнее имя одной Шотландской провинціи.

Спруморъ, шумящій источникъ.

Спрута, рѣка раздѣляющаяся на мѣлкіе источники.

Сюлмалинъ, пріятные, хорошіе глаза

Сульмалла, пріятно и кротко обращающая свои глаза.

Сульматъ, мущина хорошаго вида.

## Т.

Темора или Те-мо-рашъ, домъ благополучія, имя Дворца древнихъ Ирландскихъ Государей.

Тламинъ, кроткій, тихій и нѣжный.

Тогормъ, островъ лазоревыхъ волнъ, древнее имя одного изъ острововъ Гебридскихъ.

Тонтена, воздушное явленіе для волнъ, имя звѣзды.

Торманъ. громъ

Тромотонъ, шумящая и тяжкая волна.

Тура, крѣпость Ульстерская

Турлатонъ, толстый пень дерева.

Турлохъ, кто носитъ колчанъ.

## У.

Улеринъ, предводящій въ Эринъ, имя звѣзды.

Улфалда, долгая борода.

Ульлинъ, древнее имя Ультоніи или Ульстера, части Ирландіи

Улоихъ, огонь холма, имя звѣзды.

## Ф.

Феркій, завоеватель.

Фергъ, или Фергютъ, повелитель воинства.

Фіона, пригожая женщина.

Фирболгъ, *народъ любящій стрѣлы*, имя Белговъ Великобританскихъ, которые поселилась въ Ирландіи.

Фитилъ, *Бардъ нижайшаго степени.*

Флашалъ, *небесная красота.*

Фоваргормъ, *голубой конецъ или остріе стали.*

## Э.

Эринъ, древнее имя Ирландіи, сложенное изъ двухъ словъ, Эаръ, *западъ*, и Инъ, *островъ*; *островъ запада.*

Эрсы, древнее имя Ирландцовъ.

Эвиркома, *кроткая и величественная красота.*

# ФИНГАЛЪ

## ПОЭМА.

### Содержанie.

*Артъ*, Ирландской Государь, умеръ въ *Теморѣ*, Дворцѣ Государей сего острова, и оставилъ по себѣ еще въ отрочествѣ сына своего *Кормака*. Всѣ колѣна собралися въ *Темору*, чтобы избрать юному Государю попечителя. *Кушуллинъ* въ сie достоинство избранъ всѣми единогласно, и сie прiобрѣлъ онъ тою славою и тѣмъ великимъ уваженiемъ, какое храбростiю и геройскими въ сраженiяхъ подвигами заслужилъ отъ всего народа. Онъ рожденъ *Семомъ*, Государемъ одного изъ острововъ Гебридскихъ. Едва вступилъ въ правленie престола, увѣдомился онъ, что *Сваранъ*, *Локлинскiй* Государь въ *Скандинавiи*, возкамѣрился вступить въ *Ирландiю* съ воинствомъ. Услыша вѣсть сiю, послалъ онъ *Морана* сына *Фитилева* для испрошенiя помощи у *Фингала* вождя *Каледонянъ*, обитающихъ въ западной странѣ

*Шотландіи.* *Фингалъ* по своему великодушію и равно по причинѣ родства своего съ поколѣніемъ *Ирландскихъ* Государей рѣшился отправиться съ войскомъ въ сію землю; но прежде его прибытія *Сваранъ* уже приближился къ *Ирландской* провинціи *Ульстеру.* *Кушуллинъ*, собравши въ *Туру*, крѣпость сея провинціи, наилучшихъ ратниковъ изъ всѣхъ колѣнъ *Ирландскихъ*, послалъ соглядатаелей вдоль по берегу, дабы они немедленно увѣдомили его, какъ только увидятъ непріятеля. Въ семъ-то мѣстѣ начинается поэма. Дѣйствіе продолжается пять дней и пять ночей, и происходитъ въ поляхъ *Лены*, близъ горы называемой *Кромлою*, на брегѣ *Ульстера* *Фингалъ*, *Оссіановъ* отецъ и Государь *Морвена*, есть Герой сея поэмы.

---

## *ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.*

### Содержаніе.

*Кушуллинъ* при вратахъ *Туры* сидѣлъ подъ деревомъ; прочіе между тѣмъ вожди упражнялись на ближней горѣ въ ловитвѣ звѣрей. Онъ извѣстился чрезъ *Морана* сына *Фитилева*, что *Сваранъ* *Локлинскій* Государь сошелъ уже на брегъ; онъ, собравъ своихъ вождей, составляетъ съ ними совѣтъ; съ жаромъ спорятъ, должно ли съ непріятелемъ

лемъ сравиться. *Конналъ* Государь *Тогорма*, искренній другъ *Кушуллиновъ*, предлагаетъ имъ, чтобъ удалиться и ожидать *Фингала*. *Кальмаръ* сынъ *Маты*, Государь *Лары* въ провинціи *Конногтской*, возстаетъ противу *Коннала*, отражаетъ его мнѣніе, и хочетъ сражаться; *Кушуллину* совѣтъ *Кальмаровъ* показался достойнымъ Героя. Простираясь къ непріятелю, примѣтилъ онъ, что нѣтъ при немъ трехъ самыхъ мужественныхъ ратниковъ, *Ферга*, *Дюкомара* и *Каирбата*. *Фергъ* приходитъ, извѣщаетъ *Кушуллина* о смерти другихъ двухъ Героевъ, и чрезъ то разсказываетъ трогающую и жалостную повѣсть о *Морнѣ* дочери *Кормака*. *Сваранъ* низводитъ съ кораблей рать свою, и видя вдали воинство *Кушуллиново*, посылаетъ *Арнова* сына разсмотрѣть оное и наблюдать всѣ непріятельскія движенія, а самъ полки свои учреждаетъ въ порядокъ сраженія. *Арновъ* сынъ возвращается, описываетъ *Сварану* *Кушуллинову* колесницу, и тотъ ужасный и величественный видъ, съ какимъ сей Герой сидитъ на оной. Воинства сближились другъ съ другомъ, и сражаются съ невѣроятнымъ мужествомъ; но мрачная ночь ихъ раздѣляетъ, и побѣда остается нерѣшимою *Кушуллинъ*, наблюдая права гостепріимства, толь свято почитаемаго въ сіи древнія времена, посылаетъ *Барда* своего *Кариля* сына *Кинфенова*, чтобъ онъ торжественно пригла-

гласилъ *Сварана* на пиршество. *Сваранъ* отрекся. *Карриль* повѣствуетъ *Кушуллину* о *Грударѣ* и *Брассолисѣ*. По совѣту *Коннала* отправляетъ *Кушуллинъ* часть воинства для наблюденія непріятельскихъ расположеній; и симъ кончается дѣйствіе перваго дня.

---

Безстрашный *Кушуллинъ* сидѣлъ предъ вратами *Туры*, при корени шумящаго вѣтвіями древа. Его копіе стояло уклонясь къ твердому и мхомъ покрытому камени. Его щитъ покоился близъ его на злачномъ дернѣ. Его воображеніе представляло ему въ мечтахъ *Каирбара* (а), Героя пораженнаго имъ въ сраженіи, какъ вдругъ *Моранъ*, посланный бодрствовать надъ Океаномъ, возвращаясь возвѣщаетъ ему о успѣхѣ своихъ недремлющихъ очей.

Востани *Кушуллинъ*, востани, рекъ юный ратникъ: я зрѣлъ корабли *Свароновы*. *Кушуллинъ*! сопостаты многочисленны: мрачное море стремитъ на брегъ сонмы Героевъ. — Сыне *Фингилевъ*! отвѣщаетъ голубоокій вождь: ты всегда являешься предъ взоръ мой въ трепетѣ; ужасъ твой умножилъ число противныхъ. Кто возвѣстилъ тебѣ, что приближается не *Фингалъ*, владыка пустынныхъ горъ, текущій мнѣ въ помощь на зеленѣющіяся поля *Уллина*?

Я

---

(а) Это не тотъ *Каирбаръ*, сынъ *Барбардутуловъ* и братъ *Катмора*, о которомъ упомянуто будетъ въ *Темарѣ*.

Я видѣлъ ихъ вождя, отвѣчаетъ *Моранъ*; я видѣлъ его высока и грозна, какъ возвышенный и неприступный холмъ. Его копіе подобно сей дебелой и древней соснѣ. Щитъ его великъ, яко луна востекшая на край горизонта. Онъ сидѣлъ на камени брега, и воинство, какъ темныя облаки, стѣснялось вокругъ его. Вождь ратниковъ! рекъ я ему: число нашихъ воителей велико: ты справедливо нарицаешься мужественнымъ Героемъ; но сонмы храбрыхъ мужей ожидаютъ тебя подъ изгибистыми стѣнами *Туры*. Гласомъ подобнымъ шуму свирѣпѣющей волны отвѣчалъ мнѣ *Сваранъ*: И кто на сихъ поляхъ будетъ мнѣ равенъ? Моего взора не могутъ стерпѣть Герои: они повергаются на прахъ отъ пораженій моей десницы. Единъ токмо *Фингалъ*, единъ владыка холмовъ бурныхъ, можетъ противоборствовать *Сварану*. Нѣкогда на холмѣ *Мальмора* измѣрялъ я съ нимъ свои силы. Земля дремучей рощи стенная страдала подъ усиліями стопъ нашихъ. Камни упадали, отторгаясь отъ своего основанія; источники, премѣня свое теченіе, убѣгали съ шумомъ далеко отъ сего ужаснаго противоборствія. Три дни равно возобновляли мы сраженіе; наши воины стояли вдали неподвижны и трепещущи. Въ день четвертый вовопилъ *Фингалъ*: Царь Океана поверженъ! — Нѣтъ, онъ еще не палъ, возгласилъ ему *Сваранъ*. *Моранъ*! да уступитъ мрачный *Ку-*

*шул-*

*шуллинЪ* Герою крѣпкому и сильному, какЪ бури висящія надЪ *Талморомъ*.

Да не будетЪ! рекЪ *КушуллинЪ*, вѣчно я не уступлю смертному. *КушуллинЪ* наречется великимЪ или погибнетЪ. Гряди *МоранЪ*, возьми копіе мое, и ударяй во звучный щитЪ *КабаитовЪ* (б); онЪ виситЪ на шумныхЪ вратахЪ *Туры*. Его звуки не суть звуки мира; (в) мои сподвижники услышатЪ его на холмахЪ высокихЪ.

*МоранЪ* стремится; ударяетЪ во щитЪ: окрестные холмы и камни отвѣтствуютЪ: звуки простираются вЪ лѣса: елень трепещетЪ на брегѣ озера. Уже *кюрахЪ* востаетЪ и летитЪ сЪ высоты камня; *КонналЪ* за нимЪ течетЪ, держа копіе свое обагренное кровію; бѣлая грудь прекраснаго *Крюгала* надымается, и отЪ радости трепещетЪ. СынЪ *Флвія* оставилЪ уже черную главу холма: это щитЪ брани слышится, возопилЪ *БоннарЪ*; это копіе *Кушуллиново*, рекЪ *Лугаръ*. *калмарЪ* сынЪ моря! пріими твое оружіе, вовзысь твою шумящую сталь: воздвиг-

---

(б) *Кабаитъ*, дѣдЪ *Кушуллиновъ*, столько славенЪ своимЪ мужествомЪ и храбростію, что потомки его употребляли обыкновенно щитЪ его, когда должно было дать знакЪ кЪ сраженію.

(в) На щитахЪ многія были выпуклости, которыхЪ различные звуки были знакомЪ разныхЪ повелѣній вождя: вЪ иныя ударяли вЪ знакЪ мира, вЪ другія вЪ знакЪ войны.

двигнися *Пюно*, Герой ужасный; воздвигнися: *Каирбаръ* остави лѣса *Кромлы*: изгибай твои колѣна, подобныя бѣлизною мрамору, о *Эвеѣ*! и сниди со брега шумящихъ источниковъ *Лены*. *Каолтъ*, напрягай твои крѣпкія, но гибкія жилы. Да крутится со свистомъ подъ твоими стопами кустарникъ *Моры*: ребра твои бѣлы, какъ пѣна волнующагося моря, когда черныя бури извергаютъ ее на гремящіе камни *Клютона*.

(*) Уже ихъ вижу я всѣхъ во едино стекшихся; они исполнены величества и благородной гордости, раждаемой въ нихъ первыми ихъ подвигами; души ихъ воспламеняются, воспоминая сраженія и протекшія лѣта; взоры ихъ сверкающіе огнемъ ищутъ сопостата. Крѣпкія и жилистыя десницы ихъ уже возложены на рукоять ихъ мечей, и молнія излетаетъ отъ ребръ покрытыхъ сталію. Подобно источникамъ стремятся они съ высоты горъ. Вожди предшествуютъ, блистая оружіемъ своихъ отцовъ; за ними текутъ ратники мрачны и грозны: тако дождоносныя соединяются облаки, и обременяются другъ другомъ

 по-

(*) Здѣсь уже говоритъ самъ Оссіанъ; онъ будетъ встрѣчаться намъ въ поэмахъ своихъ иногда какъ повѣствователь, иногда какъ дѣйствующая особа, и будетъ говорить о себѣ самомъ то въ первомъ, то въ третьемъ лицѣ.

позади воспламененныхъ небесныхъ огней. Звукъ ихъ оружій, стѣсненныхъ между собою и взаимно ударяющихся, востекаетъ на высоту воздушную. Ловчіе ихъ псы соединяютъ съ нимъ свои ужасныя лаянія. Пѣснь, возущая ко брани, возгремя неравными голосами, продолжается въ отзывахъ *Кромлы*. Возшедши на вершину *Лены*, остановляется сіе грозное воинство, подобно осеннему туману, когда онъ, собирая свои разметанныя на поляхъ груды, восходитъ на омраченные холмы, и съ высоты ихъ подъемлетъ въ небеса главу свою.

Здравіе, рекъ *Кушуллинъ*, здравіе сынамъ долинъ, и вамъ, ловители быстротечныхъ еленей! другія готовятся утѣхи; онѣ важны и многотрудны; онѣ ужасны какъ сей грозный валъ, катящійся на брегъ песчаный. Бранноносныя чада! сразимся ли мы, или уступимъ злачныя *Инисфальскія* поля Царю *Локлинскому*? Вѣщай, о *Конналъ*! ты первый изъ ратоборцевъ и сокрушившій толь много щитовъ; ты не однократно противостоялъ воителямъ *Локлина*; желаешь ли ты еще возвысить копіе отца твоего?

*Кушуллинъ*! отвѣчаетъ ратоборецъ спокойнымъ видомъ: копіе *Конналово* изощренно, и любитъ оно блистать въ сраженіяхъ, и упиваться кровію; но хотя мышца моя готова ополчиться на брань, сердце мое склоняется къ миру. Вождь браней, воздвигну-

тыхъ

тыхъ въ защиту *Кормака*! виждь черное распростертіе флота *Сваранова*. Мачты его, возвышающіяся на брегѣ нашъ, столь же многочисленны, какъ тростникъ, растущій при езерѣ *Легѣ*. Сонмъ его кораблей представляетъ видъ сгущеннаго лѣса, покрытаго парами, когда въ немъ древа колебляясь преклоняются отъ усилія стремительныхъ вихрей. Его ратники многочисленны; и такъ, вѣдай *Кушуллинъ*, *Коннналъ* желаетъ мира; самъ *Фингалъ*, первый Герой изъ смертныхъ, и расточающій полки противныхъ, какъ бурные вѣтры развѣваютъ песокъ дебрей и пустынь, когда источники шумятъ, повторяя громкіе отзывы *Коны*, и когда нощь покоится на высокомъ холмѣ, окруженномъ всѣми ея мрачными облаками; сей побѣдоносный *Фингалъ* желалъ бы уклониться отъ *Свароновой* десницы.

Бѣги слабый воитель, другъ мира и тишины, рекъ *Кальмаръ*: бѣги на твои безмолвные холмы, гдѣ вѣчно не блистаетъ бранноносное копіе; теки въ слѣдъ за робкими сернами *Кромлы*, и воспящай твоими стрѣлами быстрый бѣгъ скачущихъ ланей *Лены*; но ты, *Кушуллинъ*, мужественный сынъ *Сема*, держащій въ десницѣ своей судьбу брани, расточи *Локлинскихъ* чадъ, неси ярость твою и пагубоносные удары въ среду гордыхъ враждебныхъ полковъ; да никогда корабль владычества многоснѣжнаго

 не

не восскачетъ на колеблющихся волнахъ *Инистора*. Востаньте бурные вѣтры *Эрина*; шумите порывистые вихри дебрей; да погибну среди бури, восхищенъ въ мрачныя облаки раздраженными предковъ нашихъ привраками; такъ, да изчезнетъ *Кальмаръ* среди вихрей и бурь, ежели когда ловитва звѣрей была ему пріятнѣе геройскихъ ополченій.

*Кальмаръ*! отвѣчаетъ *Конналъ* спокойнымъ гласомъ, никогда я вспять не обращался; я всегда летѣлъ въ ратное поле, предшествуя моимъ сподвижникамъ; но труба славы *Конналовой* еще гремитъ слабо. Предъ моимъ взоромъ побѣда одержана, и храбрость торжествомъ увѣнчалась. Но внемли гласу моему, о мужественный сынъ *Сема*! и воспомяни о древнемъ престолѣ *Кормака*: для пріобрѣтенія мира уступи сокровища и половину сего владычества, доколѣ *Фингалъ* явится съ своимъ воинствомъ; но естьли угодна брань тебѣ, я пріемлю мечь мой и копіе: быть среди сражающихся браноносцевъ будетъ моимъ утѣшеніемъ и радостію; душа моя распрострется въ самой ярости и жарѣ воюющихъ.

Такъ, рекъ *Кушуллинъ*, шумъ оружія пріятенъ моему слуху; онъ мнѣ пріятенъ, какъ звукъ грома предшествующій кроткому и сладостному дождю весеннему. Соедини всѣ мои полки, да вижду предъ моими очами всѣхъ моихъ ратоборцевъ; да спѣшатъ

шатЪ они изЪ дебрей и пустынь, блистая какЪ лучь солнца предЪ бурею, когда западный вѣтрЪ собираетЪ облаки, и когда *Морвенскіе* дубы стонутЪ вдоль по брегу.

Но гдѣ мои друзья, сподвижники мышцы моей при страшныхЪ опасностяхЪ? Гдѣ сокрылся ты, бѣлогрудый *Каитбатъ*? Гдѣ ужасный *ДюкомарЪ*, сей грозный перунЪ брани? И ты *ФергЪ*? Уже ли ты оставилЪ меня вЪ день яростной бури? *ФергЪ*, спѣшащій прежде всѣхЪ участвовать вЪ радости нашихЪ пиршествЪ?

СынЪ *Россы*, крѣпкая мышца смерти, стремись, какЪ быстрая серна гремящихЪ холмовЪ *Малмора*. (*ФергЪ* вЪ сіе время приходитЪ) Здравіе сыну *Россы*! но какой облакЪ омрачаетЪ твою геройскую душу?

Четыре камня, отвѣчаетЪ *ФергЪ*, стоятЪ возвышены уже надЪ гробомЪ *Каитбата*; и сіи мои руки предали землѣ мужественнаго *Дюкомара*. СынЪ *Тормановъ*! ты былЪ какЪ звѣзда, блистающая надЪ холмомЪ, и ты, о *ДюкомарЪ*! ты былЪ пагубоносенЪ, какЪ туманы тинистаго *Лана*, когда оня вЪ пасмурную осень разстилаются на поляхЪ и несутЪ смерть вЪ народы. *Морна*, прекраснѣйшая изЪ дѣвЪ! сонЪ твой спокоенЪ и безмятеженЪ вЪ разсѣдинѣ камени! ты свергдася во мракЪ, подобно звѣздѣ пролетѣвшей пустыни своимЪ косвенымЪ паденіемЪ, и которыя минутный блескЪ, озаривЪ уеди-

неннаго путешественника, вливаетЪ вЪ него печаль и томное о себѣ сожалѣніе. — Вѣщай *Кушуллину*, вѣщай, какЪ пали вожди *Эрина*! МогуществомЪ ли чадЪ *ЛоклинскихЪ* они повержены, противоборствуя на полѣ ГероевЪ? Или другой злощастный рокЪ низринулЪ вождей *Кромлы* вЪ тѣсное и мрачное жилище?

Мечь *ДюкомаровЪ*, отвѣчаетЪ *ФергЪ*, поразилЪ *Каитбата* при корени дуба, на брегѣ шумящаго источника. *ДюкомарЪ* летитЪ по семЪ вЪ пещеру *Туры*, и любезную *Морну* привѣтствуетЪ.

*Морна*, прекраснѣйшая изЪ дѣвЪ, любезная дщерь *Кормака*! для чего уединенна ты вЪ огражденіи сихЪ камней, вЪ разсѣдинѣ холма? Чистый ручеекЪ журчитЪ сЪ печальною томностію; стенаніе долговѣчнаго древа возносится на крылѣхЪ вѣтровЪ; озеро колеблясь возмущается, и небеса мрачнымЪ одѣты облакомЪ. Но ты, *Морна*, ты бѣла какЪ снѣгЪ дебрей сихЪ, и власы твои какЪ легкіе пары, вѣнчающіе главу *Кромлы*, когда они подобно кудрямЪ висятЪ надЪ камнями и блистаютЪ при лучахЪ западнаго солнца. Твоя грудь предлагаетЪ плѣненному взору два мраморные шара, какіе видимЪ мы на брегѣ источнича *Бранна*; твои мышцы крѣпостію и бѣлизною подобны алебастровымЪ столпамЪ вЪ чертогахЪ *Фингала*.

Отколѣ ты притекЪ, отвѣтствуетЪ прекрасная, отколѣ ты притекЪ, *ДюкомарЪ*,

о мрачнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ? Твои брови черны и ужасны; очи твои сверкаютъ воспламененными зѣницами; или *Сваранъ* уже на валахъ моря? *Дюкомаръ*! какія новости возвѣстишь о сопостатѣ? — О *Морна*! я низшелъ съ холма ланей. Три краты напрягалъ я лукъ мой, и поразилъ трехъ еленей. И еще три были корыстію моихъ псовъ быстротекущихъ. Любезная дщерь *Кормака*! я люблю тебя какъ мою душу; я поразилъ въ даръ тебѣ прекраснаго еленя: глава его украшалась многовѣтвистыми рогами, его ноги равнялись быстротою вихрямъ. — Я не люблю тебя, суровый ратоборецъ; въ сердцѣ твоемъ твердость камени, твое черное око поражаетъ меня ужасомъ. А ты, *Каитбатъ*, сынъ *Тормана*, ты мое желаніе и любовь; ты прелестнѣе для меня луча солнечнаго, блистающаго на холмѣ въ день бури! Видѣлъ ли ты юнаго *Каитбата*? Сей любезный ратникъ не встрѣтился ли съ тобою на холмѣ ланей? Дщерь *Кормакова* ожидаетъ здѣсь возврату сына *Торманова*. — И *Морна* будетъ ожидать его долго; мечь мой обагренъ его кровію; *Морна* будетъ ожидать его долго; онъ палъ на брегахъ *Бранна*; я воздвигну ему гробъ на высотѣ *Кромлы*. Но ты прилѣпись любовію къ *Дюкомару*, мышца его крѣпка, яко буря.

И такъ нѣтъ уже, нѣтъ уже прекраснаго сына *Тэрманова*? рекла нѣжная любовница, орошая вѣжли свои слезами. И такъ палъ на холмѣ сей юный и прелестный ратникъ? Онъ любилъ всегда первымъ быть предшественникомъ звѣроловцевъ горныхъ; онъ былъ смертный ударъ сопостатамъ, принесеннымъ волнами Океана. *Дюкомаръ*! такъ, ты мраченъ и свирѣпъ, и твоя десница пагубна для нещастной *Морны*. Варваръ! дай мнѣ мечь сей, да облобызаю кровь *Каитбатову*.

*Дюкомаръ*, смягченный ея слезами, отдаетъ ей свой мечь: и она погружаетъ его во грудь ему. Подобно камени, оторгшемуся отъ горы, онъ палъ и простираетъ къ ней свои руки.

*Морна*! ты смертнымъ облакомъ покрыла *Дюкомара*: я чувствую хладъ желѣза въ груди моей. Отдай мое тѣло младой *Моинѣ*; *Дюкомаръ* одинъ представлялся ей въ сонныхъ мечтаніяхъ. Она воздвигнетъ мнѣ гробъ, звѣроловецъ его узритъ, и почтитъ меня хвалами. Но сжалься, заклинаю тебя, извлеки сіе желѣзо изъ моихъ персей; я чувствую, оно меня превращаетъ уже въ ледъ.

Она приближается, орошенная слезами; она извлекаетъ мечь изъ персей ратоборца: *Дюкомаръ*, обративъ его къ ней остріемъ, пронзаетъ ей прекрасную грудь. Она пала, и прелестные власы ея разстилаются по земле;

лѣ; изъ язвы ея кипя стремится кровь и обагряетъ бѣливну раменъ ея. Она движется и трепещетъ сотрясаема смертiю; пещера *Туры* повторила послѣднiе вздохи любезной *Морны.*

Да почiютъ, рекъ *Кушуллинъ*, въ вѣчномъ мирѣ и тишинѣ души Героевъ: ихъ дѣянiя были знамениты въ самыхъ ужасныхъ опасностяхъ; да окружатъ меня ихъ тѣни, носимыя на облакахъ; да вижду еще мужественныя ихъ черты; взирая на нихъ, душа моя ощутитъ возрастающую крѣпость къ пренесенiю трудныхъ подвиговъ, и десница моя устремитъ въ сопостатовъ перуны смерти. Но ты, *Морна*, явись предъ взоръ мой на лучѣ лунномъ; посѣти меня, воззри ко мнѣ съ сего луча сквозь оконце во время сна моего, когда забывъ сраженiе и всѣ его ужасы, буду я мечтать о единыхъ токмо прiятностяхъ мира и спокойствiя.

Соберите наши племена, шествуйте въ геройское поле; стремитесь во слѣдъ бранноносной моей колесницѣ, и ваши подвижническiе гласы да соединятся съ шумомъ моего быстраго шествiя. Пусть три копiя устроятся на каждой странѣ моей: летите по слѣдамъ скоротечныхъ моихъ коней; да возчувствуетъ душа моя подкрѣпляему себя мужествомъ друзей моихъ, когда бурнаго сраженiя нощь сгустится вокругъ блистающаго моего меча.

 Сколь

Сколь ужасно пѣнящійся источникъ свергается съ каменистыя высоты *Кромлы*, когда ударяютъ громы и темная нощь омрачила уже половину холма: тако, и еще ужаснѣе стремятся многочисленныя чада *Эрина*. Ихъ вождь являетъ всевозможное въ себѣ мужество и крѣпость, подобенъ великому въ морѣ киту, влекущему во слѣдъ себя всѣ волны, воздвигнутыя бурнымъ его стремленіемъ, или быстрой рѣкѣ, несущей на брегъ всѣ свои воды.

*Локлинскія* чада услышали издалече звукъ его стремительнаго шествія. *Сваранъ* ударилъ во щитъ свой, и воззвалъ къ сыну *Арнову*: Что сей шумъ, разливающійся вдоль холма и подобный глухому журчанію насѣкомыхъ, шумящихъ по закатѣ солнца? Или ополченіе *Инисфальское* нисходитъ на поля, или стонутъ вѣтры во глубинѣ лѣсовъ отдаленныхъ? Таковъ звукъ *Гормала*, когда еще разъяренныя волны не возвысятъ верхи свои покрытые бѣлизною. Сыне *Арновъ*! востеки на холмъ и низведи взоры свои на черную поверхность дебрей.

*Арнъ* шествуетъ и возвращается пораженъ ужасомъ. Очи его изумленны, сердце трепещетъ, гласъ содрогается, и едва произноситъ слова, прерываемыя страхомъ.

Востани, сыне Океана, воздвигнися: я зрю противу насъ устремленный съ горъ черный источникъ сраженій; я зрю стѣсненные

ные полки *Эринскихъ* воителей. Колесница брани, быстрая колесница *Кушуллинова* летитъ подобна воспламененному вихрю, несущему пагубные удары. Она катится какъ бурный валъ на полѣ Океана, или какъ златый облакъ, простирающійся надъ пустынею. Ея широкіе бока усѣянны блистающимъ камнемъ; таковы посреди глубокой ночи сіяютъ скачущія волны вокругъ кораблей нашихъ. Ея дышло изъ тисоваго древа; ея сѣдалище составлено изъ костей бѣлизны пречудныя; ребра ея наполнены многочисленными копіями, и дно ея глубины отягчается ногами Героевъ. Съ десныя стороны зрится точащій пѣну конь, гордъ и скачущъ, крѣпокъ и быстръ паче всѣхъ коней пасущихся на холмѣ: онъ ударяетъ копытомъ, и земля стонетъ. Его развѣвающаяся грива подобна волнамъ шумнаго источника, стремящаго пары свои на высоту холма; густая шерсть на немъ лоснется, и *Сифадда* есть имя его. Съ шуія страны припряженъ столь же гордый и яростный конь; быстротечный сынъ горъ, его черная грива подъемлется и вознѣвается надъ его высоковыйною главою. Ноги его крѣпки и быстры; пламеннодышущія чада остраго меча нарицаютъ его *Дусронналомъ*. На тысящу вервій выблется сія великолѣпная и грозная колесница. Твердыя брозды сіяютъ въ волнахъ пѣнистыхъ. *Легкія* и лучезарнымъ камнемъ украшенныя вожжи развѣваются по

вели-

величественной выѣ коней, когда они бѣгутъ и прелестаютъ долины. Они въ стремленіи своемъ равны быстротою сернамъ, и крѣпостію орлу, летящему на свою корысть. Воздухъ свиститъ отъ ихъ стремленія, какъ зимніе вѣтры на снѣгахъ высоты *Гормальской*.

На колесницѣ сидитъ превознесенъ вождь ратоборцевъ: имя герою *Кушуллинъ*, сынъ бодраго *Сема*. Его смуглыя ланиты подобны цвѣтомъ моему луку. Его свирѣпыя очи сверкаютъ подъ черными бровями. Уклоняющуся ему впредъ и вращающу копіе свое, власы его упадаютъ съ главы яко пламенныя волны: бѣги вспять, о Царь Океана! бѣги; онъ течетъ какъ буря вдоль пространныя долины.

Когда зрѣлъ ты меня вспять обращенна, колико бы сонмы враговъ ни были многочисленны? Когда зрѣлъ ты меня бѣгуща, *Арновъ* сыне, ратникъ безъ мужества? Я противоборствовалъ *Гормальскимъ* бурямъ и надменной высотѣ пѣнящихся валовъ. Я съ тученосными сражался облаками, такъ могу ли трепетать смертнаго ратоборца? Хотя бы должно мнѣ было противостать побѣдоносному *Фингалу*, моя душа не поколебалась бы въ своемъ мужествѣ. Воздвигнитесь, мои воители, соединитесь окрестъ меня какъ волны моря, соберитесь вокругъ блистающей и крѣпкой стали Царя вашего,

твер-

тверды и непоколебимы яко горные наши камни, ожидающіе сЪ радостію надменную бурю, и противостоящіе мрачную густоту лѣсовЪ своихЪ стремительной ярости вѣтровЪ.

Герои простираются. Сколь ужасно среди мрачныя осени, сЪ высоты двухЪ противостоящихЪ горЪ устремляются другЪ противЪ друга двѣ грозныя бури, или два источника, свергаясь сЪ утесистыхЪ камней, соединяются, сражаются, и шумятЪ сливщись между собою вЪ долинѣ: тако сомкнулися, тако смѣсилися ополченія *ЛоклинскихЪ* чадЪ, и чадЪ *ИнисфальскихЪ*. СЪ вождемЪ вождь, и сЪ воиномЪ сражается воинЪ; сталь ударяетЪ, и ударяется отражаясь; щиты летятЪ раздробляясь на части; кровь течетЪ и дымится на поляхЪ; крѣпкія тетивы звучатЪ на лукахЪ напряженныхЪ; свистятЪ вЪ воздухѣ быстротечныя стрѣлы; вращаемыя копія начертываютЪ свѣтлые круги, позлащающіе бурное и угрюмое лице мрачныя ночи.

Ужасные вопли и крики наполняютЪ воздухЪ. ТаковЪ шумЪ Океана, стремящаго свои бунтующія волны; и таковы послѣдніе звуки престающаго грома. Естьли бы сточисленный ликЪ соединенныхЪ БардовЪ *Кормака* воспѣлЪ ужасЪ и всѣ слѣдствія сего грознаго сраженія, сточисленный ликЪ *Кормаковых*Ъ БардовЪ не могЪ бы гласомЪ своимЪ пренести вЪ потомственные роды всѣхЪ зна-

знаменитыхЪ ратоборцовЪ, пораженныхЪ на бранномЪ полѢ. Герои сонмами упадали на Героевъ, и кровь мужественныхЪ кипящими текла струями.

Барды, избранные пѢснопѢвцы! рыдайте надЪ знаменитымЪ *Ситаллиномъ.* И ты, прекрасная *Фіона*, наполни стенаніемЪ и плачемЪ жилище твоего любезнаго *Ардана.* Они крѢпкою *Свара́новою* мышцею пораженны, пали какЪ двѢ пустынныя серны. *СваранЪ* посреди своихЪ ратниковЪ свирѢпствуя рыкалЪ яко духЪ бури, когда вовсѢвЪ на мрачныя облаки, осѢняющія высоту *Гормала*, утѢшается онЪ смертію отважнаго мореплавателя.

Твоя десница не покоится, о вождь острова тумановЪ (г)! *КушуллинЪ!* твоя мышца неоднократно поражала смертію, и ея мечь зрѢлся яко громовая стрѢла, разящая питомцевЪ долинЪ, когда смертные пожираемы ею упадаютЪ, и когда всѢ окрестные холмы пылаютЪ пламенемЪ. *ДусроналЪ* сЪ ужаснымЪ ржаніемЪ попиралЪ Геройскія тѢла, и *Сифадда* омывалЪ ноги свои вЪ потокахЪ крови. ПодЪ ихЪ стопами поле сраженія зрѢлося опустошенно, какЪ лѢса пустыни *Кромлы*, когда бурный вихрь, обре-

(г) ОстровЪ *Шіо.* Не безЪ причины онЪ называется островомЪ тумановЪ: высотою горЪ его удерживаются пары, восходящіе изЪ моря, и отЪ того бываютЪ тамЪ почти всегдашніе дожди.

обремененный черными духами нощи, опустошаетъ смиренную дебрь и твердыя древа исторгаетъ съ корнемъ.

Восплачь на твоихъ камнехъ, о дщерь (д) *Инисторская*! дщерь прекраснѣе духа высокихъ холмовъ, когда онъ на солнечномъ лучѣ прелетаетъ безмолвныя долины *Морвена*: уклони твою лѣпую главу на волны. Уже палъ юный твой любовникъ, палъ блѣденъ и бездыханенъ, поверженъ мечемъ *Кушуллиновымъ*. Его младая и бодрая храбрость не явитъ уже въ немъ, какъ прежде, достойную отрасль Царей побѣдоносныхъ. Дщерь *Инисторская*! любезный твой *Тренаръ* уже въ объятіяхъ смерти! Его вѣрные псы, видя шествующу тѣнь его, воютъ унывно въ его чертогахъ. Лукъ его распущенъ почиваетъ въ его жилищѣ, въ лѣсахъ его царствуетъ печальное безмолвіе.

Тысящи волнъ стремятся на камень; тако устремляются полки *Свараковы*: твердый камень пріемлетъ и раздробляетъ сіи тысящи бурныхъ волнъ, тако *Инисфальскіе* ратники ожидаютъ и противоборствуютъ пол-

(д) Дщерь *Инисторская*, дочь *Горлы* Государя *Инисторскаго*, или острововъ Аркадскихъ. *Тренаръ* былъ кровный братъ Государя острова *Иниска*, которой былъ, какъ нѣкоторые думаютъ, одинъ изъ острововъ *Схетландскихъ*. *Аркадскіе* и *Схетландскіе* острова подвластны были тогда Локлинскому Государю.

полкамъ *Свараковымъ*. Грозная смерть. возвышая всѣ свои вопли и крики, соединяетъ ихъ со звукомъ щитовъ гремящихъ. Каждой Герой есть мрачный столпъ, и мечь въ его десницѣ есть огненный лучь. Поле стонетъ подобно желѣзу, багряному сыну горнила, стенящему подъ сильными ударами ста млатовъ, которые подъемлются, и ударяютъ его позременно.

Кто сіи толь мрачные и неукротимые ратоборцы на поляхъ *Лены*? Они подобны двумъ тученоснымъ облакамъ, и мечи ихъ блистаютъ надъ главами ихъ яко быстрыя молніи. Холмы восколебались въ своихъ основаніяхъ, твердые камни трепещутъ, и древній ихъ мохъ содрогаяся скачетъ. Безъ сомнѣнія это сынъ Океана (Сваранъ) и владыка *Эрина* (Кушуллинъ). Безпокоящіяся ратниковъ ихъ очи сопутствуютъ каждому ихъ движенію; но темная ночь простираетъ на сихъ вождей мрачныя свои крилѣ, и пресѣкаетъ ихъ ужасное противоборствіе.

На скатѣ *Кромлы Дорглась* уготовляетъ для пиршества серну, утреннюю корысть, пріобрѣтенную ратниками на холмѣ, прежде низшествія ихъ на бранное поле. Сточисленный ликъ юныхъ воиновъ собираетъ сухое хврастіе; десять Героевъ возгнетаютъ огнь; три ста бранноносцевъ избираютъ гладкіе и чистые камни: дымъ простирается, востекаетъ на высоту, и возвѣщаетъ о пиршествѣ.

*Ку-*

*Кушуллинъ* соединилъ во грудь свою расточенныя духа своего силы. Оперлись на копіе свое, вѣщаетъ онъ мудрому *Каррилю*, почтенному пѣвцу вѣковъ протекшихъ.

Сіе празднество уже ли для одного меня учреждается? *Локлинскіи* Царь во сядетъ ли на брегѣ *Уллина*, отдаленъ отъ пиршествъ и музыкійскихъ согласій, гремящихъ въ его чертогахъ? Востани, мудрый *Карриль*, и пренеси слова мои *Сварану*. Скажи сему владыкѣ, притекшему къ намъ на шумящихъ волнахъ: *Кушуллинъ* уготовалъ пиршество, да пріидетъ онъ склонить ушеса свои къ шуму лѣсовъ моихъ, подъ тѣнію сея облаконосныя ночи. Вѣтры, стремящіеся на его пѣнистыя моря, печальны и хладны; да пріидетъ онъ воздать похвалы стройнымъ звукамъ арфъ нашихъ, да пріидетъ внимать сладостнымъ пѣснямъ Бардовъ нашихъ.

*Карриль* шествуетъ, и гласъ его, исполненный сладости, приглашаетъ Царя щитовъ черныхъ: *Сваранъ*, владыка лѣсовъ! возд ьигнися, остави мягкія кожи твоей ловитвы. *Кушуллинъ* торжественное устроилъ пиршество, гряди участвовать въ радости его празднества.

Гласомъ томнымъ, и подобнымъ шуму *Кромлы*, предшествующему грозной бурѣ, отвѣчаетъ *Сваранъ*: Естьли всѣ твои младыя дѣвы, ненавистный *Инисфаль*, прострутъ



Bayerische
Staatsbibliothek
München

ко мнѣ свои бѣлыя руки, представятъ въ наготѣ взору моему трепещущія груди, и обратя ко мнѣ съ пріятностію очи свои, исполненныя любви нѣжной; и тогда неукротимый *Сваранъ* пребудетъ на семъ мѣстѣ неподвиженъ яко твердыя *Лохлинскія* горы, доколѣ багряная заря, возвысясь на подвластныя мнѣ страны и увѣнчанна юными лучами, возвѣститъ мнѣ новый день, чтобъ восталь и поразилъ я смертію *Кушуллина. Лохлинскій* вѣтръ пріятенъ моему слуху, онъ дышетъ на моихъ моряхъ, онъ вѣетъ и шумитъ въ моихъ парусахъ, и напоминаетъ мысли моей зеленые лѣса *Гормала*, гдѣ многократно шумные отзывы отвѣчали его дуновеніямъ, когда копіе мое омывалось кровію свирѣпаго вепря. Пусть мрачный *Кушуллинъ* уступитъ мнѣ древній престолъ *Кормака*, или пѣна источниковъ *Эринскихъ* обагрится его кровію.

*Карриль* возвратился и рекъ: звуки *Сваранова* гласа вѣщаютъ намъ погибель — Погибель ему единому, воззвалъ *Кушуллинъ*. *Карриль*! возвысь твой гласъ и повѣждь намъ подвиги временъ протекшихъ. Долготу ночи услади пріятностію твоихъ пѣсней; наполни духъ и сердца наши сладкимъ унынiемъ. *Иннисфальская* земля произвела и воспитала многочисленные сонмы Героевъ и юныхъ дѣвъ, любовію для любви рожденныхъ. Пріятно внимать печальнымъ пѣснямъ, напол-

полняющимЪ камни *Албіона*, когда престаетЪ шумЪ ловитвы и кристальный источникЪ отвѣтствуетЪ *Оссіанову* гласу.

*Карриль* воспѣлЪ: ВЪ предтекшія времена сыны Оксана востекли на брега *Инисфалскіе*. Тысяща кораблей скакали на волнахЪ и стремились на полныхЪ парусахЪ кЪ цвѣтущимЪ полямЪ *Уллина*; *Эринскія* чада воздвиглись во срѣтеніе сему непріязненному племени. *Каирбарѣ*, первый изЪ смертныхЪ, и *ГрударЪ*, юный и прекрасный бранноносецЪ, находились вЪ сонмѣ воителей. Сіи два ратника сражались долгое время за разноцвѣтнаго тельца, рыкающа сЪ ужаснымЪ вотлемЪ на звучномЪ холмѣ *Гольбуна*. Каждой изЪ нихЪ желалЪ его имѣть, и лютая смерть часто являлась на остріи блистающей ихЪ стали.

Два Героя соединились противЪ сопостата; иноплеменники, изверженные на брегЪ ОкеаномЪ, обращены вЪ бѣгство. Чіи вЪ *Инисфалѣ* имена толико знамениты, какЪ имена *Каирбара* и *Грудара*? Но увы! для чего пагубный сей телецЪ рыкалЪ еще на высотѣ *Гольбуна*? Они узрѣли его скачуща и бѣливною подобна снѣгу; прелестный видЪ его воспламенилЪ вЪ нихЪ прежнее свирѣпство.

Они сражаются на злачномЪ дернѣ источниковЪ *Любарскихъ* Юный и блистающій *ГрударЪ* повержен. Свирѣпый *КаирбарЪ* те-

четъ въ шумящія долины *Туры*, гдѣ *Брассолиса*, прекраснѣйшая изъ его сестръ, уединенна и печальна изливала съ томностію пѣсни унынія. Она воспѣвала подвиги любезнаго *Грудара*, къ которому всѣ тайныя и нѣжныя сердца ея чувствія клонились. Она оплакивала ужасъ и опасности, готовящіяся ему на кровавомъ полѣ сраженій: но еще не отчаявалась она зрѣть его побѣдителемъ. Ея одежда нѣсколько разверстая довволяла видѣть прелестную грудь ея подобну лунѣ, изшедшей цѣлымъ полукружіемъ изъ облаковъ ночи. Гласъ ея, изливая унылыя пѣсни, былъ сладостнѣе самой пріятной арфы. Вся ея душа наполнена была *Грударомъ*; онъ, онъ единственно искалъ всегда втайнѣ любезныхъ ея взглядовъ. Когда возвратишься ты въ полномъ сіяніи твоего оружія, о величественный и крѣпкій въ брани ратоборецъ?

*Каирбаръ* приходитъ и говоритъ ей: прими, *Брассолиса*, прими сей щитъ обагренный кровію; повѣсь его на твердую стѣну моего жилища; прими оружіе моего врага. . . . Онъ рекъ, и нѣжное сердце ея трепещетъ: блѣдна, изумленна, летитъ она въ поле сраженія. Она зритъ своего юнаго любовника обагренна своею кровію; и при семъ жалостномъ видѣ изливаетъ духъ свой на злачномъ дернѣ *Кромлы*. *Кушуллинъ*! здѣсь почиваетъ любезный ихъ прахъ, и сіи уединен-

ненныя два тисовыя древа, возростшія на ихъ гробахъ, возвышаясь желаютъ соединить свои вѣтви. *Брассолиса* украшала прелестями своими поля и долины, *Грударъ* былъ украшеніемъ холмовъ высокихъ. Барды сохранятъ имена ихъ и возвѣстятъ о нихъ въ пѣсняхъ своихъ вѣкамъ грядущимъ.

*Карриль*! гласъ твой исполненъ сладости, рекъ безтрепетный вождь *Эрина*, и я утѣшаюсь, внимая повѣствованіямъ временъ протекшихъ. Они пріятны слуху моему, какъ благорастворенный весенній дождь, когда солнце изливаетъ лучи свои на поля и долины, и когда легкія облаки плаваютъ надъ шумною горъ высотою. О Бардъ! прими твою арфу, да воспоешь мою любовь. Воспой сію пустынную красоту, сію блистающую звѣзду *Дунскара*. Воспѣвая хвалами *Брагелу*, сопутствуй гласу твоему струнами арфы; сію любезную *Брагелу*, оставленную мною на островѣ сгущенныхъ туманомъ. Супруга *Семова* сына! подъемлешь ли ты прекрасную главу твою на высотѣ холма, чтобъ узрѣть корабли *Кушуллиновы*? Пространное море стремитъ бурныя свои волны между тобою и твоимъ супругомъ. Бѣлая пѣна сихъ волнъ обольститъ взоръ твой, ты почтешь ихъ бѣлѣющимися парусами кораблей моихъ. Удалися, уже царствуетъ ночь, удалися, любовь моя, ночные вѣтры дышутъ въ твои власы; удалися

вЪ чертоги моихЪ пиршествЪ, и размышляй о временахЪ протекшихЪ. Я не возвращусь вЪ твои обЪятія, доколѣ утишится грозная буря брани. О *Конналъ*! вѣщай мнѣ о бранѣхЪ и сраженіяхЪ, извлеки любовь изЪ мысли моей, я самЪ безсиленЪ; бѣлогрудая и черноволосая дщерь *Сорглапова* любезна мнѣ и драгоцѣнна.

Будь остороженЪ и прозорливЪ, блюди себя отЪ коварныхЪ сыновЪ Океана, рекЪ благоразумный *Конналъ*. Повели, да избранный полкЪ ратниковЪ соглядаетЪ нощію движенія сопостата. *Кушуллинъ*! сердце мое желаетЪ мира, доколѣ узримЪ мы чадЪ *Морвенскихъ*, доколѣ *Фингалъ*, ужасЪ ГероевЪ, явится, яко свѣтило дня, среди полей нашихЪ.

Герой ударяетЪ во щитЪ и на звукЪ его стекается воинство. Избранные на стражу ночную ратники направляютЪ вЪ путь стопы свои; прочіе воители возлегши на холмѣ, покоились во мракѣ при томномЪ шумѣ вѣтровЪ. Тѣни пораженныхЪ вЪ протекшій день браноносцевЪ скитались предЪ ними носимы на облакахЪ, и вдали, вЪ глубокомЪ безмолвіи *Лены*, слышны были пронзительные призраковЪ гласы, предвозвѣстники суровой смерти.

---

ПѢСНЬ

## ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

### Содержанiе.

*Крюгалъ*, одинъ изъ *Эринскихъ* Героевъ, убитый въ предтекшiй день, является въ сонномъ видѣнiи *Конналу*. Онъ предвѣщаетъ ему, что *Кушуллинъ* заутра будетъ побѣжденъ, и совѣтуетъ примириться съ непрiятелемъ. *Конналъ* сообщаетъ видѣнiе сiе *Кушуллину*, которой остается непоколебимъ въ своемъ намѣренiи, и любя больше честь свою и славу, не хочетъ первой предлагать *Сварану* о мирѣ; онъ намѣренъ продолжать войну. День насталъ; *Сваранъ* предлагаетъ условiя постыдныя: *Кушуллинъ* ихъ отринулъ. Сраженiе начинается, оба воинства довольно чрезъ долгое время противоборствуютъ съ невѣроятнымъ усилiемъ; наконецъ *Грумалъ* обратился въ бѣгство, и всѣ *Ирландскiе* полки оставили поле сраженiя. *Кушуллинъ* и *Конналъ* прикрываютъ ихъ бѣгство. *Карриль* отводитъ ихъ на ближнюю гору, за ними слѣдуетъ не медля и *Кушуллинъ*, и съ высоты горы видитъ флотъ *Фингаловъ*, плывущiй къ берегу; но мрачная ночь скрываетъ флотъ сей отъ его взора. *Кушуллинъ*, пораженъ унынiемъ и досадою, приписываетъ неудачное сраженiе смерти друга своего *Ферды*, котораго онъ незадолго передъ тѣмъ побѣдилъ. *Карриль*, чтобъ убѣдить его, что всѣ тѣ, которые

по нещастію и невиннымЪ образомЪ предали смерти своихЪ друзей, не всегда наказуемы были злополучными превратностями, повѣствуетЪ судьбу *Коннала* и *Галвины*.

---

*КонналЪ* (а), возлегши при корени долговѣчнаго древа, наслаждался пріятностію сна при шумѣ источника. Твердый камень, покрытый мхомЪ, поддерживалЪ его главу. Пронзительные ночныхЪ призраковЪ гласы, пролетая сквозь дебри и пустыни *Ленскія*, ударяли вЪ его ушеса. ОнЪ былЪ единЪ, и отдаленЪ отЪ сонма прочихЪ ратниковЪ: онЪ, яко грозной брани сынЪ, не ужасался противныхЪ.

Сему Герою зрится вЪ сонныхЪ мечтахЪ огненный источникЪ, стремящійся сЪ высоты холма, и *КрюгалЬ*, несомый на воспламененномЪ воздушномЪ огнѣ; *КрюгалЬ*, пораженный ударами *Сварана*, ратоборствуя на полѣ славы.

Лице его блѣдно, яко лучи луны подЪ горизонтЪ низходящей; онЪ былЪ одѣянЪ легкимЪ

---

(а) Мѣсто, гдѣ покоился *КонналЪ*, извѣстно всѣмЪ, кто бывалЪ на горахЪ *Шотландскихъ*. *Оссіанъ* удаляетЪ сего Героя отЪ прочаго воинства для того, чтобЪ увеличить ужасЪ явленія тѣни *Крюгаловой*.

химЪ облакомЪ холма; померклыя очи его уподоблялись двумЪ свѣщамЪ уже погасающимЪ; грудь его пронзенна зрѣлась черною и глубокою язвою.

Тебя ли вижу я, *КрюгалЪ*, вѣщаетЪ ему безтрепетный *КонналЪ*. *ДедгаловЪ* сыне, толико знаменитый на холмѣ серпЪ быстротекущихЪ! тебя ли вижу я? для чего являешься ты мнѣ тако блѣденЪ и прискорбенЪ, ты рушитель крѣпкихЪ щитовЪ бранноносныхЪ? Никогда ужасЪ не могЪ напечатлѣть на челѣ твоемЪ блѣдности. СынЪ холма! что смущаетЪ тебя? чего трепещешь?

Мрачно и орошаемо слезами привидѣніе простираетЪ на Героя свою хладную руку; истощенный гласЪ его испускаетЪ слабое журчаніе подобно зефиру, шумящему томно вЪ кустахЪ *Лега*. — Тѣнь моя, о *КонналЪ*! странствуетЪ на холмахЪ, зрѣвшихЪ мое рожденіе, но тѣло мое лежитЪ повержено на пескахЪ *Уллина*. Ты уже не будешь бесѣдовать сЪ *Крюгаломъ*, вѣчно не увидишь ты слѣда уединенныхЪ стопЪ его вЪ пустыни. Моя легкость, есть легкость вѣтровЪ *Кромлы*; я ничто, какЪ непостоянный и скороизчезающій дымЪ. *КольгаровЪ* (б) сыне! я зрю стремящееся мрачное смерти об-



(б) *КонналЪ*, сынЪ *Каитбатовъ*, искренній другЪ *Кутуллиновъ*, называется иногда сыномЪ *Кольгаровымъ*. КольгарЪ былЪ первый начальникЪ ихЪ поколѣнія.

лако; оно остановляется, и тяготѣя виситъ надъ полями *Лены*. Чада зеленыхъ странъ *Эринскихъ* падутъ побѣждены. Бѣги, удаляйся ты отъ сего поля, исполненнаго призраками.

Подобно затмѣвающейся лунѣ изчезаетъ призракъ, скрываясь въ бурномъ вихрѣ. Помедли, воззвалъ *Конналъ*, помедли, о тѣнь моего друга! возвратись ко мнѣ еще на твоемъ небесномъ лучѣ. Въ какой пещерѣ уединенное твое жилище? Какой холмъ служитъ убѣжищемъ твоему успокоенію? Уже не услышу я гласа твоего въ шумѣ бурей, въ журчаніи быстрыхъ источниковъ, когда мрачные призраки, несомые на крилѣхъ вѣтреныхъ, прелетаютъ пустыню?

*Конналъ* востаетъ, и его оружіе гремитъ. Онъ ударяетъ во щитъ при ушесахъ *Кушуллина*, и Герой воспрянулъ отъ сна.

Для чего ты, *Конналъ*, тако нечаянно притекъ ко мнѣ нощію? Мое копіе, возбужденное звукомъ, могло бы во мракѣ поразить тебя, и свирѣпый рокъ повелѣлъ бы *Кушуллину* рыдать о смерти своего друга. Вѣщай *Кольгаровъ* сыне, вѣщай: твой спасительный совѣтъ подобенъ свѣтилу, гонящему густую мглу, и ліющему лучи животворные.

Сынъ *Семовъ*! отвѣщаетъ *Конналъ*; тѣнь *Крюгалова* изшла изъ пещеры своей, слабое сіяніе звѣздъ проницало сквозь его тонкое

и

и легкое существо; гласѢ его подобился томному журчанію отдаленнаго источника. ОнѢ посланникѢ смерти. ОнѢ вѣщаетѢ о гробѢ. Проси мира, о *КушуллинѢ*! или бѢги вѢ пустыню чревѢ *Ленскія* поля.

Ты говоришь, что тѣнь *Крюгалова* сѢ тобою бесѣдовала; ты зрѣлѢ звѣзды, блистающія сквовь его тонкое существо (в). *Колгировѣ* сыне! это былѢ шумѢ вѣтровѢ, бунтующихѢ вѢ пещерахѢ *Лены*; или, ежели воистинну была то *Крюгалова* тѣнь, по что ты не принудилѢ ее предстать моему взору? ВопросилѢ ли ты, гдѣ его пещера? ВѢ какихѢ мѣстахѢ почиваетѢ сынѢ воздуха? Мечь мой возмогѢ бы его обрѣсть, и убѣдить гласѢ его, открыть намѢ грядущее: но что онѢ можетѢ возвѣстить намѢ? Вчера еще обрѣтался онѢ межѢ нами: толико вѢ краткое время могѢ ли онѢ прелетѣть холмы наши? и кто ему открылѢ предлежащую намѢ пагубу?

Духи востекаютѢ на облаки, и летаютѢ на крилѣхѢ вѣтреныхѢ, отвѣчаетѢ мудрый *КонналѢ*; они вѢ пещерахѢ своихѢ покоятся

(в) *ОссіанѢ* показываетѢ намѢ здѣсь, какое тогда имѣли мнѣніе о душахѢ. По израженію *Коннала*, что звѣзды *блистали сквозь тѣнь Крюгалову*, и по отвѣту *Кушуллина*, кажется, что почитали они душу вещественною, и существомѢ подобнымѢ существу, которое у древнихѢ ГрековѢ называлось εἴδωλον.

ся вкупѣ, и бесѣдуютъ о смертныхъ. — Пусть они по волѣ своей бесѣдуютъ о смертныхъ; но да оставятъ они въ покоѣ вождя Эринскаго; да предадутъ меня въ пещерахъ своихъ забвенію. Я вѣчно не обращусь въ бѣгство отъ лица Сваранова. Естьли долженъ я погибнуть, мой гробъ возгласитъ потомству о моей славѣ. Звѣроловецъ окропитъ слезами покрывающій меня камень, и жилище прекрасной *Брагѣлы* облечется въ одежду сѣтованія и печали. Я смерти не ужасаюсь; я страшусь постыднаго отъ сопостатовъ бѣгства; *Фингалъ* всегда зрѣлъ меня побѣдителемъ. Ты, призракъ холма, вѣщающій пагубная, предстань моему взору; спустись на твоемъ свѣтоносномъ лучѣ, покажи мнѣ смерть мою въ рукахъ твоихъ, и ты не узришь меня вспять бѣгуща, о слабый сынъ тумановъ!

Теки, сыне *Кольгаровъ*, ударяй во щитъ *Кабаитовъ*: онъ виситъ между копьями: да на звуки его воспрянутъ ратоборцы мои отъ сна и уготовятся ко брани. Коснитъ *Фингалъ* и его ополченіе своимъ шествіемъ, но мы сразимся, и умремъ на полѣ Героевъ.

Звукъ щита простирается вдаль; бранноносцы востаютъ на холмѣ сонмами: уже они стоятъ, подобны толикому же числу крѣпкихъ дубовъ, окруженныхъ всѣми своими вѣтвями, когда ихъ ударяетъ тяжелый градъ и бурные вѣтры свистятъ въ изсохшихъ листвіяхъ.

Сѣ-

Сѣдая глава *Кромлы* подъемлется въ облаки; раждающагося дня свѣтъ содрогается надъ Океаномъ, уже до половины озаренымъ; синій туманъ шествуетъ тихо и скрываетъ *Инисфальскихъ* ратниковъ.

Примите оружіе, воззвалъ гордый *Сваранъ*; настоитъ брань, о мужественные воители! *Эринскія* чада побѣгли отъ лица нашего; устремимся и поженемъ въ слѣдъ ихъ на поляхъ *Лены*. И ты *Морла* спѣши въ чертоги *Кормака*: убѣждай его, да покорится онъ *Сварану*, доколѣ всѣ его племена не поглощены мрачнымъ гробомъ, и доколѣ безмолвіе смерти не царствуетъ еще на холмахъ *Уллина*.

Онъ рекъ, и всѣ его ратники востаютъ вдругъ, подобны облаку морскихъ птицъ, гонимыхъ со брега яростію бунтующихъ валовъ. Казалось, внемлется шумный звукъ тысящи источниковъ ударяемыхъ взаимно и сливающихся въ долинахъ *Коны*, когда послѣ бурной и дожденосной ночи при слабомъ сіяніи зари стремятъ они еще неукрощенныя свои волны.

Каковы черныя мрачной осени облаки, простирающіяся и бѣгущія по уклонному скату зеленыхъ холмовъ: таковы, и еще мрачнѣе и быстрѣе, стремятся ратоборцы шумящихъ лѣсовъ *Локлинскихъ*. Величественъ и гордъ, яко *Морвенскій* елень, шествовалъ предъ ними безтрепетный *Сваранъ*. Его щитъ бли-

сталЪ какЪ ночные огни претекающіе чрезЪ поля, когда всѢ смертные погружены вЪ безмолвіе и во маркЪ ночи, и когда трепещущій путешественникЪ мечтаетЪ видѢть призракЪ, играющій вЪ сихЪ воздушныхЪ явленіяхЪ.

ВѢтрЪ подЪемлется отЪ возмущеннаго Океана, и своимЪ дуновеніемЪ разгоняетЪ тяготѢвшій надЪ водами туманЪ. *Инисфальскіе* сонмы являются на брегѢ яко связь твердыхЪ камней.

*Морла*! рекЪ неукротимый *СваранЪ*, теки и предложи мирЪ сопостату, каковЪ предлагаемЪ мы ЦарямЪ, когда народы преклоняютЪ предЪ нами колѢна, когда мужественные лежатЪ простерты на полѢ брани, и когда юныя дѢвы проливаютЪ слезные потоки, странствуя вЪ поляхЪ и долинахЪ.

Мужественный *Морла*, сынЪ *Суарта*, протекаетЪ величествомЪ шаговЪ пространство межмѢстія; онЪ предсталЪ сЪ гордымЪ видомЪ, и вѢщаетЪ вождю *Эринскому*, окруженному своими ратниками.

Прими даруемый *СвараномЪ* мирЪ: онЪ его тако предлагаетЪ тебѢ, какЪ предлагаетЪ онЪ ЦарямЪ, когда побѢжденные народы упадаютЪ кЪ стопамЪ его. Уступи намЪ пріятныя поля *Уллина*, отдаждь *Сварану* прекрасную твою супругу, и вѢрнаго твоего ловчаго пса, быстрѢйшаго самыхЪ вѢтровЪ; уступи сихЪ свидѢтелей безсилія и сла-

слабости твоей десницы, и живи подъ властію нашего могущества. Скажи *Сварану*, скажи сему надменному и гордости исполненному сердцу: *Кушуллинъ* вѣчно не покорялся. . . . Я оставляю ему волны Океана, или воздвигну полкамъ его гробы въ *Эринѣ*. Никогда чуждый не будетъ обладателемъ любезной *Брагелы*; никогда *Локлинскихъ* холмовъ серна не побѣгнетъ отъ моего быстраго *Луата*.

Слабый колесницегонитель! отвѣчаетъ *Морла*, и такъ хочешь ты противостоять моему владыкѣ, сему Царю, котораго многочисленные корабли могутъ островъ твой навлечь на волны; толико холмъ *Уллина* является малъ предъ могуществомъ владычествующаго надъ Океаномъ! — *Морла*! во тщетной прѣ словесъ ея уступаю побѣду, но сей мечь вѣчно никому изъ смертныхъ не покорится. Доколѣ *Конналъ* и *Кушуллинъ* имѣютъ духъ жизни, никто, кромѣ *Кормака*, не будетъ владычествовать *Эриномъ*. О *Конналъ*, первый изъ мужественныхъ! ты слышалъ слова *Морлы*, отвѣчай; твоя грудь, твое сердце совѣтуютъ ли тебѣ нынѣ мирная? Тѣнь *Крюгалоева*! почто ты устрашала насъ смертію? Я сниду во мрачное жилище, но озаренъ свѣтильникомъ славы... Возвысьте, *Инисфальскія* чада, возвысьте ваши копья, напрягайте луки, теките, стремитесь на сопостата во меракъ.

Онъ

Онъ рекъ, и его многочисленные полки восколебались въ своихъ сгущенныхъ строяхъ; они простираясь шумно равширяются, яко темный облакъ упадающій на долину, когда буря омрачаетъ блистательныя и спокойныя поля небесной тверди.

Ихъ вождь предшествуетъ покрытъ гремящимъ оружіемъ, подобенъ призраку, предтекущему грознымъ облакамъ, окруженному воспламененными воздушными явленіями, и держащему въ десницѣ своей бурные вѣтры. *Карриль* возгремѣлъ военною трубою, и звукъ зовущій ко брани внемлется въ дальныхъ окрестностяхъ. Онъ начинаетъ пѣснь ратоборствія, и ліетъ душу свою въ души Героевъ.

Гдѣ нынѣ, вѣщалъ мудрый Бардъ, гдѣ нынѣ мужественный оный воитель, пораженный смертію? Куда сокрылся *Крюгаль*? Онъ забвенъ почилъ подъ землею, и печальное безмолвіе царствуетъ въ его жилищѣ . . . Супруга *Крюгалова*, еще какъ пришлецъ (г) въ чертогахъ своего любезнаго супруга, сѣтуетъ и терзается печалію вдовства; но кто сія толико прелестная красота, текущая какъ свѣтоносный лучь солнца предъ полками супостатовъ? Это *Дезагрена*, возлюбленная *Крюгалова* супруга. Ея власы раз-

(г) *Дезагрена* вышла за мужъ за *Крюгала* не задолго предъ сраженіемъ.

развѣваются по раменамъ ея; очи ея багрѣютъ отъ слезъ непрестающихъ, и гласъ ея истощенъ. Увы! любезный твой *Кругалъ* уже ничто нынѣ, какъ тщетная и мрачная тѣнь, содержимая въ пещерѣ холма. Она во время сна твоего приходитъ изливать во слухъ тебѣ слабый и томный гласъ, подобный жужжанію горныхъ пчелъ. . . . Но *Дезагрена* уничтожается какъ тонкое утреннее облако: *Локлинское* желѣзо пронзаетъ бѣлую грудь ея. *Каирбаръ*! она пала, уже увяла красота, обращавшая на себя всѣ мысли и попеченія твоихъ юныхъ лѣтъ. О *Каирбаръ*! ее нѣтъ уже на свѣтѣ.

*Каирбаръ* услышалъ плачевныя сіи пѣсни. Онъ летитъ къ своей дщери; тако грозный китъ устремляется въ Океанѣ. Онъ зритъ *Дезагрену* бездыханну. При семъ видѣ воспламеняется, рыкаетъ, и стремится онъ въ среду сопостатовъ: его копіе повергло ратоборца *Локлинскаго*, и пламень сраженія простирается съ одного крыла до другаго. Со всѣхъ странъ повергаются съ шумомъ многочисленные сонмы. Казалось, что лѣса *Локлина* исторгаются яростію соединенныхъ вихрей, или свирѣпый и неугасимый пожаръ истребляетъ сосны холмовъ его. *Кушуллинъ* посѣкаетъ *Локлинскихъ* Героевъ, какъ стебліе и тростникъ полей влачныхъ. *Сваранъ* пагубоносенъ для *Эрина*; отъ его пораженій упадаетъ *Курахъ*, свергается *Каирбаръ*,

*барЪ*, ограждаемый тщетно крѣпостію щита своего. *МорглaнЪ* усыпленЪ уже сномЪ вѣчнымЪ. *КаолтЪ* скрежещетЪ и послѣднее изливаетЪ дыханіе: мраморная грудь его червленѣетЪ кровію, его власы оскверняются прахомЪ земли, видѣвшей его рожденіе. Неоднократно учреждалЪ онЪ веселыя пиршества на сихЪ самыхЪ поляхЪ, гдѣ нынѣ лежитЪ бездыханенЪ; и стройный гласЪ арфы его разливался тамЪ неоднократно: его ловчіе псы радостно скакали при звукѣ сего музыкійскаго орудія, и юные звѣроловцы уготовляли свои твердые луки.

*СваранЪ* стремится, яко многоводный источникЪ, изшедшій отЪ пустыни, и влекущій вЪ теченіи своемЪ камни и тяжкія расторгаемой земли глыбы. Но *КушуллинЪ* противостоитЪ, какЪ неподвижная гора, привлекающая кЪ себѣ тученосныя облаки; вѣтры сражаются вокругЪ ея главы, увѣнчанной соснами; частый градЪ упадаетЪ и ударяетЪ камни ея; тверда вЪ основаніи своемЪ, она стоитЪ недвижима и покрываетЪ тѣнію своею безмолвныя долины *Коны*. ТаковЪ неустрашимый *КушуллинЪ* ограждалЪ и покрывалЪ чадЪ *ЭринскихЪ*, возвышая величественную свою главу среди многочисленныхЪ сонмовЪ.

КровьГероевЪ, поражаемыхЪ его десницею и падающихЪ окрестЪ его, течетЪ, какЪ быстрый ключь истекшій изЪ камени. Но воин-

воинство *Эринское* съ шуія страны до страны десныя уничтожается, исчезаетъ какъ снѣгъ отъ пламени лучей солнечныхъ.

О чада *Инисфальскія*! вѣщаетъ *Грумалъ*, *Локлинъ* пріобрѣлъ поле сраженія. Для чего еще мы, слабое тростіе, для чего противимся ярости вѣтровъ? Обратимся къ холму, жилищу быстротечныхъ сернъ. Онъ рекъ, и течетъ вспять подобенъ робкому *Морвенскому* еленю; его уклоненное копіе означаетъ своимъ блескомъ бѣгущія стопы его. Немногіе изъ ратоборцевъ послѣдовали превратному и робкому *Грумалу*; тысящи геройскою погибли смертію и остались простерты на поляхъ *Лены*.

Стоящъ на своей колесницѣ, блистающей многоцѣннымъ каменемъ, *Кушуллинъ* сражался неутомимо: онъ повергъ еще крѣпкаго ратоборца *Локлинскаго*, и рекъ *Конналу*: *Конналъ*, первый изъ смертныхъ! ты научалъ десницу мою на смертные удары: *Эринскія* чада обратились въ бѣгство, но мы престанемъ ли противоборствовать супостату? Мудрый *Каррилъ*! провождай оставшихся друзей моихъ къ тростнику холма сего, а мы, *Конналъ*, мы пребудемъ здѣсь, и защищая покровомъ удаляющихся ратниковъ нашихъ. *Конналъ* востекъ на колесницу, и оба совокупно противоставятъ они врагамъ свои щиты, которыхъ величина подобна омраченной лунѣ, когда сія много-

звѣздныхъ небесъ дщерь начертываетъ темный только кругъ въ пространствѣ поднебесной тверди. *Сифадда* и свирѣпый *Дусроналъ* дыша бурно востекаютъ на холмъ; волны сопостатовъ за ними стремятся и тягчатъ другъ друга въ пути своемъ.

*Эринское* воинство останавливается на покатѣ *Кромлы*; ратники унылы и прискорбны; ихъ строи сдѣлались рѣдки и прозрачны какъ лѣсъ, сквозь которой протекъ бурный пламень, разлитый вѣтрами свирѣпой ночи. *Кушуллинъ* стоялъ опершись о древній дубъ. Безмолвенъ и прискорбенъ вращалъ онъ подъ черными бровями воспламененныя свои зѣницы, и склонялъ, казалось, ушеса свои на шумъ вѣтровъ, дышущихъ въ его густые волосы, какъ вдругъ со бреговъ Океана течетъ *Моранъ* сынъ *Фитилевъ*: корабли, возопилъ сей ратоборецъ, корабли острова пустыннаго! Се *Фингалъ*, первый изъ смертныхъ и перунъ щитовъ крѣпкихъ. Подъ его черными кораблями бѣлѣются пѣнящіяся волны. Его мачты съ распростертыми на нихъ парусами представляютъ взору густой лѣсъ возрастшій въ облакахъ.

Стремитесь, дышите купно, рекъ *Кушуллинъ*, о вѣтры царствующіе въ моемъ пріятномъ островѣ. Теки, *Фингалъ*, спѣши поражать смертію тысящи противныхъ. О другъ мой! твои парусы, какъ утренней зари облаки, возвеселяютъ взоръ мой; кораб-

ли твои, какъ блистательный свѣтъ небесъ, лiютъ мнѣ отраду и утѣшенiе; ты зришься для меня яко столпъ огненный, озаряющiй и предводящiй во мракѣ стопы мои. О *Коннал*ъ почтенный старецъ! коль чувствительнымъ веселiемъ восхищаетъ насъ пришествiе друзей нашихъ! Но мракъ ночи уже сгущается вокругъ насъ: гдѣ нынѣ корабли *Фингаловы*? Пребудемъ здѣсь сiи мрачные часы. Ахъ! да ускоритъ луна явиться въ своемъ прiятномъ сiянiи.

Вѣтры востекаютъ на густыя рощи; источники свергаются съ высоты камней; дождь виситъ надъ главою *Кромлы*, и звѣзды дрожащiй только свѣтъ ниспускали сквозь летающiя въ воздушной безднѣ облаки. Вождь *Эрина* печаленъ, и углубленъ въ размышленiяхъ, сидѣлъ при источникѣ, котораго журчанiе отзывалось въ пустотѣ долговѣчнаго древа стоящаго на брегѣ. Съ Героемъ сидѣли купно *Конналъ* и украшенный сѣдинами *Карриль*.

Нещастна *Кушуллинова* десница, возопилъ вождь *Эринскiй*; нещастна *Кушуллинова* десница съ того злобнаго часа, какъ поразила она смертiю его друга. — *Ферд*ъ! я тебя любилъ какъ самаго себя.

Какъ, воззвалъ *Конналъ*, какъ палъ сей мужественный ратникъ? Я помню храбраго *Даманова* сына: его станъ величественъ и пре-

прекрасенъ, какъ небесная радуга стоящая надъ холмомъ.

*Ферль*, отвѣчаетъ *Кущуллинъ*, притекъ изъ *Албіона*; къ знаменитомъ *Мури* (д) изучился онъ дѣйствовать геройскимъ оружіемъ, и пріобрѣлъ *Кущуллинову* къ себѣ довѣренность и дружество Всегда мы неразлучны обрѣтались въ ловитвѣ звѣрей; всегда мы неразлучно покоились на песку дебрей и пустынь.

*Девгала* сопряжена была узами супружества съ *Каирбаромъ*, владѣтелемъ полей *Уллинскихъ*; она блистала всѣми прелестьми красоты; но сердце ея было исполнено гордости: она любовнымъ горѣла пламенемъ къ юному сыну *Деманову* — *Каирбаръ*! нѣкогда сказала она, дай мнѣ половину изъ стадъ нашихъ: я не желаю болѣе жить съ тобою, разлучимся.

Да мудрый *Кущуллинъ*, отвѣчалъ *Каирбаръ*, мещетъ наши жребія: его сердце есть престолъ правоты. Отлучайся, прелестное свѣтило. — Я востекъ на холмъ, и раздѣлилъ стада; осталась одна юница, бѣливною по-

(д) По мнѣнію Ирландскихъ Бардовъ, *Мюра* было ничто иное, какъ училище или Академія въ Ульстерской провинціи гдѣ юношество обучалось дѣйствовать оборонительнымъ и наступательнымъ оружіемъ Самое слово *Мюри*, то есть *собраніе*, дѣлаетъ мнѣніе сіе вѣроятнымъ.

подобная снѣгу. Я почтилъ ею *Карбара*. Сіе предпочтеніе воспламенило противъ меня ярость въ сердцѣ *Девгалы*.

Сынъ *Дамановъ*! рекла сія прекрасная, *Кушуллинъ* терзаетъ мою душу. Я хочу быть свидѣтельницею смерти его, или волны *Любара* покроютъ меня своею тяжестію. Мой блѣдный призракъ будетъ за тобою повсюду слѣдовать, и укорять тебя досадою и безчестіемъ, которымъ *Кушуллинъ* поразилъ мою душу исполненную ревности. Пролей *Кушуллинову* кровь, или пронзи грудь мою.

*Девгала*! отвѣчалъ юный и прекрасный *Ферда*, какъ дерзну поразить смертію *Семова* сына? Онъ мнѣ искренній другъ; въ его сердцѣ сокрыты всѣ мои самыя тайныя мысли, и я дерзну извлечь противъ него мечь мой? Три дни равно убѣждала она его слезами: въ день четвертый покоряется онъ ея волѣ.

Да будетъ такъ, *Девгала*, я сражусь съ моимъ другомъ; но коль желательно мнѣ, чтобъ я самъ палъ отъ его ударовъ. Увы! какъ я могу послѣ того странствовать на холмѣ и видѣть гробъ *Кушуллиновъ*?

Мы сразилися на холмахъ *Мури*. Наши мечи убѣгали отъ смертоносныхъ ударовъ; они скользили только по твердой стали шлемовъ, или ударяли слабо по крѣпости щитовъ нашихъ. *Девгала* взирала на противо-

борствіе, и усмѣхалась язвительно: *Даманов* сыне! рекла она, твоя десница безсильна. Юный ратникЪ! твои лѣта еще не влiяли вЪ тебя столько мужества, чтобЪ дѣйствовать ГеройскимЪ оружіемЪ. Уступи славу побѣды сыну *Семову*: онЪ противу тебя крѣпокЪ, яко твердый камень *Мальмора*.

Рекла, и очи младаго ратника наполняются слезами: гласомЪ пресѣкаемымЪ рыданіями вѣщаетЪ мнѣ *Фердъ*: *КушуллинЪ*! противоставь твой щитЪ, отражай удары твоего друга. Моя душа обремененна печалію. судьба требуетЪ, чтобЪ я, я нещастный предалЪ смерти перваго изЪ ратоборцевЪ.

Грудь моя изпустила глубокой вздохЪ: я подѣялЪ остріе моего меча; юный *ФердЪ* палЪ на землю; *ФердЪ* первый другЪ *Кушуллиновъ*. Нещастна *Кушуллинова* десница сЪ того часа, какЪ поразила она смертію сего младаго ратоборца.

Твоя повѣсть, о вождь *Эрина*! повѣсть твоя плачевна и жалостна, вѣщаетЪ мудрый *Карриль*. Она влечетЪ мысль мою ко временамЪ претекшимЪ: я многократно услаждался повѣстьми о *Конналѣ*, которой подобно тебѣ, по нещастію предалЪ смерти своего друга; но побѣда и послѣ того сопутствовала ударамЪ его копія, и супостаты изчезали отЪ лица его.

*Кон-*

*Конналъ* былъ знаменитый ратоборецъ *Альбіона*. Сто холмовъ покарялись владычеству его законовъ. Серна его по волѣ своей утоляла жажду свою водами тысящи источниковъ. Въ тысящѣ камней отзывались лаянія быстрыхъ его псовъ. Всѣ прелести юныхъ лѣтъ разцвѣтали на лицѣ его. Десница его была смерть Героевъ. Сердцемъ его владѣла юная красавица: то была прелестная дщерь сильнаго *Комла*: она посреди прочихъ дѣвъ являлась какъ блистательное свѣтило: ея власы были черные, какъ врановы крилѣ; ея псамъ ловитва звѣрей была всего пріятнѣе: она искусно напрягала твердый лукъ, и стрѣлы ею пущенныя со свистомъ въ лѣсахъ летали. Ея сердце избрало себѣ *Коннала*. Ихъ любовные взгляды многократно между собою встрѣчались; они были неразлучны въ ловитвѣ звѣрей, и тайные разговоры ихъ составляли ихъ радостное блаженство. Но сею прекрасною плѣненъ былъ свирѣпый *Грумалъ*. Сей врагъ нещастнаго *Коннала* всегда назиралъ стопы его возлюбленной.

Нѣкогда утомленны ловитвою, и отлучась отъ своихъ друзей, сокрытыхъ отъ взора густотою тумана, *Конналъ* и любезная дщерь *Комлова* притекли опочить въ пещеру *Ронана*. Это было милое убѣжище *Конналово*; оружія предковъ его зрѣлись тамъ по-

вѣшены; ихъ щиты блистали тамъ подлѣ ихъ стальныхъ шлемовъ.

Почій ты здѣсь, рекъ *Конналъ*, почій здѣсь, прелестная *Гальвина*, утѣшеніе и отрада моя. Быстрая серна скачетъ на высотѣ *Моры*; я теку къ ней, и скоро возвращусь къ тебѣ. Я страшусь, рекла она ему, я страшусь чернаго *Грумала* моего сопостата: онъ часто приходитъ въ сію пещеру; я опочію среди твоихъ оружій; но ускори возвратомъ твоимъ о мой возлюбленный!

Тогда, какъ мужественный *Конналъ* стремится во слѣдъ сернѣ, *Гальвина* хочетъ испытать вѣрность своего любовника; она облекается въ его одежды, пріемлетъ его оружіе, и шествуетъ изъ пещеры. *Конналъ* ее узрѣлъ, и мечтаетъ видѣть *Грумала*; сердце его бьется и пылаетъ мщеніемъ: онъ свирѣпствуя блѣднѣетъ; черный облакъ сгустился надъ его очами; онъ напрягаетъ лукъ; стрѣла летитъ, *Гальвина* повергается бездыханна и обагренна своею кровію. *Конналъ* стремится въ пещеру; приглашаетъ *Гальвину*: но кто могъ уже отвѣтствовать въ пустынномъ камени? Гдѣ ты, гдѣ сокрылась, моя возлюбленная? Онъ познаетъ послѣ, что ей самой нѣжное сердце пронзенно роковою его стрѣлою. *О Гальвина*! тебя ли я вижу? . . . Онъ упадаетъ и лишается

чувствъ

чувствъ на бѣлыхъ персяхъ своей возлюбленной.

Звѣроловцы обрѣли сію нещастную чету, и потщались возвратить жизнь *Конналу*. Онъ простиралъ послѣ стопы свои на высотѣ холма; но болѣе всего скитался онъ печаленъ и безмолвенъ вокругъ темнаго гроба своей возлюбленной Океанъ извергаетъ на брега сонмы сопостатовъ; онъ сражается; иноплеменники обратились въ бѣгство; онъ среди враждебныхъ полковъ ищетъ повсюду своей погибели; но какая десница сильна поразить смертiю грознаго *Коннала*? Онъ повергаетъ щитъ свой, и ратоборствуетъ безоруженъ. Наконецъ крѣпкую и твердую грудь его пронзаетъ стрѣла . . . Онъ почиваетъ въ тишинѣ подлѣ возлюбленной своей *Гальвины*, при шумѣ бурныхъ валовъ, и мореплаватель, стремясь по морямъ сѣвернымъ. усматриваетъ гробы ихъ одѣянные кудрявымъ мохомъ.

---

## ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

### Содержаніе.

*Кушуллинъ*, плѣненъ повѣствованіями *Каррила*, повелѣваетъ ему продолжать свои пѣсни. Бардъ повѣствуетъ о Геройскихъ *Фингаловыхъ* подвигахъ въ земли *Локлинской* и о смерти прекрасной *Агандеки*, сестры *Сварановой*. Едва онъ окончалъ, какъ храбрый *Кальмаръ*, совѣтовавшій вступить въ сраженіе, возвращается отъ брани покрытъ язвами; онъ увѣдомляетъ *Кушуллина*, что *Сваранъ* нечаянно во время ночи намѣренъ учинить нападеніе на оставшееся *Ирландское* воинство. Онъ предлагаетъ, чтобъ ему одному въ тѣсномъ пути противостать непріятельскимъ усиліямъ, доколѣ воинство удалится. *Кушуллинъ*, тронутый симъ великодушнымъ намѣреніемъ, хочетъ ему сопутствовать, и повелѣваетъ *Каррилю* отвесть оставшіеся полки. Заря является; *Кальмаръ* изнемогшій отъ язвъ умираетъ. *Сваранъ*, примѣтя флотъ *Каледонянъ*, престаетъ гнаться за *Ирландскимъ* воинствомъ, чтобъ воспятить *Фингалу* исходить на берегъ. *Кушуллинъ*, стыдясь явиться предъ *Фингала*, удаляется въ пещеру *Туры*. *Фингалъ* вступилъ въ сраженіе съ Царемъ *Локлинскимъ* и принудилъ воинство его отступить; ночь приближилась и побѣда остается нерѣшимою. *Фингалъ*, примѣтя мужество внука своего *Оско-*

*Оскора*, даетъ ему совѣты, какъ поступать въ мирное и въ военное время. Особливо совѣтуетъ ему имѣть всегда предъ очами своими дѣянія своихъ предковъ, какъ самый лучшій примѣръ, которому онъ можетъ последовать; а для сего разсказываетъ о *Фенасоллисѣ*, дочери Государя *Краксскаго*, которую онъ еще въ юности своей принялъ подъ свое покровительство. *Филлана* и *Оскара* посылаетъ для наблюденія *Свараковыхъ* движеній во время ночи. *Галлъ* сынъ *Морнія* проситъ, чтобъ въ слѣдующій день поручено ему было предводительствовать войсками. *Фингалъ* на то соглашается. Нѣкоторыя общія *Оссіановы* разсужденія оканчиваютъ сей третій день.

---

Пѣсни Бардовъ мнѣ пріятны, вѣщаетъ *Кущуллинъ*; я утѣшаюсь, внимая повѣствованіямъ временъ протекшихъ. Они сладостны для меня, какъ тишина весенняго утра и прохлада росы умягчающей холмы, когда солнце на покатость ихъ мещетъ слабые и косвенные только лучи, и когда озеро, покрываясь синетою, безмолвно и спокойно во глубинѣ долины. О *Карриль*! возвысь еще твой гласъ, да внемлетъ слухъ мой пѣснямъ *Туры*, симъ радостнымъ пѣснямъ, наполнявшимъ чертоги мои, когда *Фингалъ* участвовалъ въ моихъ торжественныхъ

ныхъ пиршествахъ, и когда зрѣлъ я его воспламеняема повѣствованіями о знаменитыхъ дѣяніяхъ его предковъ.

*Фингалъ*, воспѣлъ *Карриль*, ты, Герой шумныхъ ополченій! твои браноносные подвиги прославили твою младость. *Локлинъ* пожираемъ былъ неутомимымъ ярости твоей пламенемъ, еще въ тѣ нѣжныя твои лѣта, когда красота твоя спорила съ красотою нашихъ юныхъ дѣвъ. Онѣ съ пріятною улыбкою взирали на прелести, расцвѣтающія на лицѣ юнаго Героя; но въ его рукахъ была смерть грозная: онъ являлся крѣпокъ и ужасенъ, яко шумныя воды *Лоры*. Его стремительные ратоборцы ему сопутствовали. Они побѣдивъ обременили оковами *Старна*, владыку *Локлинскаго*; но послѣ даровавъ ему свободу, отпустили на корабли; его сердце надменно было гордостію и досадою. Онъ во глубинѣ мрачныя души своей совѣщалъ пагубу на юнаго побѣдителя: зане никто еще, кромѣ *Фингала*, не побѣждалъ крѣпкихъ силъ мужественнаго *Старна* (а). *Старнъ*, вошедъ въ свои *Локлинскіе* лѣса, возсѣлъ въ великолѣпномъ пиршественномъ чертогѣ: онъ призываетъ *Снивана*, старца покрытаго сѣди-

(а) *Старнъ* былъ отецъ *Сварана* и *Агандеки*. Во всѣхъ поэмахъ тогдашняго времени приписывается ему нравъ жестокой и безчеловѣчной.

динами, и которой многократно возглашалЪ свои пѢсни окрестЪ *Лоды*. ОтЪ гласа его движимЪ былЪ *священный камень могущества*, (6) и успѢхЪ сраженій премѢнялся на полѢ мужественныхЪ.

Почтенный *СниванЪ*! рекЪ *СтарнЪ*, теки на камни *Арвена*, окруженные моремЪ. Скажи *Фингалу*, скажи владыкѢ пустыней прекраснѢйшему изЪ всѢхЪ ратоборцевЪ, что я вручаю ему дщерь мою, мою дщерь любезнѢйшую изЪ всѢхЪ дѢвЪ. Ея грудь бѢлизною подобна снѢгу, ея руки и рамена бѢлы какЪ пѢнящіяся мои волны; душа ея кротка и благородна. Да грядетЪ онЪ провождаемЪ знаменитыми своими ратниками, да грядетЪ онЪ сочетаться сЪ моею дщеріу, воспитанною вЪ сокровенности моихЪ чертоговЪ.

*СниванЪ* притекаетЪ кЪ горамЪ *Альбіона*; *ФингалЪ* стремится вЪ путь; его сердце, воспламененное любовію, упреждаетЪ стремленіе кораблей его на волнахЪ сѢверныхЪ.

Да будетЪ твое пришествіе благословенно! рекЪ мрачный *СтарнЪ*; гряди, о владыка *МорвенскихЪ* камней, и вы такожде Герои, теку-

(6) Сіе мѢсто намекаетЪ о богослуженіи *Локлинцовъ*, и *камень могущества* безЪ сомнѢнія былЪ изображеніемЪ какого нибудь *Скандинавскаго* божества. *Кругъ Лоды* былЪ ничто иное, какЪ огражденіе каменное, гдѢ жертвовали сему божеству.

текущіе во слѣдъ ему на поляхъ сраженій! три дни равно будете вы торжествовать въ моихъ чертогахъ; три дни ловитва щетиноватыхъ вепрей утѣшать васъ будетъ въ лѣсахъ моихъ, чтобъ ваша слава могла проникнуть въ сокрозенныя жилища, гдѣ обитаетъ юная *Агандека.*

Владыка снѣговъ (в), дружелюбно ихъ угощая, помышлялъ о ихъ пагубѣ. *Фингалъ*, остерегаясь сѣтей коварнаго супостата, является тамъ покрытъ гремящимъ оружіемъ. Избранные для гибели его злодѣи пораженны ужасомъ, не могутъ стерпѣть геройскихъ его взоровъ, и убѣгаютъ отъ лица его. Но внемлются уже гласы радости. Арфы гремятъ, разливая звуки веселія. Барды воспѣваютъ дѣянія бранноносцевъ, или прелести красавицъ. *Уллинъ*, почтенный Бардъ *Фингаловъ*, сей пріятный и стройный гласъ холма *Коны*, равно тамъ слышится. Онъ воспѣлъ хвалы прелестной дщери *Старновой*, и славу *Фингалову*. Его звуки достигли слуха прекрасной *Агандеки.* Она оставляетъ уединенное жилище, гдѣ воздыхала тайно, и является во всей своей красотѣ, какъ луна при краѣ восточнаго облака. Блескомъ своихъ прелестей окружается она какъ свѣто-

но-

(в) Стихотворческое имя, данное *Оссіаномъ Старну* по причинѣ великаго множества снѣговъ, покрывающихъ области его.

восными лучами; тихій шумЪ ея кроткаго и легкаго шествія пріятенЪ слуху, какЪ сладостная музыка. Она видитЪ, и она любитЪ уже юнаго Героя. КЪ нему стремились всѢ тайныя сердца ея воздыханія. Ея голубыя очи искали его; они его нашли и прилѢпились кЪ нему сЪ нѢжностію; она вЪ душѢ своей желала счастія и радостныхЪ успѢховЪ вождю *Морвенскому*.

Уже третій день возсіялЪ надЪ лѢсами непрей. Чернобровый *СтарнЪ* и сЪ нимЪ *ФингалЪ* шествуютЪ на ловитву. Уже половина дня протекло, и копіе *Фингалово* обагрилось кровію жителей лѢсовЪ *ГолымальскихЪ*. Тогда дщерь *Старнова* сЪ исполненными слезЪ очами приходитЪ кЪ *Фингалу*, и гласомЪ, изЪявляющимЪ нѢжную любовь, вѢщаетЪ ему:

*ФингалЪ*, Герой преславнаго племени! блюдись, не вѢряй себя гордому *Старнову* сердцу: вЪ семЪ лѢсу для гибели твоей сокрыты его ратники; берегись, *ФингалЪ*, сего лѢса, гдѢ ожидаетЪ тебя смерть пагубная; но воспомяни, младый пришлецЪ, воспомяни злощастную *Агандеку*. ПобѢдоносный Царь *Морвена*! изхити меня отЪ ярости моего родителя.

Юный Герой безЪ страха и безЪ смущенія простирается вЪ лѢса, провождаемЪ своими ратоборцами. Уготованные для гибели его коварные слуги смерти пали отЪ ру-

ки его, и лѣсъ *Гормальскій* вошумѣлъ звукомъ ихъ паденія.

Звѣроловцы стеклися предъ чертогами *Старна*. Подъ мрачною бровей густотою сверкали воспламененныя *Старновы* очи: да приведется сюда, возопилъ онъ, да приведется *Агандека* къ своему возлюбленному Царю *Морвенскому*; ея слова были не тщетны, и десница *Фингалова* омылась кровію моего народа.

Она является орошенна слезами. Ея черные власы разметаны на раменахъ ея съ пріятнымъ нерадѣніемъ; ея грудь блистающая бѣлизною воздымалася отъ вздоховъ. Свирѣпый *Старнъ* поражаетъ ея перси мечемъ своимъ: она пала, какъ снѣжная глыба, отторгшаяся отъ камней *Ронана*, когда лѣса безмолвствуютъ, и молчащіе отзывы углубляются въ долину.

*Фингалъ* воззрѣлъ на своихъ ратоборцевъ, и они пріяли уже свое оружіе. Ужасное возгарается сраженіе: *Локлинскія* чада погибаютъ, или спасаются бѣгствомъ. . . . *Фингалъ* подъемлетъ и несетъ на корабль свой бездыханное тѣло прекрасной *Агандеки*; ея гробъ возвышается на высотѣ *Арвена*, и окрестъ его шумятъ морскія волны.

Да почіетъ ея душа мирно и безмятежно, рекъ *Кущуллинъ*, да благоденствуетъ Бардъ, услаждающій насъ своимъ пѣніемъ. Ужасенъ являлся *Фингалъ* въ своихъ цвѣту-

щихъ лѣтахъ, ужасна его десница и въ старости. *Локлинъ* еще падетъ къ стопамъ Царя *Морвенскаго*. О луна! явися намъ, проникни покрывающій тебя облакъ, озари на волнахъ *Фингаловы* парусы во время ночи, и естьли есть какой сильный духъ (г) небесъ, сѣдящій на семъ облакѣ, уклоненномъ къ землѣ, вождь и повелитель бурь, удали, отвлеки отъ камней корабли его, плавающіе въ тѣняхъ мрака.

Тако вѣщалъ *Кушуллинъ*, при шумномъ источникѣ горы, когда *Кальмаръ*, храбрый сынъ *Маты*, востекъ на высоту холма. Онъ возвращался съ поля брани; изъязвленъ и покрытъ своею кровію, опирался онъ на свое дебелое копіе. Героя сего десница уже изнемогла; но душа его исполнена крѣпости и мужества.

Ты притекъ благовременно, сыне *Маты*, рекъ ему *Конналъ*, ты благовременно притекъ во среду твоихъ друзей; но почто сей тяжелый вздохъ исторгается изъ крѣпкой груди браноносца, которой не зналъ, что есть ужасъ? — И которой вѣчно его не познаетъ. *Конналъ*! моя душа воспламеняется при страшныхъ опасностяхъ, и трепещетъ

 отъ

(г) Сіе мѣсто одно только есть въ сей поэмѣ, которымъ доказывается, что *Шотландцы* или *Каледоняне* имѣли нѣкоторое понятіе о божествѣ; притомъ обращеніе или воззваніе *Кушуллиново* къ *сильному духу небесъ* не начинается сомнѣніемъ о *бытіи сего сильнаго духа.*

отъ радости при звукѣ грозныхъ браней. Я сынъ Героевъ; никогда предки мои не колебались страхомъ.

*Кальмаръ* былъ первымъ родоначальникомъ моего племени. Онъ игралъ и утѣшался посреди бурь. Его черная ладія скакала на волнахъ Океана, и летала на крилѣхъ стремительныхъ вихрей. Нѣкогда во время ночи духъ бури посѣялъ злобную между стихіями вражду. Моря съ шумомъ возъемлются, камни звучатъ, вѣтры гонятъ предъ собою грозящія облаки, молнія летаетъ на крилѣхъ огненныхъ. *Кальмаръ* вострепеталъ, и возвратился ко брегу; но вскорѣ стыдится онъ своего ужаса. Онъ паки устремляется во среду ярыхъ волнъ, и тщится обрѣсть духа вѣтровъ; и когда три юные мореплаватели управляютъ колеблемою его ладіею, онъ стоитъ съ мечемъ обнаженнымъ. Уклонившійся облакъ протекаетъ близъ сего Героя; онъ схватилъ его сѣрныя кудри, и погрузилъ свой мечь въ его мрачныя ребра; духъ бури оставляетъ воздушныя зыби; явилась паки луна, и возникли блистающія звѣзды.

Тако безстрашно, тако безтрепетно мое племя, и *Кальмаръ* подражаетъ своимъ предкамъ. Грозная опасность бѣжитъ отъ меча геройскаго, и щастіе любитъ вѣнчать отважную бодрость.

Но вы, чада зеленѣющихся *Эринскихъ* долинъ, удаляйтесь съ кровавыхъ полей шумныя

ныя *Лены*, соберите печальные остатки друзей нашихъ, и соедините ихъ съ *Фингаломъ*. Я слышалъ грозный шумъ простирающихся къ намъ *Локлинскихъ* ратниковъ; *Кальмаръ* одинъ останется, и будетъ противоборствовать. Гласъ мой будетъ громокъ, о друзья мои! какъ будто бы ограждаетъ и подкрѣпляетъ меня тысяща браноносцевъ. Но воспомяни о мнѣ, о *Семовъ* сыне! воспомяни о бездыханномъ тѣлѣ *Кальмара*. Когда *Фингалъ* развѣетъ, яко прахъ, *Локлинское* ополченіе, сокрой меня подъ нѣкіимъ достопамятнымъ камкемъ, могущимъ возвѣстить славу мою потомству. Содѣлай, да рождшая (д) храбраго *Кальмара* утѣшится, видя камень, вѣщающій о моей славѣ.

Нѣтъ мужественный сынъ *Маты*, отвѣчаетъ *Кушуллинъ*; нѣтъ, я вѣчно съ тобою не разлучуся; неравными сражаться силами есть мое утѣшеніе и радость; въ пагубной опасности душа моя новую крѣпость и новое получаетъ мужество. *Конналъ*, и ты, почтенный *Карриль*! удалите печальныхъ чадъ *Эринскихъ*, и когда брань утишится, теките обрѣсть тѣла наши лежащія въ семъ тѣсномъ мѣстѣ; мы повергнемся при корени сего дуба посреди многихъ сопостатовъ.



---

(д) *Аллклета*, мать *Кальмарова*. Ея печаль и стенаніе см. въ поэмѣ, называемой *Смерть Кушуллинова*.

. . . Быстротечный *Моранъ*! стремися по дебрямъ *Лены*, возвѣсти *Фингалу*: *Эринъ* палъ въ рабство, убѣди сего владыку, да ускоряетъ онъ своимъ шествіемъ.

Ростающее утро начинаетъ освѣщать высоту *Кромлы*; сыны моря востекаютъ на холмъ. *Калмаръ* ожидаетъ ихъ неподвижно; пламень бодрости возгарается въ раздраженной его душѣ; но лице браноносца покрывается блѣдностію. Изнемогая уклоняется онъ на копіе своего отца, на сіе грозное копіе, снятое имъ со твердыхъ стѣнъ чертоговъ *Ларскихъ*, при очахъ скорбящей своей матери. Но вскорѣ Герой сей лишается силъ, и упадаетъ яко древо на поляхъ *Коны*. Мрачный *Кушуллинъ* остается одинъ, но неподвиженъ, яко уединенный камень посреди песковъ; море устремляется съ своими волнами, и гремя свирѣпствуетъ на твердыхъ его ребрахъ; его глава покрывается пѣною валовъ, и окрестные холмы отзываются съ шумомъ. И се изъ глубины синихъ тумановъ являются на Океанѣ *Фингаловы* парусы; мачты его, яко дремучій лѣсъ, колеблются на волнахъ бѣгущихъ.

*Сваранъ* усматриваетъ ихъ съ высоты холма; онъ оставляетъ *Эринскіе* полки, и течетъ обратно по стопамъ своимъ. Таковы, какъ бурное море, влекущее вспять сонмы водъ своихъ чрезъ сто шумящихъ *Инисторскихъ* острововъ, таковы обратились про-

противъ *Фингала* сгущенные и стремитель-
ные полки *Локлина*.

*Кушуллинъ* прискорбенъ, орошенъ сле-
зами и уклонивъ главу свою, шествуетъ тихо;
влеча позади себя дебелое копіе, и стеная о
пораженныхъ своихъ сподвижникахъ, прости-
рается онъ во глубину лѣсовъ *Кромльскихъ*.
Онъ ужасается предстать предъ *Фингала*,
которой обыкъ поздравлять его торжествую-
щимъ, и всегда побѣдителемъ своихъ сопо-
статовъ.

Колико моихъ Героевъ, вѣщалъ онъ, ко-
лико сихъ вождей *Инисфальскихъ*, сіявшихъ
блескомъ веселія въ чертогѣ моихъ пиршествъ,
повержено въ кровавомъ семъ полѣ! Я уже
не узрю ихъ стопъ на песчаной дебри, я не
услышу гласа ихъ въ ловитвѣ сернъ. Блѣд-
ны и безгласны лежатъ на кровавыхъ поляхъ
сіи бодрые ратоборцы, мои други и спо-
движники. Души Героевъ, коихъ зрѣлъ я не
давно исполненныхъ жизни и крѣпости! по-
сѣщайте *Кушуллина* въ его уединеніи, при-
летите къ нему на вѣтрахъ, отъ которыхъ
стонетъ древо пещеры *Турской*. Прилетай-
те бесѣдовать со мною. Въ сей-то пещерѣ
удаленъ отъ смертныхъ хочу обитать я ни-
кому неизвѣстенъ. Ни единъ Бардъ не услы-
шитъ о мнѣ бесѣды, никакой знаменитый
знакъ не возвысится для сохраненія моей па-
мяти. Рыдай о мнѣ, *Брагела*, почитай
*Кушуллина* въ числѣ мертвыхъ; слава моя
уже изчезла.

Тако сѣтовалъ *Кушуллинъ*, простираясь во глубину лѣсовъ *Кромлы*.

*Фингалъ*, стоя на кораблѣ своемъ, возвысилъ блистательное копіе свое: сіяніе отъ его стали ужасно было, яко мрачные и тусклые огни смерти, являющіеся на воздухѣ, когда путникъ шествуетъ одинъ, и когда великій кругъ луны омраченъ зрится на небѣ.

Уже ратоборствовали, рекъ *Фингалъ*, и я зрю кипящую кровь моихъ друзей. Уныніе царствуетъ на поляхъ *Лены*, лѣса *Кромлы* сѣтуютъ; они зрѣли, какъ пали цвѣтущіе младостію звѣроловцы; и нѣтъ уже сына *Семова*. — *Рино*, *Филланъ*, чада мои! вострубите въ рогъ, зовущій ко брани; востеките на сей холмъ возвышенный при гробѣ *Ландарга*, и воззовите къ сопостатамъ. Да возгремятъ ваши гласы, яко гласъ отца вашего, когда воспламеняетъ онъ сраженіе, и воскриляетъ все свое мужество. На семъ брегѣ ожидаю я мрачнаго и сильнаго *Сварана*. Да шествуетъ онъ ко мнѣ со всѣмъ своимъ племенемъ; сіи гнѣвныхъ смертей друзья ужасны въ поляхъ свирѣпой брани.

Прекрасный *Рино* полетѣлъ яко молнія; черный *Филланъ* яко осеннія облаки. Уже ихъ гласъ внемлется на дебряхъ *Лены*; сыны Океана познали звуки трубы *Фингаловой*. Шумящій Океанъ не съ большею яростію и быстротою устремляется со бреговъ многоснѣжнаго

нашего

наго владычества, какъ *Локлинскія* чада устремились съ покату холма. Предъ ними шествуетъ ихъ владыка грозенъ и ужасенъ въ своемъ всеоружіи. Ярость воспламеняетъ его черное лице, и очи его сверкаютъ огнями бодраго мужества.

*Фингалъ* усматриваетъ *Старнова* сына, и воспоминаетъ любезную *Агандеху*. *Сваранъ* еще во младости оплакалъ смерть прелестной своей сестры. *Фингалъ* посылаетъ къ нему *Уллина*, да пригласитъ его къ пиршеству; душа вождя *Морвенскаго* ощутила нѣжныя чувствія, воспомянувъ первую свою любовь.

*Уллинъ* шествуетъ къ сыну *Старнову* и вѣщаетъ: о ты, обитающій далече отъ нашихъ предѣловъ, окруженъ морей твоихъ волнами! гряди на пиршество къ Царю нашему, и пребуди день сей въ тишинѣ и покоѣ; заутра, о *Сваранъ*! мы сразимся, и будемъ сокрушать бранноносные щиты.

Нынѣ, отвѣтствуетъ сынъ *Старновъ*, исполненъ ярости и гнѣва, нынѣ сокрушимъ мы щиты. Заутра мое торжественное устроится празднество, и *Фингалъ* будетъ простертъ на прахѣ. *Уллинъ* возвращается къ своему владыкѣ. — Да будетъ такъ, рекъ *Фингалъ* (е), усмѣхаясь грозно; пусть *Сва-*



(е) *Оссіанъ* не останавливается здѣсь, чтобъ изъяснить, какъ *Уллинъ* принесъ *Фингалу* отвѣтъ *Сварановъ*.

*Сваранъ* устрояетъ заутра свое торжество; мы нынѣ, такъ, мы въ сей день будемъ ратовать и сокрушать щиты. *Оссіанъ*! пребуди со мною; *Галлъ*! возвысь твой ужасный мечь; *Фергъ*! напрягай твой крѣпкій лукъ, и ты, *Филланъ*! устремляй на воздухъ твое грозное копіе. Возвысьте великіе щиты ваши; да копія наши явятся, яко смертные призраки. Шествуйте за мною по стезямъ славы, и равняйтесь мнѣ въ геройскихъ подвигахъ на полѣ брани.

Тысяща вѣтровъ, расторгшихъ свои заклепы и устремленныхъ на *Морвенъ*, или тученосныя облаки, носимыя подъ сводомъ небесъ, или безчисленныя мрачнаго Океана волны, стремящіяся на брега пустыней, и несущія съ гремящимъ звукомъ ужасъ и опустошеніе: все сіе изображаетъ грозную брань двухъ соединенныхъ воинствъ на шумящихъ поляхъ *Лены*. Ратоборцевъ вопли разносятся на холмахъ, яко звуки громовыхъ въ нощи ударовъ, когда бурное облако тяготѣя расторгается надъ *Коною*, и когда въ шумныхъ вихряхъ внемлются крики и вопли тысящи призраковъ.

*Фингалъ* устремляется, грозенъ яко духъ *Тренмора*, когда излетаетъ онъ изъ бурнаго вихря на *Морвенскія* горы, чтобъ посѣтить знаменитыхъ своихъ потомковъ. Отъ его шествія колеблемые дубы стонутъ, и камни упадаютъ, отторгаясь отъ своихъ основаній.

Въ

вѣ крови сопостатовѣ погружалась десница моего родителя, когда онѣ вѣ пламенномѣ кругѣ вращалѣ копіе свое. Онѣ воспоминаетѣ о бранѣхѣ своей младости, и бурнымѣ своимѣ стремленіемѣ опустошаетѣ онѣ поле сраженія. *Рино* простирается яко столпѣ огненный. Чело *Галлово* грозно и ужасно. *Фергѣ* и *Филланѣ* низвергаютѣ полки враждебные. Я самѣ, я торжествуя шествовалѣ по слѣдамѣ владыки. Мышца моя тысящу кратѣ поражала смертію, и каждый молніевидный блескѣ меча моего былѣ ужаснымѣ оныя знакомѣ. Мои власы сице не блистали тогда сѣдиною, и руки мои не содрогались отѣ старости; густая мгла не скрывала отѣ взора моего лучей солнечныхѣ; колѣна и бедра мои не измѣняли мнѣ вѣ быстромѣ теченіи.

Кто можетѣ изчислить смерти, или подвиги бранноносцевѣ вѣ сей знаменитый день, когда *Фингалѣ* воспламененный яростію металѣ смертоносные перуны вѣ полки *Локлинскіе*? Стенанія, усугубляемыя стенаніями, отзываясь прелетали сѣ холма на холмѣ, доколѣ мрачная ночь покрыла своими крилами поднебесную. Блѣдны и скрежещущи отѣ ужаса, яко стада робкихѣ сернѣ, *Локлинскія* чада соединяются на высотѣ холма. Мы возсѣли на брегахѣ спокойныхѣ водѣ *Люборскихѣ*, чтобѣ внимать сладостнымѣ тонамѣ арфы. *Фингалѣ*, устроясь вѣ возмож-

ной

ной близости къ сопостату, утѣшался пѣснями Бардовъ, прославляющихъ его знаменитое племя. Сѣдящъ, опершись на свое копіе, склонялъ онъ внимательный слухъ къ пѣнію. Власы его развѣвались дуновеніемъ вѣтра, и мысли его странствовали во временахъ протекшихъ. Близъ его сидѣлъ юный мой сынъ, мой возлюбленный *Оскаръ*; уклоненъ на копіе свое, съ благоговѣйнымъ удивленіемъ взиралъ онъ на владыку *Морвенскаго*, и душа его воскрилилась новымъ величествомъ, внимая пѣснямъ, гремящимъ славу дѣяній *Фингаловыхъ*.

Сынъ моего сына! рекъ *Фингалъ*: *Оскаръ*, честь и хвала младости! я зрѣлъ, какъ блистая поражалъ твой мечь, и я со услажденіемъ гордился моими чадами: шествуй по слѣдамъ славы предковъ нашихъ, и буди великъ яко *Тренморъ*, первый Герой изъ смертныхъ, и *Трафалъ*, отецъ Героевъ; они прославили свою младость во бранѣхъ, и воспѣты устами Бардовъ. *Оскаръ*! усмиряй противящагося ратоборца, но щади великодушно побѣжденнаго; стремись яко бурный источникъ на враговъ твоего народа; но къ смиреннымъ и взыскующимъ твоей щедроты и покровительства буди кротокъ и благопривѣтливъ, какъ нѣжный зефиръ, лобзающій кудрявую влачность: таковъ былъ *Тренморъ*, таковъ *Триѳалъ*, и таковъ былъ *Фингалъ*; мышца моя всегда была покро-

вомъ

вомЪ и защитою нещастному и угнѣтенному; безсильный покоился вЪ тишинѣ позади блистающихЪ отЪ меча моего перуновЪ.

*Оскарь*! твоей подобною процвѣталЪ я младостію, когда предстала взору моему дщерь Государя *Краксхаго*, прелестная *Фина-соллиса*, сей прекрасный лучь солнца, сей пріятный и кроткій свѣтЪ любви. Я возвращался отЪ пустыней *Коны* сопровождаемЪ немногими изЪ моихЪ ратоборцевЪ. Парусы небольшой ладіи являются моимЪ очамЪ вЪ отдаленности моря; ладія казалася подобна облаку, возвышающемуся на вѣтрахЪ Океана. Вскорѣ она кЪ намЪ приближилась, и мы узрѣли красавицу. Ея бѣлая грудь воздымалась отЪ глубокихЪ вздоховЪ. Вѣтры вЪ расплетенныхЪ ея власахЪ играли сЪ пріятностію, и розовыя ланиты ея орошались сребровидными слезами. — Дщерь красоты! вѣщалЪ я ей сЪ кротостію, что виною твоихЪ воздыханій? Могу ли я, толико младЪ еще, могу ли я защитить тебя, дщерь моря? Мечь мой найдетЪ мнѣ равнаго во брани, но мое сердце непобѣдимо.

Вождь мужественныхЪ! я теку вЪ твои обЪятія, рекла она воздыхая: твоей помощи я взыскую, великодушный покровитель безсильныхЪ. *Краксхій* владыка любилЪ меня какЪ самую блистательную отрасль своего пле-

племени, и многократно *Кромальскіе* холмы отзывались воздыханіями любви, возсылаемыми къ нещастной *Фенасоллисѣ*.

*Борбаръ*, владыка *Соры*, узрѣлъ мою красоту и плѣнился мною; его мечь блистаетъ яко небесная молнія, но брови его черны и мрачны, сердце его волнуется бурями. Отъ сего врага убѣгаю я чрезъ волны Океана; и сей-то врагъ стремится за мною.

Восхищающая красота! рекъ я ей, гряди подъ защитительную тѣнь щита моего, и буди спокойна. Онъ побѣгнетъ, побѣгнетъ вспять сей мрачный вождь *Соры*, естьли десница *Фингалова* не измѣняетъ въ мужествѣ его сердцу. Дщерь моря! я могу удобно сокрыть тебя въ уединенной и глубокой пещерѣ; но вѣчно *Фингалъ* не убѣгалъ отъ грозящихъ опасностей. Нигдѣ столько, какъ посреди бури сраженія и среди тысящи копій, душа его не воскриляется радостію. Я восхитился нѣжнымъ сожалѣніемъ о нещастномъ ея жребіи.

Вскорѣ, яко грозный валъ, является въ отдаленности моря корабль *Борбаровъ*. Парусы играютъ вокругъ мачтъ его возвышенныхъ надъ волнами; воды бѣлѣютъ и катятся подъ крѣпкія ребра текущаго корабля, и шумное море гремитъ въ окружности. — Остави, рекъ я ему, остави Океанъ, о при-

пришлецЪ, несомый на волнахЪ бурныхЪ! Гряди вЪ чертоги мои участвовать вЪ моемЪ пиршествѣ. Мое жилище есть убѣжище чуждымЪ. — Трепеща отЪ страха стояла подлѣ меня красавица. ОнЪ пустилЪ стрѣлу, и *Фгнасоллиса* пала. — *БорбарЪ*! твоя рука вѣрна, но сія прелестная дѣва была слабый для тебя противникЪ. — Мы сразились, и противоборство было кроваво и смертоносно: *БорбарЪ* поверженЪ моими ударами. ВЪ двухЪ каменныхЪ гробахЪ сокрыли мы сію нещастную красоту, и безчеловѣчнаго ея любовника.

Такова была юность моя; но ты, *ОскарЪ*, подражай *Фингаловой* старости; никогда не ищи брани и сраженія; но ежели оно предстоитЪ, не убѣгай его никогда. *ФилланЪ*, *ОскарЪ*! упреждайте скоростію вѣтры, стремитесь на поле и соглядайте движенія чадЪ *ЛохлинскихЪ*. Я слышу, какЪ они мятутся поражаемы ужасомЪ. Теките, да ни единЪ изЪ нихЪ не скроется отЪ моего меча, стремясь на волны сѣвера. Коль многіе ратоборцы *Эринскаго* племени повержены ими почили здѣсь на одрахЪ смерти!

Два Героя стремятся яко два мрачные призрака, летящіе на воздушныхЪ своихЪ колесницахЪ поражать ужасомЪ на земли живущихЪ.

И се *Галлъ* (ж), мужественный сынъ *Морнія*, простирается и предстаетъ въ геройскомъ видѣ: его копіе блистаетъ при лучахъ звѣздъ. О *Фингалъ*! возопилъ сей Герой, повели Бардамъ твоимъ, да своими пѣснями низведутъ они сладостный сонъ на вѣжди твоихъ утомленныхъ ратниковъ. И ты *Фингалъ*, устреми твой шумящій и смертоносный мечь во свое влагалище, и дозволь сражаться твоему народу. Мы праздны слабѣемъ здѣсь безъ славы, и нашъ владыка одинъ противоборствуетъ и торжествуетъ побѣдоносенъ. Когда утро озаритъ наши холмы, взирай издалече на подвиги наши. Да *Локлинскіе* воители возчувствуютъ остріе меча сына *Морніева*, чтобъ священные Барды могли достойно прославлять мое имя. Тако поступали знаменитые предки *Фингаловы*, тако поступалъ и ты, о *Фингалъ*!

Сынъ *Морнія*! рекъ *Фингалъ*, слава твоя для меня вожделѣнна; ратоборствуй, но копіе мое будетъ отъ тебя недалече, чтобъ летѣть въ помощь тебѣ среди грозныхъ опасностей. Возвысьте, возвысьте ваши гласы, о чада музыкійскихъ пѣсней! и низведите

---

(ж) *Галлъ*, сынъ *Морнія*, былъ вождь сильнаго племени и чрезъ долгое время спорилъ съ *Фингаломъ* о первенствѣ; наконецъ *Фингалъ* побѣдилъ, и *Галлъ* сдѣлался лучшимъ его другомъ, и однимъ изъ самыхъ мужественныхъ ратоборцевъ.

те на мои очи спокойный и мирный сонЪ. *Фингал*Ъ опочіетЪ здѣсь при шумѣ ночныхЪ вѣтровЪ. И ты прекрасная *Агандека*, естьли ты обрѣтаешься вЪ сихЪ мѣстахЪ между сынами твоего отечества, или сидишь на облакѣ превыше парусовЪ и мачтЪ *Локлинских*Ъ, прииди посѣтить меня вЪ ночныхЪ моихЪ сновидѣніяхЪ. Прелестная, которую толь пламенно любилЪ я! прииди и услади мою душу пріятнымЪ и кроткимЪ воззрѣніемЪ красоты твоей.

Тысящи арфЪ, и тысящи гласовЪ соединили свои стройные звуки. Барды воспѣли знаменитые *Фингаловы* подвиги, и равно его священнаго племени. ВЪ ихЪ пѣсняхЪ возглашалось также имя *Оссіана*, *Оссіана* погруженнаго нынѣ вЪ печальное уныніе. Я сражался, я торжествовалЪ многократно во бранѣхЪ *Эринских*Ъ: нынѣ, лишенЪ зрѣнія, орошенЪ слезами, и одинЪ оставшись отЪ всѣхЪ юности моей сподвижниковЪ, скитаюсь я между сонмами простыхЪ смертныхЪ. О *Фингал*Ъ! я уже не зрю тебя окруженна ратоборцами твоего племени: дикіе звѣри притекаютЪ пастися на гробѣ сильнаго владыки *Морвенскаго*. ВѣчныймирЪ тѣни твоей, о Царь смертоносныхЪ мечей, Герой знаменитѣйшій паче всѣхЪ ГероевЪ на холмахЪ Коны.

## ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

### Содержаніе.

Дѣйствіе поэмы прерывается наступленіемъ ночи. *Оссіанъ*, тѣмъ пользуясь, повѣствуетъ о своихъ собственныхъ подвигахъ, бывшихъ при озерѣ *Легѣ*, и также о любви своей къ *Эвираллинѣ*, матери *Оскаровой*, которая умерла не задолго предъ отбытіемъ *Фингаловымъ* въ *Ирландію*; ея тѣнь является *Оссіану*, и увѣдомляетъ его, что *Оскаръ*, посланный при началѣ ночи соглядать непріятеля, вступилъ въ сраженіе съ частію передняго воинства, и скоро погибнетъ. *Оссіанъ* летитъ на помощь къ своему сыну, и сей мятежъ возвѣщаетъ *Фингалу* о приближеніи *Сварана*. *Фингалъ* востаетъ, собираетъ воинство, и по своему обѣщанію вручаетъ его предводительству *Галла*. По увѣщаніи сыновъ своихъ, чтобъ мужественно сражались они за своихъ подданныхъ, удаляется онъ на гору, съ высоты которыя могъ онъ все видѣть. Сраженіе начинается; *Оссіанъ* прославляетъ знаменитые подвиги сына своего *Оскара*. Но между тѣмъ, какъ *Оскаръ* съ своимъ отцемъ обращали въ бѣгство одно крыло непріятелей, *Галлъ*, противоборствующій гордому *Сварану* готовъ уже былъ отступить. *Фингалъ* посылаетъ *Уллина*, чтобъ пѣснями своими ободрилъ онъ *Галла*. Не смотря на то, *Сваранъ* остается побѣдителемъ и принуждаетъ *Галла*

ла и его полки отступить. *Фингалъ* нисходитъ съ горы, и соединяетъ разсѣянное воинство; *Сваранъ* престаетъ за ними гнаться, занимаетъ высокое мѣсто, приводитъ въ надлежащій порядокъ полки свои, и ожидаетъ приближенія *Фингалова*. *Фингалъ* ободряетъ воинство, даетъ нужныя повелѣнія и начинаетъ вновь сраженіе. *Кушуллинъ*, удалившійся съ *Конналомъ* и съ Бардомъ своимъ *Карриленъ* въ пещеру *Туры*, услышавъ вопли сраженія, исходитъ изъ пещеры на высоту горы, съ которой все поле было видно, и видитъ *Фингала* уже въ сраженіи. Онъ хочетъ соединиться съ *Фингаломъ*, которой уже готовъ былъ одержать совершенную побѣду; *Конналъ* удержалъ его отъ такого намѣренія. *Кушуллинъ* посылаетъ *Карриля* поздравить *Фингала* съ благополучнымъ его успѣхомъ.

---

Кто сія (а) нисходящая съ горы, изливая сладостное пѣніе, и блистательна какъ дожденосная радуга, вѣнчающая холмы *Лены*? Это красота, которыя гласъ вливаетъ въ сердца любовь; это любезная дщерь *Тоскара*; не-



---

(а) Стихотворецъ предполагаетъ, что *Мальвина* нисходитъ съ горы, чтобъ внимать похваламъ *Оскара*, *Оссіанова* сына и своего супруга. Кажется, что послѣ смерти *Оскара* осталась она навсегда при *Оссіанѣ*. Онъ посвящаетъ ей сію пѣснь, и многія другія свои поэмы.

неоднократно склоняла ты слухЪ свой кЪ моимЪ пѣснямЪ, неоднократно зрѣлЪ я текущія слезы изЪ прекрасныхЪ очей твоихЪ. Гряди быть свидѣтельницею нашихЪ подвиговЪ, или внимать похваламЪ дѣяній *Оскаровыхъ*. Когда престану я рыдать на брегѣ источниковЪ *Коны*? Мои цвѣтущія лѣта протекли во бранѣхЪ, и скорбная печаль обременяетЪ мою старость.

Прекрасная *Мальвина*! я не былЪ еще, какЪ нынѣ, лишенЪ зрѣнія, я не былЪ тако печаленЪ и уединенЪ, когда любила меня прекрасная *Эвираллина*, сія черновласая и бѣлогрудая красота (6). Тысяща ГероевЪ воздыхая возсылали кЪ ней свои желанія: она любви своей не удостоила тысящу ГероевЪ; сонмы храбрыхЪ воителей презрѣнны ею удалились. ОдинЪ *ОссіанЪ* пріятенЪ былЪ ея взору.

Я шествовалЪ кЪ черным водамЪ *Лега*, чтобЪ соединить сЪ нею сердце мое узами брака; дванадесять ратниковЪ моего отечества, мужественные сыны полей *МорвенскихЪ*, провождали меня вЪ пути моемЪ. Мы вступили кЪ чертоги *Бранна*, друга и благодѣтеля странныхЪ.

ОтЪ

(6) *ФингалЪ* уснулЪ, и дѣйствіе поэмы пресѣклось наступленіемЪ ночи. СтихотворецЪ вводитЪ здѣсь повѣсть о любви своей кЪ *Эвираллинѣ*. Сія повѣсть нужна для уразумѣнія многихЪ мѣстЪ, которыя слѣдуютЪ послѣ.

Отъ какихъ предѣловъ, рекъ онъ, притекли сіи иноплеменные бранноносцы? Трудно и неудобно владѣть красотою, презрѣвшею плоль многихъ ратоборцевъ *Эринскихъ*. Но ты, сыне *Фингаловъ*, будь щастливъ: благополучна красота, для тебя соблюденная. Знаменитый питомецъ славы! для чего не имѣю я двунадесяти прелестныхъ дѣвъ, нарицающихъ меня родителемъ? Я представилъ бы ихъ твоему взору, дабы сердце твое избрало возлюбленную. Вѣщая тако, отверзаетъ онъ чертогъ, гдѣ обитала прекрасная *Эвираллина*: мы зримъ ее, и сердца наши трепещутъ подъ твердою сталію; мы изъ глубины души изливаемъ желанія о благоденствіи дщери *Бранновой*.

Но превыше главъ нашихъ, на высотѣ холма, явилось воинство гордаго *Кормака*. Седмь ратниковъ сопутствовали сему Герою, и поле сіяло блескомъ, отражаемымъ отъ ихъ оружія. Тамо зрѣлися *Колла* и *Дуна* покрыты язвами; сильный *Тоскаръ*, мужественный *Тагъ* и побѣдоносный *Фрестатъ*. Слѣдовали *Даиръ*, щастливый сынъ браней, и *Дало* необоримый оплотъ и защита вспять обращенныхъ ратниковъ. Шумный мечь блисталъ въ десницѣ *Кормака*, и очи его исполнены пріятной кротости. *Оссіанъ* изводитъ съ собою седмь ратоборцевъ: стремительнаго *Уллина*, великодушнаго *Мюлла*, знаменитаго и прекраснаго *Сцелаха*. *Оглана*,

 пла-

пламеннаго *Сердала* и свирѣпаго *Дюмарикана*; и тебя, *Огаръ*. *Огаръ* толико прославленный на холмахъ *Арвена*! для чего я нарекъ тебя послѣднимъ?

*Огаръ* устремился на *Дала*; они сражаются на равнинѣ. *Огаръ* помышляетъ о своемъ кинжалѣ; это любимое его оружіе: девять кратъ углубилъ онъ его въ ребра *Далы*; жребій сраженія премѣняется; три краты пронзилъ я копіемъ моимъ щитъ *Кормака*; трикраты его копіе сокрушилось о твердость моего щита. О юный и нещастный любовникъ! я отъялъ отъ выи главу его мечемъ моимъ; пять кратъ я сотрясъ ее за власы; сподвижники его обратились въ бѣгство. Любезная *Мальвина*! всякъ, кто бы дерзнулъ тогда сказать мнѣ, что нѣкогда, лишенъ зрѣнія, безсиленъ, и отягощенъ печалію, буду скитаться я нощію въ пустыни, всякъ бы долженъ былъ облещися въ твердую броню, и десницу имѣть непобѣдимую.

Но (в) уже на омраченныхъ поляхъ *Лены* не слышатся звуки арфъ, и сладостные гласы Бардовъ. Непостоянные вѣтры дышали нагло, и высокій дубъ сотрясалъ надъ моею главою трепещущее свое листвіе; мысли мои испол-

---

(в) Стихотворецъ возвращается къ своему пути. Мы видѣли, что *Фингалъ*, пославъ своего сына *Филлана*, и внука своего *Оскара* для наблюденія непріятельскихъ движеній, повелѣлъ своимъ Бардамъ пѣть знаменитые Героевъ подвиги.

исполнены были *Эвираллиною*, какъ вдругъ во всемъ блистанiи красоты своей, и орошая слезами лазурь прелестныхъ очей своихъ, она явясь мнѣ на легкомъ своемъ облакѣ, вѣщаетъ слабымъ гласомъ:

Востани *Оссiанъ*, и спаси отъ гибели сына моего; спаси любезнаго моего *Оскара*. Близъ дуба, возрастшаго на брегѣ *Любара*, противоборствуетъ онъ *Локлинскимъ* чадамъ... Рекла и погрузилась во свой облакъ; я облекся во все оружiе: мое копiе подкрѣпляетъ и устремляетъ купно стопы мои; звуча гремитъ на мнѣ оружiе. Сообразуясь моему при грозныхъ опасностяхъ обыкновенiю, повторялъ я невозвышеннымъ гласомъ древнiя пѣсни Героевъ. *Локлинскiе* воители услышали отдаленный шумъ моего шествiя: они обращаются въ бѣгство, и мой сынъ устремляется во слѣдъ ихъ. Возвратися, возопилъ я къ нему, возвратися любезный мой сынъ, престань гнать во слѣдъ сопостата, хотя и *Оссiанъ* летитъ къ тебѣ въ помощь. . . . Онъ, повинуясь моему гласу, возвращается: что можетъ быть тако прiятно и сладостно слуху моему, какъ звукъ *Оскарова* оружiя? для чего, рекъ онъ мнѣ, удержалъ ты мою десницу, доколѣ мрачная смерть не покрыла всѣхъ сихъ сопостатовъ своими хладными крылами? Вѣдаешь ли, что грозны и свирѣпы устремились они противъ твоего сына и *Филлана*, и что неусыпно бодрствовали, вни-

мая ночнымЪ страхамЪ? Остріемъ мечей нашихЪ пожерты изЪ нихЪ многіе: но яко волны моря, гонимыя усиліемЪ вѣтровЪ на пески *Моры*, простираются *Локлинскіе* воители на злачныя поля *Лены*; ночные призраки вопятЪ, вѣщая пагубная; я зрѣлЪ блистающіе воздушные огни, предшественники алчной смерти. Оставь, да возбужду отЪ сна владыку *Морвенскаго*, встрѣчающаго радостною усмѣшкою грозныя опасности: онЪ подобенЪ солнцу, сему лучезарному сыну небесЪ, когда оно востаетЪ и гонитЪ со тверди сгущенныя тучи.

*ФингалЪ* вдругЪ воспрянулЪ, возбужденЪ сновидѣніемЪ, и оперся на щитЪ *Тренмора*, сей знаменитый щитЪ, которой предки его тысящу кратЪ возвышали нѣкогда во бранѣхЪ своего племени. Герою представилась во снѣ унылая тѣнь *Агандеки*. Она изшла отЪ волнЪ Океана, и простерлась тихими стопами на поле *Лены*: ея лице блѣдно, и ланиты ея орошены слезами; многократно изЪ подЪ облачной своей одежды безмолвна, и обращая вспять очи, простирала она хладную свою руку на *Фингала*. — Для чего дщерь *Старнова* проливаетЪ слезные токи? рекЪ ей *ФингалЪ*: для чего блѣдность покрываетЪ прекрасное лице твое? . . . Она изчезла на крылахЪ вѣтра, и оставила Героя посреди мрака. Она оплакивала смерть бранноносцевЪ сво-

своего отечества, которые должны погибнуть отЪ пораженій *ФингаловыхЪ*.

Герой всталЪ, и зритЪ еще *Агандеку* вЪ своихЪ мысляхЪ. ОнЪ слышитЪ шумЪ *Оскарова* шествія; онЪ усмотрѣлЪ блистаніе щита его; уже возникшій лучь утра озарилЪ волны *Уллина*.

Что творитЪ сопостатЪ? вѣщаетЪ востая *Морвенскій* владыка. Влекомый ужасомЪ бѣжитЪ ли онЪ на шумныя волны Океана? Или ждетЪ еще новаго сраженія? Но для чего я о семЪ вопрошаю? Гласы, приносимые во слухЪ мой вѣтромЪ востекшаго утра, суть гласы противныхЪ. *ОскарЪ*! лети вЪ поле, и возбуди на брань сподвижниковЪ нашихЪ.

*ФингалЪ* устроился близЪ холма *Любара*, и трикраты возопилЪ ужаснымЪ гласомЪ. Елень трепещетЪ при источникахЪ *Кромлы*, и камни на холмахЪ сотрясаются. Яко темныя бури, соединяемыя облаками и омрачающія лазоревый сводЪ небесЪ, стекаются на гласЪ *ФингаловЪ* сыны пустыни; всегда его ратоборцы восхищались радостію при звукахЪ его гласа; часто изводилЪ онЪ ихЪ на брань, и возвращалЪ сЪ поля сраженія отягченныхЪ корыстьми сопостата.

Теките, безтрепетные ратники, стремитесь поражать смертію: *ФингалЪ* будетЪ взирать на ваши подвиги; мечь мой блистать будетЪ на семЪ холмѣ; онЪ явится

защитою моего народа; но коль желательно, чтобЪ никогда не имЪли вы прибЪжища кЪ его помощи, когда сынЪ *Морнія* ратоборствуетЪ вмЪсто *Фингала*!.. ОнЪ будетЪ нынЪ вождемЪ и предтечею вамЪ ко брани: да слава его будетЪ знаменита вЪ пЪсняхЪ нашихЪ. ТЪни преждебывшихЪ ГероевЪ! жители облаковЪ легкихЪ! срЪтайте, примите дружелюбно моихЪ пораженныхЪ ратоборцевЪ, и упокойте ихЪ вЪ убЪжищЪ холмовЪ вашихЪ! да возмогутЪ нЪкогда, носимы на крилЪхЪ вЪтра, пролетЪть они пространство моихЪ морей, посЪтить меня вЪ сновидЪніяхЪ, и возвеселить душу мою вЪ безмолвіи ночи.

*ФилланЪ*, *ОскарЪ*, и ты прекрасный *Рино*, держащій вЪ десницЪ смертоносное копіе! шествуйте на брань безтрепетно, летите во слЪдЪ *Морніева* сына, взирайте на подвиги мышцы его, и ваши мечи да подражаютЪ ревностно мечу его. Защищайте друзей отца вашего, и бранноносцы временЪ протекшихЪ да присутствуютЪ вЪ вашихЪ мысляхЪ и памяти. Любезныя мои чада! естьли пораженны падете вы на поляхЪ *Эрина*, я еще узрю васЪ: скоро, скоро хладныя и блЪдныя наши тЪни встрЪтятся на облакахЪ и прелетятЪ вкупЪ возвышенные холмы *Коны*.

Сколь грозенЪ сгущенный и тученосный облакЪ, имущій воспламененныя свои ребра вооруженны молніями, убЪгаетЪ отЪ лучей востающаго утра и простирается кЪ западу: тако

тако ужасенЪ удаляется отЪ насЪ *Морвенскій* владыка: вЪ десницѢ его блистаютЪ два копія, и отЪ его всеоружія пагубоносное отражается сіяніе. БѢлые власы его развѢваются по волѢ вѢтровЪ; часто обращается онЪ вспять и мещетЪ взоры на поле брани. Три Барда ему сопутствуютЪ, готовы приносить его велѢнія во ушеса его бранноносцевЪ. ОнЪ возсѢлЪ на высотѢ *Кромлы*; движенія блистающаго копія его управляли нашимЪ шествіемЪ. Радость разливается на лицѢ *Оскара*: его ланиты покрылись румянцемЪ, и очи его источаютЪ слевы веселія и утѢхи; мечь вЪ его десницѢ блистаетЪ яко свѢтоносный лучь. ОнЪ простирается, и сЪ пріятною усмѢшкою вѢщаетЪ *Оссіану*: ПобѢдоносный вождь ополченій, любезный мой родитель! внемли гласу твоего сына: удалися и ты равно, гряди кЪ *Морвенскому* владыкѢ, и уступи мнѢ славу твою. Естьли погибну здѢсь, не забудь сію уединенную красоту, наполняющую любовію мое сердце; не забудь прелестную дщерь *Тоскара*. Я вижу ее уклоненну на брегЪ источника, я вижу ланиты ея, горящія огнемЪ, и власы ея развѢвающіеся на бѢлыхЪ персяхЪ; я зрю, какЪ сЪ высоты горныя низводитЪ она взоры свои вЪ долЪ и воздыхаетЪ о миломЪ своемЪ *Оскарѣ*. Скажи ей, что я обрѢтаюсь уже на моихЪ холмахЪ, какЪ новый и легкій житель вѢтровЪ, и что стремлюсь на обла-

кахЪ

кахъ моихъ во срѣтеніе любезной дщери *Тоскаровой.* — Воздвигни *Оскаръ*, воздвигни лучше мнѣ гробъ: я не хочу уступить тебѣ сраженія; моя десница должна болѣе пролить крови, и научить тебя сражаться и побѣждать. Но ты, любезный сынъ, не забудь сей мечь, сей лукъ, и сіи рога быстротечнаго еленя положить со мною во мрачномъ и тѣсномъ моемъ жилищѣ, на которомъ ты достопамятный возвысишь камень. *Оскаръ!* я уже не имѣю возлюбленной, которую бы вручилъ попеченіямъ моего сына; я лишился *Эвираллины*; нѣтъ уже на свѣтѣ прекрасной дщери *Бранна.*

Тако мы бесѣдовали, и се гласъ *Галла*, пренесенный къ намъ на крилѣхъ вѣтра, ударяетъ во ушеса наши: сей вождь уже вращаетъ въ воздухѣ копіе отца своего, и пагубоносенъ устремляется во среду смертей и кровопролитія.

Оба воинства сомкнулись и яростно сражаются, ратникъ противъ ратника, желѣзо противу желѣза. Щиты и мечи ударяются взаимно и гремятъ. Народы повергаясь упадаютъ. *Галлъ* устремляется, яко бурные вихри *Арвена*; его мечу сопутствуетъ опустошеніе. *Сваранъ* пожираетъ все, яко пожаръ воспламененный въ дебрехъ *Гормала.* Но можно ли мнѣ изчислить въ пѣсняхъ моихъ имена пораженныхъ Героевъ, и толь различные роды смертей? Мечь *Оссіановъ*

бли-

блисталъ побѣдоносно въ кровавомъ семъ сраженіи: и ты, о любезной мой *Оскаръ*, превосходнѣйшій паче всѣхъ чадъ моихъ! коль ужасенъ ты являлся въ брани! Моя душа восхищалась втайнѣ радостію, когда зрѣлъ я мечь его блистающъ надъ поверженными сопостатами. Они ужасаясь мятутся и бѣгутъ. Мы постигаемъ ихъ, мы ударяемъ смертоносно. Какъ поверженный съ горныя высоты камень скачетъ съ утесу на утесъ; какъ сѣкира ударяетъ и звуча прелетаетъ отъ дуба къ дубу; какъ бурный громъ съ холма на холмъ стремитъ свои ужасные перуны: тако изъ десницы *Оскаровой* и моей устремлялись и другъ за другомъ слѣдовали удары и пагубныя смерти.

Но *Сваранъ* обременяетъ отвсюду *Галла*, и сынъ *Морнія* подобенъ камени, стоящему во кругѣ раздраженныхъ валовъ. *Фингалъ* зря сіе подъемлется до половины, и потрясаетъ копіемъ своимъ. Теки, *Уллинъ*, мой древній Бардъ, стремися къ *Галлу*, представь памяти его бранноносные подзиги его предковъ; укрѣпи твоими пѣснями колеблющееся его мужество и бодрость. Пѣсни одушевляютъ ратоборцевъ. Почтенный *Уллинъ* шествуетъ, онъ подуждаетъ стопы свои отягченныя старостію; приходитъ, и ліетъ въ сердце *Галла* пѣсни, воспламеняющія храбрость.

Сыне странъ, гдѣ раждаются знаменитые и быстротечные кони: Юный Царь смертоносныхъ копій! ты, котораго мышца крѣпка въ грозныхъ опасностяхъ, и необоримая бодрость никогда не колеблется! вождь бурныхъ браней, направляющій удары смерти! рази, низвергай сопостата: да вѣчно ни единъ его корабль не явится при брегѣ *Инистора.* Да будетъ твоя десница, яко громовая стрѣла; твои очи, какъ молніи; твое сердце, яко твердый камень. Возвысь твой щитъ, погрузи, исторгни, и паки погрузи твой шумный мечь; ударяй, разрушай.

Онъ воспѣлъ, и ободренное сердце *Галла* пламенѣетъ новымъ жаромъ; но *Сваранъ* простирается, предходя своему воинству: онъ разсѣкаетъ на полы щитъ *Галловъ,* и чада *Эринскія* обратились въ бѣгство.

*Фингалъ*усталъ, и трикраты возопилъ грознымъ гласомъ. *Кромла* отвѣчала его звукамъ, и бѣгущіе ратоборцы его воспятили стопы свои. Они уклонили къ земли смущенныя свои лица, и устыдились присутствія *Фингалова.* Онъ простирается яко дожденосный облакъ во время палящаго зноемъ лѣта, когда онъ несясь расширяется надъ холмомъ, и когда жаждущія долины и поля ожидаютъ въ молчаніи росы его. *Сваранъ* узрѣлъ сего ужаснаго владыку *Морвена*, и остановляется посреди своего теченія. Свирѣпъ и вращая окрестъ себя племенные взоры, стоитъ онъ

онъ въ томномъ безмолвіи, опершись на свое дебелое копіе; высотою стана своего подобенъ онъ древнему дубу, стоящему на брегахъ *Любара*, уклонившему главу свою на воды, и котораго вѣтви очернены нѣкогда молніями грома. Онъ шествуетъ и удаляется тихими стопами на поле. Волны его ратоборцевъ окружаютъ его, и облакъ ужаснаго сраженія сгущается на холмѣ.

*Фингалъ* блистаетъ посреди Героевъ своихъ и вѣщаетъ имъ: примите мои знамена, распрострите ихъ на вѣтры *Лены*, да развѣваются они, яко волнующіеся пламы ста холмовъ; да звучащее ихъ волнованіе въ воздухѣ ободряетъ насъ ко брани. Стремитесь *Эринскія* чада, устройтеся близъ вашего владыки; внимайте тщательно его велѣніямъ. *Галлъ*, непобѣдимая смерти мышца! юный *Оскаръ*, возрастающій для геройскихъ подвиговъ! бодрственный *Конналъ*, мужественный и темновласый *Дермидъ*, и ты, *Оссіанъ*, Царь пѣсней! теките всѣ, и устройтеся близъ десницы отца вашего.

Мы возвысили *Солифламъ* (г), блистающее знамя владыки. Душа *Фингала* взыграла утѣшительною радостію, видя его развѣваема крылами вѣтровъ; оно разпещрено было златомъ,

---

(г) Знамя *Фингалово* называлось *Солифламъ*, т. е. *лучь* солнца, по причинѣ блистающихъ на немъ цвѣтовъ и злата.

томъ, какъ ночиая лазурь небеснаго свода, усѣяннаго звѣздами. Каждый вождь имѣлъ свое знамя, и каждому знамени сопутствовалъ строй браноносцевъ.

Воззрите, рекъ *Фингалъ*, како воинство *Локлинское* раздѣляется на поляхъ; они подобны дубовому лѣсу, до половины опустошенному пламеннымъ пожаромъ, и котораго древа сквозь пространныя свои межмѣстія дозволяютъ видѣть сводъ небесъ, и сверкающіе въ воздухѣ огни во время ночи. Да каждый вождь друзей *Фингаловыхъ* изберетъ себѣ враждебный строй, и ратоборствуетъ противу его съ своими подвижниками; и въ уничижительное презрѣніе и досаду сего безтрепетнаго и грознаго чела, съ какимъ они противостоятъ намъ, да ни единъ изъ нихъ не избѣгнетъ на волны *Инисторскія*. — Я, вѣщаетъ *Галлъ*, я ополчусь противу седми вождей, притекшихъ отъ озера *Лана*. — Да мрачный Царь *Инистора*, возгласилъ *Оскаръ*, оставленъ будетъ мечу *Оссіанова* сына. — Нѣтъ! моему мечу оставьте Царя *Инисторскаго*, рекъ *Конналъ*, имѣя сердце тверже крѣпкой стали. — Или *Миданъ*, или я, возопилъ *Дермидъ*, почіетъ во мрачномъ гробѣ. — И ты *Оссіанъ*, не видящій нынѣ лучей солнечныхъ, и толико ослабшій отъ бремени печалей, ты избралъ тогда себѣ мужественнаго Царя *Терманскаго*. Я положилъ обѣтъ не возвращаться безъ его щита. — Теките, мои

Ге-

Герои и возвращайтеся побѣдоносны, рекъ *Фингалъ*, простирая веселіемъ блистающіе взоры: тебя, *Сваранъ*, тебя *Фингалъ* блюдетъ для своей непобѣдимой десницы. Онъ рекъ, и вдругъ, яко тысящи бурныхъ вѣтровъ, прервавшихъ свои заклепы и устремленныхъ на долины, раздѣляются полки наши и летятъ на сопостата! отзывы *Кромлы* возгремѣли въ отдаленной окружности.

Какъ могу изчислить всѣ смертоносные удары, прославившіе наше оружіе въ семъ ужасномъ сраженіи? О дщерь *Тоскарова*! наши руки омывались кровію; гордые строи *Локлинскіе* повергалися другъ на друга, яко глыбы земныя, отторгающіяся отъ горы *Коны*. Побѣда сопутствовала мечамъ нашимъ: каждой вождь исполнилъ свой обѣтъ. Дщерь *Тоскарова*! ты неоднократно сидѣла при журчащихъ водахъ *Бранна*: тамо бѣлая твоя грудь воздымалась и возвышалась подобно мягкому пуху лебедя, плавающаго кротко на поверхности озера, когда нѣжные зефиры играютъ съ пріятностію подъ его крилами. Тамо неоднократно зрѣла ты багряное солнце, катящееся тихо за мрачный облакъ; ты зрѣла, какъ ночь соединяетъ окрестъ горы всѣ свои темныя тѣни, когда стремительные бунтуютъ вихри, и шумятъ повременно въ глубокихъ долинахъ. Дождь и градъ упадаетъ, громоносная туча стремится, расторгается, гремитъ, уда-

 ряетъ,

ряетъ, и твердые камни разсѣкаются перуномъ. Духи восходятъ на пламенные лучи; необоримые и многоводные источники низвергаются съ высоты холмовъ горныхъ: такого, любезная *Мильвина*, таково изображеніе ужасной сей брани. . . . Ахъ! для чего проливаешь ты сребровидныя слезы? *Локлинскимъ* дѣвамъ должно рыдать, и проливать слезы. Ратоборцы ихъ отечества упадали тысящами; желѣзо Героевъ нашихъ обагрялось ихъ кровію; но увы! я уже не спутникъ и не сподвижникъ нынѣ Героямъ; я лишенъ зрѣнія, печаленъ, и отъ всѣхъ оставленъ. Дай мнѣ слезы твои, любезная *Малвина*, дай мнѣ твои слезы; я зрѣлъ возвышенные гробы всѣхъ моихъ другей и сподвижниковъ.

Въ семъ кровопролитномъ сраженіи съ печалію зритъ *Фингалъ* неизвѣстнаго Героя, пораженнаго крѣпостію мышцы его. — Сѣдые власы ратника смѣсились на земли съ кровавымъ прахомъ, и онъ погасающія очи свои возводитъ къ побѣдителю: — Ахъ! что я зрю? возопилъ *Фингалъ*, познавъ сего бранноносца, отъ моей убо десницы погибаешь ты, о вѣрный другъ прекрасной *Агандеки*! Я видѣлъ, какъ въ чертогахъ кровожаждущаго *Старна* проливалъ ты жалостныя слезы о той, которая наполняла сердце мое любовію. Ты былъ сопостатъ врагамъ моей возлюбленной, и ты погибаешь отъ моихъ

ихъ ударовъ! Воздвигни, *Уллинъ*, воздвигни гробъ мужественному сыну *Маоона*, и въ пѣснехъ твоихъ соедини его имя со именемъ *Агандеки*, сей прелестной *Агандеки*, толико милой и любезной моему сердцу!

Сѣдящъ во глубинѣ пещеры *Кромлской*, *Кушуллинъ* услышалъ громы сраженія. Онъ призываетъ храбраго *Конналa* и почтеннаго *Карриля*. На гласъ его сіи украшенные сѣдинами Герои пріемлютъ свои копія. Они исходятъ изъ пещеры, и зрятъ въ отдаленности грозныя волны брани, подобны клубящимся валамъ ожесточеннаго Океана, когда вѣтры, дыша со стороны моря, гонятъ и стремятъ предъ собою на песчаный брегъ шумящія воды.

При семъ видѣ *Кушуллинъ* воспламеняется и наморщиваетъ свои черныя брови: его десница уже несется на рукоять меча его предковъ; очи его блистаютъ огнемъ, и прилѣпляются къ сопостату. Три краты порывался онъ на поле сраженія, и три краты воспящалъ стопы его *Конналъ*. Вождь острова густыхъ тумановъ! рекъ онъ ему, *Фингиль* торжествуетъ: успокойся, и не тщися похитить нѣкую часть его славы: онъ разрушаетъ, онъ истребляетъ все, яко грозная буря.

Да будетъ такъ! отвѣчаетъ *Кушуллинъ*: *Карриль*! стремись поздравить *Морвенскаго* владыку. Когда *Локлинское* воинство про-

течетЪ; яко струи послѢ дождя, и когда безмолвіе воцарится на полѢ кровопролитія, простри твой пріятный и стройный гласЪ во ушеса *Фингала*, и воспой его хвалы и славу. Вручи ему *КаитбатовЪ* мечь: *КушуллинЪ* уже недостоинЪ носить оружія своихЪ предковЪ.

Но вы, о тѢни уединенной *Кромлы*, духи мужественныхЪ ГероевЪ, уже почивающихЪ нынѢ во гробѢ! будьте навсегда собесѢдниками *Кушуллину* вЪ сей пещерѢ, гдѢ хочетЪ онЪ сокрыть свою печаль и уныніе. НѢтЪ, я уже не буду славенЪ вЪ ликѢ знаменитыхЪ воителей. Я блисталЪ какЪ свѢтоносный лучь, но я и сокрылся подобно ему; я изчезЪ какЪ парЪ, уничтоженный вѢтрами утра, когда оно востаетЪ и позлащаетЪ холмы. *КонналЪ*! уже не вѢщай мнѢ о бранѢхЪ и оружіи: моя слава умолкла; я буду изливать стенанія мои на крилѢ вѢтровЪ, доколѢ слѢды стопЪ моихЪ загладятся на земли. . . . А ты, прекрасная и нѢжная *Брагела*, ты рыдай о уничтоженной славѢ моей: я уже кЪ тебѢ вѢчно не возвращуся: я побѢжденЪ на полѢ брани.

---

ПѢСНЬ

## ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

### Содержаніе.

*Кушуллинъ* и *Конналъ* остаются на холмѣ. *Фингалъ* и *Сваранъ* сражаются. Описаніе ихъ сраженія. *Сваранъ* побѣжденъ, связанъ и отданъ подъ стражу *Оссіану* и *Галлу* сыну *Морнія*. *Фингалъ* съ *Оскаромъ* и съ прочими своими сподвижниками гонитъ во слѣдъ непріятеля. Повѣсть о *Локлинскомъ* вождѣ *Орлѣ*, которой уязвленъ смертно во время брани. *Фингалъ*, тронутый смертію сего ратоборца, повелѣваетъ отступить; и призвавъ своихъ сыновъ, извѣщается онъ, что *Рино*, младшій его сынъ, убитъ на сраженіи; онъ оплакиваетъ его смерть, внимаетъ повѣсти о *Ламдаргѣ* и *Гельгоссѣ*, и возвращается на мѣсто, гдѣ оставилъ онъ *Сварана*. *Карриль*, посланный *Кушуллиномъ* поздравить *Фингала* съ побѣдою, увидѣлся между тѣмъ съ *Оссіаномъ*. Разговоромъ сихъ двухъ Бардовъ оканчивается четвертый день.

Тогда на покатѣ *Кромлы* *Конналъ* вѣщаетъ *Кушуллину* : сынъ *Сема*! для чего толико мрачная печаль обладаетъ тобою? Наши друзья сильны и побѣдоносны во бранѣхъ; и ты, о неустрашимый ратоборецъ! ты безсмертную пріобрѣлъ славу : многочисленны суть смертоносные удары, которыми копіе твое поражало. Часто прекрасная *Брагела*, являя блистающую въ голубыхъ своихъ очахъ радость, срѣтала Героя своего, возвращающагося торжественно и еще дымящагося кровію посреди храбрыхъ сподвижниковъ, когда сопостаты его уже покоились во мрачномъ и безмолвномъ гробѣ. Часто твои Барды услаждали слухъ твой, воспѣвая твои Геройскіе подвиги.

Но виждь *Морвенскаго* владыку, онъ простирается, и пламенный пожаръ, шумные источники, грозныя бури изображаютъ его сильную крѣпость. Благополученъ твой народъ, о *Фингалъ*! твоя мышца за него ратоборствуетъ. Въ гремящихъ бранѣхъ ты первый изъ Героевъ; во время кроткаго мира ты премудрѣйшій изъ всѣхъ Царей. Речешь, и твои многочисленные бранноносцы повинуются; твоя сталь гремитъ, и враги трепещутъ. Благополученъ твой народъ, о *Фингалъ*!

Кто сей толико ужасный, толико стремительный въ теченіи своемъ ратоборецъ?

Кто,

Кто, кромѣ сына *Старнова*, дерзнетъ летѣть во срѣтеніе владыкѣ *Морвенскому*? Взирай на противоборствіе сихъ вождей. Таковы сражаются на Океанѣ два духа, и спорятъ, кто изъ нихъ долженъ возвышать его волны. Звѣроловецъ стоящъ на холмѣ слышитъ звуки ихъ усилій; онъ видитъ, волны подъемлются, и стремятся ко брегамъ *Арвена*. Тако вѣщалъ *Конналъ*, когда два Героя сближились посреди своихъ ратниковъ, упадающихъ на всѣ страны. Въ семъ ужасѣ, въ семъ кровопролитіи внемлются звуки паденія оружій и удвояемыхъ ударовъ. Ужасно противоборствіе двухъ вождей; ужасны очей ихъ взоры; щиты ихъ разрушаются, и сталь ихъ шлемовъ летитъ раздробленна въ мѣлкія части; они повергаютъ рукояти своихъ оружій, и каждой стремится схватиться за тѣло своего противника; жилистыя руки ихъ сплетаются, они объемлются, они влекутъ къ себѣ другъ друга, колеблясь на десную и на шуюю страну; въ сей кровопролитной борьбѣ твердыя ихъ жилы напрягаются и распростираются. Но когда уже пламенное свирѣпство ихъ воскрилило и напрягло всѣ ихъ силы и крѣпость, тогда колеблемый отъ ихъ усилій холмъ потрясся и вострепеталъ отъ основанія до высоты своей. Наконецъ *Сваранъ* изнемогаетъ, онъ палъ, и надмѣнный *Локлинскій* владыка связуется узами.

Тако зрѣлъ я на высотѣ *Коны*, сей *Коны*, которыя очи мои уже не видятъ, тако зрѣлъ я два холма отторженные отъ своихъ основаній наглостію бурнаго и стремительнаго источника; они тяжестію своею склоняясь другъ ко другу, сближаются; древа ихъ касаются въ воздухѣ своими верьхами; вдругъ оба они упадаютъ, и катясь влекутъ съ собою свои древеса и камни; теченіе рѣкъ премѣняется, и багровыя развалины обрушенной ихъ земли издалече еще поражаютъ взоръ путешественника.

Чада владыки *Морвенскаго*! рекъ *Фингалъ*, стрегите вождя *Локлинскаго*; зане крѣпость его есть крѣпость тысящи разъяренныхъ волнъ; его мышца научена на брань; онъ облеченъ во все мужество древнихъ Героевъ своего племени. Храбрый *Галлъ*, и ты *Осіанъ*! сопутствуйте брату *Агандеки*, и вселяйте радость въ унылую душу его. Но вы *Оскаръ*, *Филланъ* и любезный *Рино*, вы стремитесь во слѣдъ разсѣянныхъ чадъ *Локлинскихъ*; да ни единъ ихъ корабль не дерзнетъ впредь уничижать морей нашихъ. Онъ рекъ, они воздвигнулись и летятъ яко молнія. *Фингалъ* шествуетъ за ними тихими стопами подобенъ облаку, несущему въ нѣдрахъ своихъ перуны, когда поля и долины безмолвствуютъ, опаляемы зноемъ лѣтнимъ. Его мечь блистаетъ предъ его взоромъ. Онъ видитъ одного изъ вождей *Локлинскихъ* и вѣщаетъ

щаетъ ему: кто сей ратникъ зримый мною, и опершійся о твердый камень? Онъ не можетъ прескочить источника: его станъ и видъ являютъ въ немъ Героя, щитъ его при немъ, и его копіе возвышается яко пустынное древо. Храбрый юноша! сподвижникъ ли ты мнѣ, или одинъ отъ сопостатъ *Фингала*?

— Я сынъ странъ *Лохлинскихъ*, возопилъ воитель, и моя десница крѣпка. Супруга моя рыдаетъ въ моихъ чертогахъ; но мужественный *Орла* никогда въ нихъ не возвратится.

— Покаряешься ты власти моей, или хочешь противоборствовать? рекъ *Фингалъ*. Сопостаты не торжествуютъ предъ лицемъ моимъ, и друвья мои прославляются въ моихъ чертогахъ. Юный пришлецъ! сопутствуй мнѣ, и гряди участвовать въ торжественныхъ моихъ пиршествахъ; гряди поражать быстротечныхъ сернъ въ моихъ пустыняхъ.

— Да не будетъ, вѣщаетъ Герой, я защитникъ слабыхъ; моя крѣпость всегда готова на помощь изнемогающаго. Мечь мой еще не срѣталъ себѣ равнаго; да уступитъ мнѣ владыка *Морвена*.

— Вѣдай, храбрый *Орла*, никогда *Фингалъ*, никогда не покарялся смертному. Извлеки твой мечь, избирай себѣ сопостата изъ моихъ бранноносцевъ.

— Но владыка ихъ или не хочетъ противостать мнѣ? рекъ мужественный *Орла*; одинъ *Фингалъ* во всемъ племени своемъ, одинъ *Фингалъ* достоинъ противоборствовать *Орлѣ*.

Но внемли, сильный Царь *Морвена*, естьли паду пораженъ тобою, ване и мужественный долженъ нѣкогда погибнуть, воздвигни мнѣ гробъ посреди *Лены*, возвысь его, да царствуетъ онъ надъ всѣми прочими. Мечь *Орлы* возврати чрезъ пространство морей нѣжной его супругѣ, чтобъ орошаема слезами, могла она показать его моему сыну, и воспламенить въ сердцѣ его любовь ко брани.

— Нещастный юноша! рекъ *Фингалъ*, для чего печальною сею бесѣдою обновляешь ты мою горесть? Такъ, предписано время, чтобъ низвергались во гробъ и сильные, и чтобъ юныя чада ихъ взирали на праздное ихъ оружiе, висящее на стѣнахъ ихъ чертоговъ; но твои желанiя, *Орла*, совершатся. Я возвышу тебѣ гробъ, мечь твой будетъ орошенъ слезами нѣжной твоей супруги.

Они сражаются; но мышца *Орлы* уже изнемогла; мечь *Фингаловъ* спускается и разсѣкаетъ на полы щитъ его. Раздробленная сталь летитъ и блистаетъ на земли, подобно лунѣ, сiяющей во время ночи надъ струями источника.

Вла-

Владыка *Морвена*! рекъ Герой, возвысь твой мечь и пронзи грудь мою. Уязвленъ во брани, остался я здѣсь безсиленъ и забвенъ отъ всѣхъ друзей моихъ; скоро, скоро печальная вѣсть о смерти моей разнесется на брегахъ *Лоды*, и притечетъ къ моей возлюбленной въ тѣ часы, когда уединенна странствуетъ она въ густыхъ рощахъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ *Морвенскій* владыка, ты никогда не будешь пронзенъ мечемъ моимъ: я хочу, да нѣжная твоя супруга еще увидитъ тебя на брегахъ *Лоды*, избѣгша отъ рукъ смертоносной брани; я хочу, да почтенный твой родитель, которой старостію лишенъ уже можетъ быть зрѣнія, хотя услышитъ голосъ твой въ своемъ жилищѣ. . . . Онъ востанетъ исполненъ радости, и его заблуждающія руки будутъ искать *Орлу*, чтобъ осязать его съ веселіемъ. — Они уже вѣчно его не осяжутъ: *Фингалъ*! я умру на поляхъ *Лены*; иноплеменные Барды будутъ о мнѣ бесѣдовать; широкій мой поясъ скрываетъ глубокую и смертную язву; виждь, я его отторгаю отъ персей моихъ, и повергаю на воздухъ.

Черная кровь кипя и пѣнясь стремится изъ ребръ его. Онъ истощается, блѣднѣетъ, упадаетъ, и *Фингалъ* тронутый сожалѣніемъ уклоняется къ умирающему Герою. Онъ призываетъ своихъ юныхъ ратниковъ: *Оскаръ*, *Филлан*ъ, любезныя мои чада! воздвигните

гробъ

гробЪ мужественному *Орлѣ*; онЪ почіетЪ на семЪ полѣ, удаленЪ отЪ пріятнаго журчанія *Лоды*, удаленЪ отЪ нещастной своей супруги: нѣкогда слабые ратники увидятЪ лукЪ его висящій вЪ его чертогахЪ: они потщатся его напрягать, но тщетно; вѣрные псы его воютЪ на холмахЪ печально; дикіе звѣри, бѣжавшіе прежде отЪ стрѣлЪ его, радуются о его смерти: уже онЪ бездыханенЪ, уже безоружна сія крѣпкая мышца браней, первый изЪ мужественныхЪ уже вЪ объятіяхЪ смерти!

Возвысьте ваши гласы, вострубите вЪ рогЪ, о чада *Морвенскаго* владыки! потечемЪ кЪ *Сварану*, и вЪ мрачную ночь возвеселимся пѣснями. *ФилланЪ*, ОскарЪ, *Рино*! стремитесь на поле. Но гдѣ мой возлюбленный *Рино*? Младый сынЪ славы! ты не любилЪ отвѣчать послѣ всѣхЪ на гласЪ твоего родителя.

*Рино*, вѣщаетЪ *УллинЪ*, *Рино* соединился уже сЪ тѣньми своихЪ предковЪ, сЪ тѣньми *Траваля* и *Тренмора*. Младаго *Рина* уже нѣтЪ, его бездыханное тѣло простерто на поляхЪ *Лены*

И такЪ нѣтЪ уже, возопилЪ *ФингалЪ*, нѣтЪ уже возлюбленнаго моего сына, сына быстрѣйша паче всѣхЪ вЪ теченіи, искуснѣйша паче всѣхЪ вЪ натяганіи лука? . . . О любезный мой сынЪ! едва родитель твой могЪ познать твои достоинства и доброты. АхЪ!

для

для чего въ толь нѣжной младости предписано тебѣ погибнуть? Почій безмятежно въ поляхъ *Лены*; скоро и *Фингалъ* тебя увидитъ. Скоро уже гласъ мой не будетъ слышенъ на земли живущимъ, и слѣды стопъ моихъ загладятся скоро. Барды воспоютъ *Фингалово* имя, и возвышенные камни возвѣстятъ о моей славѣ. Но ты, юный бранноносецъ, ты повергся во мрачное жилище, когда Барды не воспѣли еще славы твоихъ подвиговъ. *Уллинъ*! бряцай во струны арфы, прославь юнаго *Рина*; вѣщай, коль знаменитъ онъ былъ въ геройскихъ подвигахъ, коль ужасенъ супостатамъ. Прости Герой, стремившійся прежде всѣхъ на поле брани! родитель твой уже не будетъ направлять копія твоего на смертоносные удары: прости, о прекраснѣйшій изъ всѣхъ чадъ моихъ! очи мои тебя уже не видятъ: прости. — Слезы текли струями по ланитамъ *Фингала*; онъ рыдалъ о своемъ сынѣ, о сынѣ толико юномъ, и толико уже страшномъ во бранѣхъ.

Кто сей ратникъ, вѣщаетъ тогда великодушный *Фингалъ*, кто сей бранноносецъ, котораго слава симъ гробомъ возвѣщается? Я зрю четыре камня одѣянные мохомъ, они являютъ здѣсь мрачное жилище смерти. Пусть юный мой *Рино* почіетъ о страну его, да почіетъ онъ близъ мужественнаго. Можетъ быть знаменитый Герой здѣсь покоится, которой будетъ сопутствовать на облакахъ мо-

моему сыну. О *Уллинъ*! воспой, обнови въ памяти нашей печальныхъ жителей сего гроба. Естьли они отъ грозныхъ опасностей никогда въ полѣ славы не убѣгали, пусть сынъ мой удаленъ отъ своихъ друзей почіетъ близъ сихъ Героевъ.

Здѣсь, воспѣлъ мудрый Бардъ, здѣсь покоятся первые изъ Героевъ; *Ламдаргъ* и величественный *Уллинъ* (а) безмолвствуютъ подъ симъ гробомъ. Но кто сія взирающая на меня съ усмѣшкою отъ высоты своего легкаго облака, и являющая очамъ моимъ свое прекрасное лице? Дщерь *Тюаоала*, прелестнѣйшая изъ всѣхъ дѣвъ *Кромлскихъ*! для чего ты блѣдна? О *Гельгосса*! или почила ты съ Героями, которыхъ красота твоя свирѣпою воспламенила враждою? Тысяща Героевъ по тебѣ воздыхали; но одинъ *Ламдаргъ* любезенъ былъ твоему сердцу.

Онъ притекъ нѣкогда къ древнимъ башнямъ *Сельмы*, и ударяя во щитъ свой, возопилъ: гдѣ *Гельгосса*, гдѣ моя возлюбленная, гдѣ милая дщерь знаменитаго *Тюаоала*? Я разстался съ нею въ чертогахъ *Сельмы*, шествуя сражаться противъ свирѣпаго *Ульфадда*. . . Возвратися не косня, о *Ламдаргъ*! рекла она мнѣ; я остаюсь здѣсь печальна и при-

---

(а) *Уллинъ* сынъ *Каирбаровъ*; его не должно почитать за одного съ *Уллиномъ*, Бардомъ Фингаловымъ.

прискорбна. Ея бѣлая грудь воздымалась отъ вздоховъ; ея прелестныя ланиты окропляяись слезами. Но я не зрю ее грядущу во срѣтеніе своему любовнику, и спѣшащу возвеселить и утѣшить его душу послѣ грознаго сраженія. Въ жилищѣ, гдѣ ожидала меня радость, царствуетъ теперь безмолвіе: я не слышу пѣнія Бардовъ. . . . Я не вижу *Бранна* (6) звучаща при вратахъ своею цѣпью и дрожаща отъ радости при возвратѣ *Ламдарга*. Гдѣ *Гельгосса*, моя отрада и любовь? гдѣ нѣжная и чувствительная дщерь великодушнаго *Тюавала*? — *Ламдаргъ*! вѣщаетъ *Ферхій*, *Гельсосса* можетъ быть на высотѣ *Кромлы*, и съ подругами своими стремится во слѣдъ за робкими сернами.

*Ферхій*! отвѣтствуетъ *Ламдаргъ*, я не слышу никакого шума, я не слышу никакого звука въ лѣсахъ *Лены*; я не видѣлъ ни одной серны, бѣгущей предъ моими очами; я не видѣлъ ни одного ловчаго пса за нею стремящагося. Я не зрю *Гельгоссы*, моей любви и отрады. . . . Спѣши, *Ферхій*, спѣши

къ

(6) *Браннъ* имя, какое обыкновенно дается въ сѣверной *Шотландіи* псамъ ловчимъ; и вообще горные жители называютъ ловчихъ своихъ псовъ по имени Героевъ сей поэмы: а сіе доказываетъ, что имена сіи знакомы слуху народа, и что сіи самые Герои извѣстны еще и до нынѣ въ народѣ.

къ почтенному *Алладу* (в): онъ обитаетъ во огражденіи камней; онъ возвѣститъ намъ, гдѣ прекрасная *Гельгосса*.

*Ферхій*, бодрый сынъ *Эдоновъ*, шествуетъ, и приклоняется къ ушесамъ почтеннаго старца. *Алладъ*! рекъ онъ ему, пустынный житель камени, обремененный толь многими лѣтами! вѣщай мнѣ, кого видѣли твои очи?

Я видѣлъ, отвѣтствуетъ пустынникъ, я видѣлъ гордаго *Уллина*, сына *Каирбарова*: онъ стремился яко облакъ *Кромлы*; въ устахъ его шумѣла пѣснь вѣщающая гибель, пѣснь подобная шуму вѣтровъ, дышущихъ въ лѣсу, лишенномъ своихъ листвій; онъ вошелъ въ чертоги *Сельмы*. Гряди, возопилъ онъ тамо, гряди непобѣдимый *Ламдаргъ* противоборствовать *Уллину*, или уступи ему *Гельгоссу*. Здѣсь нѣтъ *Ламдарга*, рекла прекрасная, онъ сражается съ грознымъ *Ульфаддою*. Но вѣдай, что *Ламдаргъ* вѣчно не трепеталъ смертныхъ; онъ ополчится противу сына *Каирбарова*. Дщерь *Тюавала*! ты любезна и прекрасна, рекъ свирѣпый *Уллинъ*, я отведу тебя въ мое жилище; *Гельгосса* будетъ наградою побѣдителя. Три дни пребуду я здѣсь на высотѣ *Кромлы*, ожи-

(в) *Алладъ*. Должно думать, что это былъ одинъ изъ Друидовъ. *Оссіанъ* называетъ его *сыномъ камени*, потому что онъ жилъ въ пещерѣ. Впрочемъ тогда вѣрили, что Друиды имѣютъ вышеестественныя познанія.

ожидая возвращенія сего браноносца, и въ день четвертый *Гельгосса* будетъ моею, естьли противникъ мой не изыдетъ на сраженіе.

Уже довольно *Алладъ*, вѣщаетъ *Ламдаргъ*, да сопутствуетъ безмятежный миръ твоимъ сновидѣніямъ. *Ферхій*! воструби въ рогъ, да *Уллинъ* услышитъ звуки его на *Кромлѣ*. Яростенъ и страшенъ онъ устремляется; онъ востекаетъ на холмъ, поя тихимъ гласомъ браноносныя пѣсни. Достигши высоты, остановился онъ какъ бурный облакъ, котораго образъ и видъ различно премѣняется дуновеніемъ вѣтровъ. Со главы холма повергаетъ онъ ужасный камень, яко знакъ зовущій ко брани: изъ глубины своего жилища *Уллинъ* услышалъ паденіе сего камени. Онъ вострепеталъ отъ радости, познавъ пришествіе *Ламдарга*, и схватилъ копіе своего отца. Веселая усмѣшка озаряетъ мрачное лице его, когда препоясуетъ онъ грозный мечь свой. Острый кинжалъ блистаетъ въ его десницѣ; онъ простирается на высоту холма съ ужаснымъ свистомъ.

*Гельгосса* видитъ сего свирѣпаго ратоборца востекающа на холмъ въ глубокомъ молчаніи. Она ударяетъ въ дрожащую свою бѣлую грудь. Безмолвна и орошаема слезами трепещетъ она, ужасаясь, да не падетъ отъ меча его возлюбленный *Ламдаргъ*.

*Каирбарт*! вѣщаетъ прекрасная отцу *Уллина*, я хочу напрягать лукъ на высотѣ *Кромлы*; я вижу тамъ быстрыхъ ланей.

Она стремится на холмъ; но уже тщетно: два противоборца уже сразились. — Для чего предъ владыкою *Морвена* повѣствовать о ихъ сраженіи? Гордый *Уллинъ* поверженъ; юный *Ламдартъ* блѣденъ и обагренъ кровію течетъ во срѣтеніе *Гельгоссѣ*.

Чія дымится кровь? возопила прекрасная: какою кровію покрыты ребра моего любезнаго бранноносца? — Это кровь *Уллина*, отвѣтствуетъ Герой. О *Гельгосса*! оставь меня успокоиться здѣсь на нѣсколько минутъ.... Мужественный *Ламдартъ* изливаетъ послѣдній духъ жизни.

Что я зрю! уже ты въ объятіяхъ смерти, о вождь *Кромлы*! Три дни стеная проливала она слезы надъ тѣломъ своего любовника. Звѣроловцы нашли ее бездыханну, они возвысили гробъ, и заключили въ немъ сихъ трехъ нещастныхъ. Такъ, владыка *Морвена*, сынъ твой почіетъ здѣсь съ мужественными Героями.

Такъ, рекъ *Фингалъ*, мой сынъ почіетъ съ ними; звуки ихъ подвиговъ и славы многократно гремѣли во ушесахъ моихъ. *Филланъ*, *Фергъ*! да принесется сюда на рукахъ вашихъ бездыханное тѣло младаго *Орлы*. Мужественный *Орла* достоинъ, чтобъ во мрачномъ жилищѣ почилъ близъ его возлюблен-

ленный мой *Рино.* Восплачьте *Морвенскія* дщери, и вы также прекрасныя дщери *Лоды* восплачьте! они оба возрастали, какЪ два младые дуба на холмахЪ нашихЪ: они пали, они лежатЪ подобны симЪ же дубамЪ поверженнымЪ и простертымЪ на широтѣ источника и увядающимЪ отЪ дуновенія горныхЪ вѣтровЪ.

*ОскарЪ*, предтеча юныхЪ ратниковЪ! ты зрѣлЪ, коль мужественною, коль достойною ГероевЪ смертію они погибли: подобно имЪ остави по себѣ гремящую славу; подобно имЪ буди воспѣтЪ устами БардовЪ. Во бранѣхЪ чело и лице ГероевЪ сихЪ было ужасно и грозно; но во время златыя тишины *Рино* являлся пріятенЪ, кротокЪ и безмятеженЪ. ОнЪ былЪ кротокЪ и любезенЪ какЪ дожденосная радуга, зримая нами издалече уклоншеюся надЪ источникЪ, когда солнце нисходитЪ опочить надЪ *Морою* и царствуетЪ на холмѣ тихое безмолвіе. Покойся безмятежно, возлюбленный мой *Рино*! покойся о юнѣйшій изЪ всѣхЪ чадЪ моихЪ! почій на поляхЪ *Лены.* И мы также, и мы будемЪ вЪ объятіяхЪ смерти: во днехЪ цвѣтущихЪ или при хладной старости Герою должно погибнуть.

Тако сѣтовалЪ, тако скорбѣлЪ ты, о *ФингалЪ*! надЪ тѣломЪ юнаго *Рина.* Сколь же свирѣпа, сколь безутѣшна должна быть *Оссіанова* печаль, когда уже и ты самЪ, о

 ро-

родитель мой! оставилЪ земнородныхЪ? Я уже не слышу твоего гласа; очи мои уже не могутЪ тебя видѣть; часто удаленЪ отЪ всѣхЪ, и погруженЪ во мрачную задумчивость, сижу я при твоемЪ гробѣ и утѣшаюсь, прикасаясь кЪ нему трепещущими руками. Иногда мечтается мнѣ, что я слышу гласЪ твой; но это не гласЪ твой, это ничто, какЪ томное журчаніе пустынныхЪ вѣтровЪ. Уже давно усыпленЪ ты навсегда, о *ФингалЪ*, носящій вЪ десницѣ своей судьбу браней!

Тогда *ОссіанЪ* и *ГаллЪ* возсѣли со *Сваравомъ* на злачномЪ и кудрявомЪ дернѣ бреговЪ *Любарскихъ*; я ударялЪ во звучныя струны арфы моей, стараясь утѣшить унылую душу побѣжденнаго владыки; но его чело зрѣлось обремененно мрачною печалію. Часто обращалЪ онЪ на поле прискорбные свои взоры: Герой сей воздыхалЪ о смерти своихЪ ратниковЪ.

Я возвелЪ очи мои кЪ *Кромлѣ*, и узрѣлЪ величественнаго сына *Семова*. ПечаленЪ и смущёнЪ удалялся онЪ тихими стопами кЪ пустынной пещерѣ *Туры*. ОнЪ видѣлЪ *Фингала* побѣдоносна и торжествующа, и лучь радости осѣнилЪ его мрачное уныніе. Сіяніемъ солнца озарялось его гремящее оружіе. *КоннальЪ* шествовалЪ за нимЪ тихо Они спустясь сокрылись отЪ взора моего за горою, подобны двумЪ огненнымЪ столпамЪ, которые усиліемЪ вѣтровЪ устремляются на

горы во время нощи, и оставляютъ дубраву воспламененну своимъ шествіемъ.

При журчащемъ и пѣнящемся источникѣ изсѣчена пещера его въ разсѣдинѣ камени; уклоненное древо пріосѣняетъ ее своею тѣнію; вѣтры шумятъ въ отзывахъ окрестныхъ. Въ сію пещеру удалился мужественный сынъ *Семовъ*. Въ его мысляхъ непрестанно изображается грозное сраженіе, гдѣ онъ побѣжденъ; на его ланитахъ не умаляются слезные потоки. Неутѣшно рыдаетъ онъ о потеряніи своей славы. О *Брагсла*! ты далече отъ него, ты не можешь твоимъ присутствіемъ возвеселить смущенную душу Героя. Ахъ! пусть хотя онъ возможетъ созерцать образъ твой во глубинѣ души своей! да почіютъ мысли его и упокоятся воспоминаніемъ о прекрасной *Брагелѣ*.

Кто сей старецъ, украшенный сѣдиною и простирающійся ко мнѣ? Это пѣвецъ геройскихъ подвиговъ. — Радуйся, гряди благопріятенъ, о почтенный *Карриль*! твой гласъ утѣшителенъ и сладокъ яко арфа, висящая на стѣнахъ *Туры*. Твои слова пріятны моему слуху, какъ роса полямъ и долинамъ, опаляемымъ лучами солнца. Почтенный *Карриль*! для чего оставилъ ты величественнаго сына *Семова*?

*Оссіанъ*! отвѣтствуетъ *Карриль*, ты первый изъ Бардовъ: уже давно извѣстенъ и знаемъ ты *Каррилю*, ты, мужественный

 вождь

вождь браней! неоднократно касался я струнамъ арфы для возлюбленной *Эвираллины*, неоднократно сопутствовалъ ты гласу моему въ чертогахъ *Бранна*, во дни торжественныхъ его пиршествъ; и часто нѣжный гласъ *Эвираллины* соединялся съ пѣніемъ нашимъ. Нѣкогда воспѣла она паденіе *Кормака*, сего юнаго любовника, пожертаго пламенемъ, пылавшимъ къ ней въ его сердцѣ. Я видѣлъ текущія слезы на прекрасныхъ ея ланитахъ; плакалъ и ты съ нею, о вождь неустрашимыхъ! ея душа смягченна была жребіемъ сего нещастнаго ратника, хотя сердце ея было къ нему нечувствительно. Коль прелестна была дщерь великодушнаго *Бранна*! и блистающая красота ея коль много затмѣвала красоту всѣхъ ея подругъ и спутницъ!

Не представляй се мыслямъ моимъ, о *Карриль*! воспомня ея образъ, сердце мое истаеваетъ отъ печали, и очи мои наполняются слезами. Увы! сія красавица, толико милая, нѣжная и кроткая, и толико сладостію и любовію наполнявшая сердце мое, уже нынѣ во мрачномъ сокрыта жилищѣ, блѣдна и безобразна; но возсяди, почтенный бардъ, на семъ мѣстѣ, и услади насъ твоимъ гласомъ. Онъ пріятенъ мнѣ, какъ весенній зефиръ, дышущій во слухъ звѣроловца, которой востаетъ, возбужденъ веселымъ снови-

дѣ-

дѣніемъ, и которой слышалъ во снѣ сладкое и стройное согласіе духовъ горныхъ.

---

## ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

### Содержаніе.

Ночь наступила. *Фингалъ* полки свои угощаетъ торжественнымъ пиршествомъ, гдѣ и *Сваранъ* присутствуетъ. Государь, по обыкновенію, какое хранилось всегда по окончаніи войны, повелѣваетъ *Уллину* воспѣть мирныя пѣсни. *Уллинъ* повѣствуетъ о подвигахъ въ Скандинавіи *Тренмора*, прадѣда *Фингалова*, и о бракѣ его съ *Иникбаххою*, дочерью *Локлинскаго* Царя, одного изъ предковъ *Свărановыхъ*. Симъ побужденъ *Фингалъ*, и притомъ помня, что *Сваранъ* братъ *Агандекѣ*, которая любила *Фингала* еще въ его младости, рѣшился возвратить ему вольность. Онъ дозволяетъ ему возвратиться въ *Локлинъ* съ своими полками съ такимъ условіемъ, чтобъ никогда не воевать ему противъ *Ирландіи*. Ночь препровождается въ пѣніи Бардовъ, и въ пріуготовленіяхъ къ отъѣзду *Сваранову*. *Фингалъ* спрашиваетъ *Карриля* о *Кушуллинѣ*, что самое подаетъ случай разсказать повѣсть о *Грумалѣ*. При восхожденіи зари *Сваранъ* отъѣзжаетъ; *Фингалъ* исходитъ на ловитву

ву звѣрей, и утѣшаетъ *Кушуллина*, котораго нашелъ онъ въ пещерѣ *Туры*. На другой день отправляется онъ въ *Шотландію*, и симъ кончится поэма.

---

Ночные облаки возвышаясь остановляются и висятъ тяготѣя надъ скольскою высотою *Кромлы*. Звѣзды Норда, возникнувъ надъ волнами *Уллина*, являютъ блистательныя свои главы сквозь быстротечные туманы поднебесной тверди. Шумящіе вѣтры звучатъ въ отдаленномъ лѣсѣ; безмолвіе и мракъ покрываютъ поле смерти.

Посреди мрачныхъ тѣней слухъ мой внималъ еще стройному и сладкому гласу *Каррилля*; онъ воспѣвалъ дѣянія сподвижниковъ юности нашей, и прекрасные дни цвѣтущихъ лѣтъ нашихъ, когда еще мы стекалися вкупѣ на брега пасмурнаго *Лега*, и когда чаша радости преходила кругомъ изъ рукъ въ руки. Всѣ отзывы облаконосной *Кромлы* отвѣчали на звуки его гласа. Тѣни Героевъ, устами его прославляемыхъ, слетались на облакахъ своихъ. Онѣ уклонялись въ долъ, и внимали похваламъ своимъ со удовольствіемъ.

Да будетъ тѣнь твоя, о *Каррилъ*! благополучна посреди своихъ вихрей. Прилетай иногда посѣщать меня въ жилищѣ моемъ, когда я безмолвствую одинъ посреди ночи. Ты

... Ты и подлинно притекъ, возлюбленный мой другъ; часто я слышу арфу мою звучащу отъ прикосновенія легкой твоей руки: висяща на отдаленной стѣнѣ пресылаетъ она еще слабые звуки къ моему слуху. Для чего не бесѣдуешь ты со мною въ печали моей? для чего не откроешь мнѣ, когда я узижу друзей моихъ и сподвижниковъ? ... Ты молчишь, ты удаляешься на твоемъ облакѣ, и вѣтръ тебя носящій д.шетъ въ мои власы, покрытые уже сѣдиною.

Межъ тѣмъ бранноносцы стеклись на покатѣ *Моры* для торжественнаго пиршества. Сто древнихъ дубовъ возгараются при дуновеніи вѣтровъ. Чаша праздиества наполнилась и обращается кругомъ; радость блистаетъ на лицахъ ратоборцевъ; одинъ *Локлинскій* владыка углубленъ въ мрачное безмолвіе. Досада и печаль изображались въ его пылающихъ очахъ. Многократно возводилъ онъ взоры свои на кровавое *Лены* поле, и воздыхалъ, видя себя побѣжденнымъ.

*Фингалъ* стоялъ, опершись на щитъ своихъ предковъ. Его сѣдѣющіе власы развѣвались тихо вѣяніемъ кроткихъ зефировъ, и блистали при свѣтлостяхъ ночи. Герой примѣтилъ глубокую печаль и уныніе *Сварагово*, и обращся къ первому изъ своихъ Бардовъ, вѣщаетъ: возгласи, *Уллинъ*, возгласи пѣсни мира; услади мою душу послѣ грознаго сраженія, да забуду я звукъ оружій, еще

 гре-

гремящій въ моихъ ушесахъ; да уготовятся сто арфъ, и утѣшатъ вождя *Локлинскаго*. Онъ не долженъ съ нами разлучиться, доколѣ сердце его взыграетъ чувствіемъ радости. Никто еще не отходилъ отъ *Фингала* скорбя и сѣтуя. *Оскаръ*! мечь мой на полѣ брани поражаетъ супостатовъ молніями; но когда они покаряются и вручаютъ мнѣ побѣду, онъ почиваетъ миренъ и спокоенъ.

*Уллинъ* воспѣлъ: *Тренморъ* жилъ во времена отъ насъ отдаленныя; спутникъ бурей, плавалъ онъ по волнамъ сѣвера. Вершины камней *Локлинскихъ* и густота гремящихъ лѣсовъ открываются взору Героя сквозь мрачные туманы. Онъ опустилъ бѣлые свои парусы, низшелъ на брегъ, и уже стремится во слѣдъ вепря, свирѣпствующаго въ лѣсахъ *Гормала*. Не одинъ ратникъ устремлялся въ бѣгъ отъ сего страшнаго звѣря: *Тренморъ* пронзилъ его копіемъ своимъ.

Три вождя, бывшіе побѣды его свидѣтелями, вездѣ прославляли мужество и бодрость иноплеменнаго бранноносца. *Локлинскій* владыка уготовилъ пиршество, и пригласилъ юнаго *Тренмора*: оно было тридневно, и уже для сраженія, долженствующаго увѣнчать сіе торжество, почтили *Тренмора* избраніемъ оружія.

Страна *Локлинская* не имѣла Героя, которой бы не былъ тогда побѣжденъ *Тренморомъ*. Чаша радости обращалась кругомъ,

и

и все гремѣло похвалами владыки *Морвенскаго.*

Едва четвертаго дня утро освѣтило холмы и поля, *Тренморъ* низвелъ корабль свой на море, и странствовалъ по брегу, ожидая, да вѣтръ шумящій въ лѣсахъ отдаленныхъ воздвигнется, и повѣетъ на покоящееся море.

Тогда явился юный житель лѣсовъ *Гормальскихъ*, покровенъ гремящимъ оружіемъ. Его руки подобны бѣлизною снѣгу *Морвена*; пріятная усмѣшка оживляла его прекрасныя очи; онъ приближаясь къ *Тренмору* возопилъ: подожди мужественный браноносецъ, воспяти твои стопы, ты еще не побѣдилъ сына *Лонвалева.* Часто мечь мой съ Героями сражался, и благоразумной никогда не ожидаетъ стрѣлъ моего лука.

Юный и прекрасный воинъ! отвѣчалъ *Тренморъ.* Я не противостану *Лонвалеву* сыну. Твоя мышца слаба еще, удалися, и теки поражать *Гормальскихъ* ланей.

Я удалюся, рекъ юный Герой, я удалюся, но унося съ собою мечь *Тренмора*; и тогда отъ звука славы моей взыграетъ радостію душа моя. Младыя дѣвицы усмѣхаясь окружатъ *Тренморова* побѣдителя. Нѣжныя груди ихъ изліютъ любовные ко мнѣ вздохи; онѣ удивятся дебелости копія моего, когда посреди ихъ понесу его съ гордымъ и величественымъ видомъ, и когда ост-

острый и блистательный его конецъ возвышу при лучахъ солнца.

Никогда не унесешь ты копія моего, рекъ раздраженный владыка *Морвена*. . . . Твоя мать обрящетъ тебя хладна и бездыханна въ объятіяхъ смерти, на брегахъ *Гормальскихъ*: она возведетъ свои взоры на пространство моря, и узритъ еще бѣлѣющіеся парусы Героя, которой поразилъ ея сына

Я не воздвигну копія моего, вѣщаетъ юный ратникъ; лѣта еще не укрѣпили мужества и силъ моей десницы; но мои стрѣлы умѣютъ поражать издалече сопостата. Совлеки сію броню: ты весь одѣянъ желѣзомъ; совлеки, подражай мнѣ, я первой полагаю броню мою на землю. . . . Устремляй теперь твои стрѣлы. *Морвенскій* владыка *Тренморъ* видитъ бѣлую грудь младой и прекрасной дѣвицы: то была сестра *Локлинскаго* владыки: она видѣла юнаго иноплеменника въ *Гормальскихъ* чертогахъ, и сердце ея воспламенилось къ нему любовію. Упадаетъ копіе изъ рукъ *Тренмора*, онъ уклонилъ къ землѣ румяное свое лице: возрѣніемъ на блистательную сію красоту омрачилися очи его: тако нечаяннымъ лучемъ свѣта омрачаясь смыкаются взоры пустынныхъ чадъ, когда изшедши они изъ пещеры своей, возводятъ вдругъ очи свои на лучезарное и пламенное дня свѣтило.

Вождь

Вождь *Морвена*! рекла прекрасная, дозволь мнѣ сокрыться въ убѣжище корабля твоего, дозволь удалиться отъ любви и гоненій *Корла*. Онъ для *Инибакки* ужасенъ и нестерпимъ, яко громъ пустыней; онъ меня любитъ, и сей гордый и свирѣпый Герой шествуетъ провождаемъ десятью тысящами копій.

Почій мирно и безъ страха, рекъ мужественный *Тренморъ*, успокойся, покровенна щитомъ отцевъ моихъ: я презираю тысящи грозныхъ копій, и ты не узришь меня бѣгуща отъ сопостатовъ.

Три дни равно ожидалъ онъ на брегѣ: его труба гремя во знакъ брани разносила на холмахъ ужасные звуки; она призывала *Корла* къ сраженію. *Корлъ* не является, тогда *Локлинскій* владыка низшелъ на брегъ, устроилъ торжественное для *Тренмора* пиршество, и вручилъ ему сію прелестную.

*Свиранъ*! рекъ *Фингалъ*, кровь твоя течетъ въ твоемъ сопостатѣ. Часто наши предки другъ другу противоборствовали; желаніе славы и любовь къ бранноносымъ подвигамъ воспламеняли ихъ враждою, но еще чаще угощали они другъ друга веселыми пиршествами и вѣнчали дружества чашу во время тишины и мира. . . . Да лучь радости озаритъ твое мрачное лице, да будетъ слухъ твой чувствителенъ ко звучнымъ и стройнымъ арфамъ; твое мужество и сила вос-

кри-

крилялись на поляхЪ нашихЪ сЪ крѣпостію, сЪ какою грозная буря распростирается надЪ морями. ГласЪ твой гремѣлЪ, яко гласЪ тысящи ратниковЪ, грядущихЪ ко брани. Заутра возвысь и разшири твои парусы, о достойный братЪ *Агандеки*! часто блистающій образЪ ея представляется вЪ смущенной и печальной душѣ моей. Я видѣлЪ, какЪ проливалЪ ты слезные токи о любезной сестрѣ своей; я пощадилЪ тебя вЪ чертогахЪ *Старна*, когда мечь мой дымился кровію, и когда очи мои наполнялись слезами. Или хочешь ты сразиться? Я почту тебя избраніемЪ оружія, какЪ предки твои почтили *Тренмора*; я хочу, чтобЪ возвратился ты отЪ сихЪ предѣловЪ блистающЪ полною и лучезарною славою, какЪ солнце нисходящее кЪ западу.

НѣтЪ, о владыка *Морвена*! нѣтЪ, никогда *СваранЪ* сЪ тобою не сразится. Я видѣлЪ тебя вЪ чертогахЪ *Старна*, и ты былЪ мнѣ равнолѣтенЪ. Когда, говорилЪ я во глубинѣ моего сердца, когда воздвигну я копіе сЪ такою же крѣпостію и мужествомЪ, какЪ знаменитый *ФингалЪ*? Послѣ противоборствовалЪ я тебѣ на покатѣ высокаго *Мальмора*. НаконецЪ мои волны пренесли меня кЪ твоимЪ чертогамЪ, и ты угостилЪ меня пиршествомЪ гостепріимства. Сраженіе на *Мальморѣ* было достопамятно и славно. Да устами БардовЪ пренесется ко временамЪ гря-

грядущимЪ знаменитое имя побѣдителя. *Фингалъ*! многіе корабли мои лишилися ратоборцевЪ своихЪ: прими сіи корабли, и буди другомЪ *Сварану*: и когда сыны твои прилутЪ кЪ древнимЪ башнямЪ *Гормала*, я уготоваю для нихЪ торжественное празднество, и предложу имЪ бранноносные подвиги.

*ФингалЪ*, отвѣчалЪ *Морвенскій* владыка, *Фингалъ* не пріиметЪ кораблей твоихЪ, ни твоихЪ земель. МнѢ довольно моихЪ областей, моихЪ лѢсовЪ, и пасущихся вЪ нихЪ ланей. Востеки на волны, великодушный другЪ и братЪ *Агандеки*; представь твои простертые парусы свѢтоносным̃Ъ лучамЪ восходящаго утра, и возвратися кЪ горамЪ *Гормальскимъ*.

Владыка торжествЪ и пиршествЪ! рекЪ *СваранЪ*, мирЪ и щастіе благотворительной душѢ твоей: се рука моя во знакЪ дружества, о непобѢдимый и великодушный *ФингалЪ*! да восплачутЪ твои Барды о пораженныхЪ моихЪ ратникахЪ, и страна *Эринская* да воспріиметЪ вЪ свои нѢдра воителей холмистаго *Локлина*, и пусть возвышенные надЪ гробами ихЪ камни свидѢтельствуютЪ о ихЪ славѢ, чтобЪ чада Норда могли вЪ поздныя времена познать мѢста, знаменитыя противоборствіемЪ ихЪ предковЪ. ЗвѢроловецЪ, оершись на гробы ихЪ, одѢянные мохомЪ, скажетЪ: здѢсь ратоборствовали *ФингалЪ* и *Сва-*

*Сваранъ*, Герои временъ претекшихъ. Тако онъ речетъ о насъ, и наша слава не умолкнетъ вѣчно.

*Сваранъ*! отвѣтствуетъ *Морвенскій* вождь, нынѣ слава наша въ полномъ своемъ блескѣ. Но мы прейдемъ, мы исчезнемъ, яко сонныя мечты; безмолвіе воцарится на поляхъ подвиговъ нашихъ; гробы наши сокроются подъ терніемъ; звѣроловецъ не узнаетъ, гдѣ мы почіемъ сномъ вѣчности; наши имена возгласятся устами Бардовъ, но крѣпость мышцей нашихъ уничтожится. *Оссіанъ*, *Карриль*, *Уллинъ*! вы носите въ памяти вашей дѣянія преждебывшихъ Героевъ: прославьте подвиги временъ претекшихъ, усладите пѣніемъ вашимъ скучную долготу ночи, и пусть румяная заря при своемъ востаніи увидитъ насъ еще въ радости.

Мы воспѣли, и сто арфъ соединяли свои струны съ гласами Бардовъ. Мрачное лице *Сваранова* озарилось: тако блистаетъ круглый шаръ луны, когда разгонятся облаки, и она едина въ полномъ сіяніи лучей своихъ шествуетъ спокойна посреди небесной тверди.

*Карриль*! вѣщаетъ тогда *Фингалъ*, гдѣ храбрый *Кушуллинъ*? Или мужественный сынъ *Сема* удалился во мрачную пещеру *Туры*?

Такъ, отвѣтствуетъ *Карриль*, *Кушуллинъ* возлегъ въ пещерѣ *Туры*, возложа десницу

ницу на ужасный свой мечь, и непрестанно помышляя о кровавомЪ полѢ, гдѢ измѢнила ему побѢда. Уныніе и скорбь обладаетЪ душею Героя сего, толико привыкшаго кЪ побѢдамЪ. ОнЪ посылаетЪ мечь свой кЪ тебѢ; онЪ хочетЪ, чтобЪ сіе оружіе почило о страну *Фингала*, единымЪ своимЪ дуновеніемЪ разсѢявшаго полки противныхЪ. Пріими ратоборца сего мечь, о *ФингальЪ*! слава его изчезла, яко дымЪ легкій предЪ лицемЪ бурныхЪ вихрей, устремленныхЪ на долину.

НѢтЪ, я не приму его меча. *КушуллинЪ* знаменитЪ во бранѢхЪ. Скажи ему, что вѢчно слава его не погибнетЪ. Вселенная зрѢла тысящу побѢжденныхЪ ГероевЪ, исходящихЪ паки сЪ честію на кровавыя поля славы.

Уничтожь печаль твою, о *СваранЪ*! Слава побѢжденныхЪ, естьли они мужественны и великодушны, не погибаетЪ вѢчно. Солнце скрываетЪ иногда лучезарную главу свою вЪ облакахЪ полдневныхЪ, но скоро является оно сЪ большимЪ блескомЪ на холмахЪ высокихЪ.

*ГрумалЪ* былЪ вождь *Коны*; по всѢмЪ странамЪ искалЪ онЪ бранноносныхЪ подвиговЪ. Кровавые токи утѢшали его сердце, и слухЪ его восхищался звукомЪ оружія, какЪ стройнымЪ гласомЪ арфы; онЪ низшелЪ сЪ своими ратоборцами на брега *Краки*.

Царь страны сея исходитъ тогда изъ лѣсовъ, гдѣ проливалъ онъ мольбы свои предъ *камнемъ могущества* посреди круга (а) *Брунка.*

Герои сіи сразились тогда съ невѣроятною свирѣпостію. И кто виною сего ужаснаго противоборствія? Нѣкая прелестная красота, которыя слава достигла до слуха *Грумалова*; онъ положилъ обѣтъ похитить сію младую дѣвицу, или погибнуть. Три дни свирѣпствовало кровопролитное сраженіе, и въ день четвертый *Грумалъ* побѣжденъ, и обремененъ оковами.

Побѣдитель удалилъ его отъ своихъ сподвижниковъ и друзей, и заключилъ въ ужасное огражденіе *Брунка*, гдѣ, какъ повѣствуютъ, страшные мрачныхъ призраковъ крики и вопли разносились вокругъ *камени могущества*; но вскорѣ Герой сей является паки знаменитъ и величественъ. Его сопостаты упадаютъ отъ крѣпости мышцы его, и *Грумалъ* облекся во все блистаніе прежней своей славы.

Пѣвцы, гласящіе о дѣяніяхъ временъ протекшихъ! наполните воздухъ похвалами Геро-

---

(а) Здѣсь намекаетъ *Оссіанъ* о богослуженіи Царя *Кракскаго*. Мы уже сказали прежде, что чрезъ *камень могущества* разумѣетъ *Оссіанъ* изображеніе нѣкоего божества, а чрезъ *кругъ*, каменное огражденіе, гдѣ приносимы были жертвы.

роевъ. Утишите движенія души моей сладостнымъ повѣствованіемъ о ихъ подвигахъ; извлеките печаль изъ томнаго сердца *Локлинскаго* владыки. — *Фингалъ* и *Сваранъ* возлегли на холмахъ *Моры*; окрестъ ихъ свистятъ вѣтры. Сто гласовъ возвышаются, и столько же арфъ гремятъ славу Героевъ, сокрытыхъ во мрачномъ гробѣ.

Когда слухъ мой услышитъ пѣсни Бардовъ? Когда сердце мое взыграетъ радостію, изліянною гласомъ, вѣщающимъ подвиги отцевъ моихъ? Лѣса великолѣпныя *Сельмы* не гремятъ уже струнами арфы; холмъ *Коны* уже не отвѣчаетъ на сладостные звуки Бардовъ; они спятъ во гробѣ съ Героями, и слава безмолвствуетъ въ пустыняхъ *Морвена*.

Уже востающаго утра свѣтъ исходитъ отъ востока, и начинаетъ озарять скользкую главу *Кромлы*. Труба *Сваранова* услышалась на поляхъ *Лены*, его ратоборцы стекаются вокругъ его. Печальны и безмолвны восходятъ они на корабли свои. Вѣтры со бреговъ *Уллина* возвѣяли въ ихъ парусы; и они плывутъ уже по водамъ Океана.

Призовите, рекъ *Фингалъ*, призовите моихъ псовъ быстротечныхъ, *Бранна* и гордаго *Луата*. *Филланъ*, *Рино*! . . . Ахъ! но *Рина* уже нѣтъ! мой сынъ покоится на одрѣ смерти! *Филланъ*, *Фергъ*! вострубите въ рогъ *Фингаловъ*, да на звукъ его устремят-

ся восхищенные радостію звѣроловцы, и елень да вострепещетъ при брегѣ озера.

Звуки рога уже разносятся въ лѣсахъ; ратоборцы шествуютъ, тысяща легкихъ псовъ текутъ предъ ними. Каждый песъ достигаетъ и уловляетъ серну; три учинились корыстію *Бранна*. Сей вѣрный песъ, желая возвеселить унылую душу *Фингала*, несетъ ихъ къ стопамъ его еще дышущихъ; но къ нещастію одна изъ нихъ издыхаетъ на гробѣ юнаго *Рина*. Тогда печаль умножилась въ сердцѣ *Фингала*; онъ увидѣлъ хладный и молчащій камень, покрывающій младаго сего бранноносца, котораго зрѣлъ онъ всегда предшественникомъ звѣроловцевъ. — Ты уже не востаешь, сынъ мой! чтобъ участвовать въ нашихъ пиршествахъ. Скоро уже гробъ твой сокроется подъ густотою злачныя травы. Безсильный прейдетъ по сему камени, и не узнаетъ, что сокрытъ подъ нимъ знаменитый подвижникъ.

*Оссіанъ*, *Филланъ*, любезныя мои чада, и ты, *Галлъ*, безтрепетный ратоборецъ! внидемъ въ пещеру *Туры*, и потщимся обрѣсть мужественнаго *Кушуллина*. Это ли чертоги *Туры*, зримые издалече мною? Ахъ! они уже ничто, какъ пространная пустыня. Царь пиршествъ обремененъ печалію, и его чертоги опустѣли: потечемъ утѣшить *Кушуллина*, и радость нашу излiемъ въ его душу. Но, *Филланъ*, не *Кушуллина* ли вижу я

на

на холмѣ, или это столпъ тумана? *Кромлскіе* вѣтры, стремясь въ лице мое, воспящаютъ мнѣ познать моего друга.

*Фингалъ*! отвѣчаетъ *Филланъ*, ты зришь храбраго сына *Семова*: онъ шествуетъ печаленъ и мраченъ, возложа десницу на рукоять своего меча. — Здравіе сыну брани, Герою разрушающему крѣпкіе щиты!

Здравіе мужественному *Филлану*! отвѣтствуетъ *Кушуллинъ*, здравіе всѣмъ чадамъ *Морвенскимъ*! *Фингалъ*! твое присутствіе восхищаетъ меня радостію: звѣроловецъ, скитающійся на *кромлѣ*, не съ толикимъ веселіемъ усматриваетъ возникшее между облаками блистательное свѣтило, котораго сокрытіе погружало его въ уныніе. Твои чада ничто, какъ толикое же число сіяющихъ звѣздъ, которые сопутствуютъ твоему теченію и блистаютъ посреди бурныхъ сраженій. *Фингалъ*! не таковымъ ты зрѣлъ меня грядуща побѣдоносно послѣ брани пустынной, когда владѣтель (6) вселенныя бѣжалъ отъ лица моего, и когда возводилъ я пріятную тишину и спокойствіе на холмы наши.

*Кушуллинъ*! (рекъ *Коннанъ*, воитель безсильный и безславный) ты всегда хвалился предъ нами твоимъ мужествомъ и бодростію: гдѣ нынѣ сокрылися подвиги, толико



(6) *Оссіанъ* и всѣ тогдашняго времени Барды называли именемъ симъ Римскихъ Императоровъ.

ко почтившие и прославившие твое оружіе? Для чего мы преплыли волны Океана, стремясь на помощь твоему безсилію и слабости? Бѣги, спѣши, сокрой твою печаль во мрачной пещерѣ тогда, когда храбрый *Коннанъ* сражается вмѣсто тебя. Оставь сіи оружія, уступи ихъ мнѣ, слабый защитникъ *Эрина*.

Никогда, отвѣтствуетъ сынъ *Семовъ*, никогда еще Герой не покушался похитить оружія *Кушуллинова*; и естьли бы тысяща соединенныхъ бранноносцевъ дерзнули на сей подвигъ, всѣ бы ихъ усилія были тщетны. Надмѣнный юноша! я не скрывалъ моей печали въ пещерѣ, доколѣ ратоборцы *Эринскіе* не пали еще бездыханны въ поляхъ славы.

Умолкни юноша, рекъ *Фингалъ Коннану*; *Кушуллинъ* ужасенъ во бранѣхъ, и знаменитъ въ пустыняхъ *Морвена*. Такъ, вождь *Инисфала*, многократно слухъ мой внималъ съ пріятностію похваламъ твоихъ мужественныхъ подвиговъ. Разширй твои парусы, лети къ острову тумановъ, и стремися въ объятія твоей супруги. *Брагела*, проливая слезы и опершись о твердый камень, стоитъ ожидая тебя; ея долгіе власы развѣваются дуновеніемъ вѣтровъ и обнажаютъ прекрасную грудь ея. Она склоняетъ слухъ свой къ дыханію ночныхъ вѣтровъ, чтобъ услышать пѣніе твоихъ гребцовъ, и отдаленные звуки арфы твоей, разливающіеся по волнамъ Океана.

Ея

Ея надежда тщетна: вѣчно *Кушуллинъ* не возвратится въ *Дунскалъ*. Какъ я дерзну видѣть еще *Брагелу* и пренести унынїе и печаль въ ея сердце? *Фингалъ*! я всегда возвращался торжествуя. — И ты еще будешь побѣдителемъ, рекъ *Фингалъ*; слава *Кушуллинова* еще возрастетъ яко многочисленныя вѣтви древа, стоящаго на *Кромлѣ*; другїя сраженїя тебѣ готовятся, и неоднократно еще твоя десница пагубоносна будетъ сопостату. *Оскаръ*! принеси къ намъ серну и уготови пиршество. Утѣшимъ себя веселїемъ послѣ грозныхъ опасностей, и пусть наши друзья участвуютъ въ радости нашей.

Мы возсѣли пиршествовать. Мы возвысили пѣсни веселїя. Душа *Кушуллинова* оживляется и востаетъ отъ глубокаго унынїя. Его мышца прежнюю воспрїемлетъ крѣпость и его лице озаряется веселїемъ. *Уллинъ* пѣлъ, и стройные звуки мудраго *Карриля* также были слышны. Я самъ, я соединялъ иногда гласъ мой съ голосами Бардовъ. Я пѣлъ гремящїя сраженїя и брани, гдѣ часто мечь мой блисталъ смертоносными ударами. . . . Но нынѣ я уже не ратоборствую. Слава первыхъ моихъ подвиговъ изчезла; печаленъ и забвенъ всѣми, сижу я на гробѣ моихъ друзей и сподвижниковъ.

Тако ночь прешла въ гремящихъ пѣснѣхъ, и востающее утро узрѣло насъ въ радости.

*Фингалъ* востаетъ, и потрясаетъ блистательнымъ своимъ копіемъ. Онъ шествуетъ къ полямъ *Лены*, мы ему сопутствуемъ. Распространите мои парусы, вѣщаетъ владыка, и воспользуемся благопріятнымъ симъ вѣтромъ, дышущимъ со бреговъ *Лены*. Мы восходимъ на корабли, услаждаясь пѣніемъ, и торжествуя разсѣкаемъ мы пѣнистыя волны Океана.

---

# КОМАЛА

## *ПОЭМА ДРАМАТИЧЕСКАЯ.*

### Содержаніе.

Основаніе сей поэмы совершенно историческое. *Комала*, дщерь *Сарна*, Государя *Инисторскаго*, или островоВъ *Аркадскихъ*, возчувствовала любовь къ *Фингалу*. Ея страсть была столь сильна, что принудила ее переодѣться въ одежду младаго ратника, чтобъ слѣдовать за *Фингаломъ*. Она скоро узнана была *Гидалланомъ*, однимъ *Фингалова* воинства полководцемъ, котораго любовь она презрѣла. *Фингалъ* намѣренъ былъ въ слѣдующій день соединиться съ нею брачными узами; но вдругъ сказываютъ ему о набѣгѣ *Каракула*: онъ идетъ противъ непріятеля, сопровождаемъ будучи *Комалою*. Исходя на сра-

сраженіе, оставилъ онъ ее на холмѣ, обѣщаясь возвратиться къ ней въ тотъ же вечеръ, естьли судьба войны не прекратитъ его жизни. Онъ преодолѣлъ непріятеля, и посылаетъ *Гидаллана* возвѣстить *Комалѣ* о скоромъ его возвращеніи. Но сей, пылая мщеніемъ за презрѣніе къ себѣ *Комалы*, увѣдомляетъ ее, что ея любовникъ убитъ. Между тѣмъ, какъ нещастная *Комала* погружается въ глубочайшую печаль, *Фингалъ* приходитъ. Она не смѣетъ вѣрить въ томъ своимъ глазамъ, и думаетъ, что это тѣнь *Фингалова*. Но удостовѣрясь, что его самаго видитъ, умираетъ она отъ восхитительной и чрезмѣрной радости. *Каракулъ*, о которомъ здѣсь упоминается, есть тотъ *Каракалла*, сынъ *Септима Севера*, которой въ 211 году воевалъ противъ Каледонянъ.

---

## ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

*ФИНГАЛЪ.*

*КОМАЛА*, дочь Сарна, Государя Инисторскаго, любовница Фингалова.

*ГИДАЛЛАНЪ*, сынъ Ламора, нещастный любовникъ Комалы.

*ДЕЗАГРЕНА* и *МЕЛИЛЬКОМА*, дочери Морнія, спутницы и подруги Комалы.

*БАРДЫ.*

*ДЕЗАГРЕНА.*

Ловитва звѣрей уже окончалась. Уже на *Арвенѣ* ничего не слышно, кромѣ шуму источниковъ. Дщерь *Морнія!* гряди со бреговъ *Кроны*, оставь твой лукъ и стрѣлы, прими твою арфу, да начнутся радостныя наши пѣсни съ началомъ ночи, и холмы сіи да возгремятъ стройнымъ оныхъ гласомъ.

*МЕЛИЛЬКОМА.*

Ночь нисходитъ, ея мрачный покровъ простирается на поле. Серна покоилась на брегѣ источника *Кроны*. Во мракѣ я почла ее за малый бугоръ, покрытый мохомъ; но вдругъ увидѣла ее скачущу и сокрывшуся отъ моего взора. Воздушное нѣкое явленіе играло между вѣтвями рогъ ея, и привидѣнія уклоняли злопредвѣщательныя главы свои на край облаковъ своихъ.

*ДЕЗАГРЕНА.*

Ахъ! это предзнаменованія смерти *Фингаловой*. Царь щитовъ поверженъ, и *Карахулъ* торжествуетъ! Востани *Комала*, сниди съ каменистыхъ холмовъ: дщерь *Сарна!* востани, и пролей источники слезъ; уже нѣтъ твоего юнаго любовника, и его тѣнь странствуетъ на холмахъ нашихъ.

*МЕЛИЛЬКОМА.*

Воззри, *Комала* возсѣла и погрузилась въ отчаяніе. Два сѣрые ловчіе пса потрясаютъ близъ ея подъятыми своими ушами, дыша

бѣг-

бѣглымъ вѣяніемъ зефира. Горящая ланита *Комалы* уклонилась на длань ея, и горный вѣтръ играетъ въ ея власахъ. Она прекрасныя свои очи обращаетъ къ полямъ, съ которыхъ ея любовникъ обѣщалъ къ ней возвратиться прежде окончанія дневнаго. Но увы! ночь сгустилася вокругъ насъ; *Фингалъ*! гдѣ ты? гдѣ ты, о *Фингалъ*?

*КОМАЛА.*

Быстротечный источникъ *Каррона*! для чего стремишь ты кровавыя волны? Громъ сраженія слышанъ ли былъ на брегахъ твоихъ? Покоится ли владыка *Морвена*? О луна, дщерь небесъ! востани, проникни лучемъ твоимъ облако тебя покрывающее; пусть оружіе моего любовника блистаетъ среди ночи; или пусть воздушное явленіе, озаряющее тѣни предковъ нашихъ, являетъ багровый свой свѣтъ, и предшествуетъ мнѣ къ мѣстамъ, гдѣ Герой мой поверженъ въ объятіе смерти. . . . Кто защититъ меня отъ скорбной печали? Кто меня защититъ отъ любви *Гидаллана*? . . . И такъ я уже не узрю *Фингала*, блистающа среди полковъ своихъ, какъ блистаетъ первый дневный лучь сквозь облако, несущее дождь весенняго утра.

***ГИДАЛЛАНЪ**, посланный Фингаломъ возвѣстить Комалѣ о его къ ней возвращеніи.*

Мрачный печальныя *Кроны* туманъ! востани, сокрой въ твоихъ объятіяхъ ловца

звѣрей; сокрой отъ очей моихъ слѣды стопъ его. Томимъ печалію я желаю, да и память о другѣ моемъ загладится въ моихъ мысляхъ. Воители разсѣяны, Герои уже не тѣснятся окрестъ его щита. О *Карронъ*! стреми кровавыя струи: вождь народа уже поверженъ.

КОМАЛА.

Какой убо Герой палъ на брегахъ *Каррона*? Сынъ ночи! былъ ли онъ бѣлъ, какъ снѣгъ *Арвена*, блистателенъ, какъ дождевая радуга? Его мягкіе и кудрявые власы подобились ли туману холма, разсыпающемуся отъ лучей солнца? Тако ли въ сраженіяхъ былъ онъ страшенъ, какъ небесная молнія, и быстръ, какъ пустынная серна?

ГИДАЛЛАНЪ.

Ахъ! для чего не могу я видѣть его возлюбленной, склонившейся на камень холма? почто не вижу очей ея орошенныхъ слезами, ея горящихъ ланитъ, до половины сокрытыхъ въ густотѣ ея власовъ? Лети, сладостный зефиръ, лети и возвѣвай густые власы любезныя сея дѣвицы; обнажи очамъ моимъ рамена ея, подобныя бѣлизною алебастру; открой ея ланиты, краснѣющіяся отъ сѣтованія и печали.

КОМАЛА.

И такъ нѣтъ уже сына *Комгалова*, о злополучный для меня вѣстникъ! . . . Ужасный громъ стремится надъ горою; молнія ле-

летаетъ на огненныхъ своихъ крилахъ. Но кто можетъ устрашить *Комалу*, когда нѣтъ уже ея *Фингала*? Вѣщай жестокой, уже ли тотъ сраженъ, кто разрушалъ крѣпкіе щиты?

*ГИДАЛЛАНЪ.*

Народы разсѣяны на ихъ холмахъ; они уже не слышатъ гласа вождя своего.

*КОМАЛА.*

Да поженетъ и постигнетъ тебя нещастіе на поляхъ твоихъ, о гордый Царь міра (a)! да устремится на главу твою все разрушающая гибель, и пусть первыя стопы твои срѣтятъ предъ собою мрачность гроба; пусть драгая твоя любовница рыдая изліетъ духъ свой среди прекраснаго жизни своей утра, подобно мнѣ нещастной *Комалѣ*. *Гидалланъ*! для чего ты мнѣ возвѣстилъ смерть Героя, толико мною любимаго? Я бы еще нѣсколько времени ожидала его возвращенія; я мечтала бы, что вижу его на отдаленномъ камени. Видъ какого нибудь древа могъ бы очи мои обольстить, и шумъ вѣтровъ могъ бы изображать слуху моему страшные звуки его рога, зовущаго ко брани.... Ахъ! для чего я удалена отъ бреговъ *Каррона*! мои горячія слезы произвели бы животворный огонь во хладныхъ его ланитахъ.

*ГИ-*

---

(a) Императоръ *Северъ*, отецъ *Каракаллы*, пославшій сына своего съ оружіемъ противъ *Каледонянъ*.

*ГИДАЛЛАНЪ.*

Онъ почіетъ не на брегахъ *Каррона*; на *Арвенѣ* возвышаютъ ему гробницу его ратники. О луна! сквозь облачныя твои тѣни озаряй его своими лучами; озаряй перси *Фингаловы*; да при твоемъ свѣтѣ возможетъ еще *Комала* узрѣть его блистательное оружіе.

**КОМАЛА**, *обращаясь къ тѣмъ, которыхъ мечтала она видѣть несущими тѣло Фингалово.*

Остановитесь, чада гроба! стойте, я еще хочу въ послѣдній разъ видѣть моего любезнаго. Увы! на ловитвѣ звѣрей онъ меня оставилъ едину; я не знала, что онъ шествовалъ на поле брани: онъ увѣрилъ меня, что возвратится при захожденіи дневнаго свѣтила; и се тако возвращается ко мнѣ владыка *Морвена*! . . . Печальный житель пещеры (6)! для чего не предрекъ ты мнѣ его паденія? Ты, предвидя будущее, зрѣлъ юнаго Героя, плавающаго въ крови своей; и ты сего не возвѣстилъ *Комалѣ*.

*МЕ.*

---

(6) Изъ сего видно, что въ началѣ царствованія *Фингалова* находилисъ еще нѣкоторые изъ Друидовъ, изъ которыхъ одного спрашивала *Комала* объ окончаніи войны противу *Каракаллы*. Она его называетъ *чадомъ* или *жителемъ пещеры*; потому что секта Друидовъ была разрушена, а оставшіеся удалилисъ въ разсѣлины горъ и въ пещеры.

МЕЛИЛЬКОМА.

Какой шумный звукЪ слышу я на *Арвенѣ*? . . . Какіе воители движутся и блистаютЪ вЪ долинѣ, подобно возвышеннымЪ рѣки волнамЪ при сіяніи лунномЪ?

КОМАЛА.

И кто другой, какЪ не сопостатЪ *Комалы*, сынЪ Царя вселенныя?

Тѣнь *Фингала*! изЪ среды твоего облака направь стрѣлу *Комалы*, да падетЪ *КаракулЪ*, поверженЪ ею, какЪ пустынный заяцЪ. . . . Но это *ФингалЪ*, провождаемый тѣнями своихЪ праотцевЪ. О любезный мой! для чего тѣнь твоя грядетЪ устрашить, и купно утѣшить мою прискорбную душу?

ФИНГАЛЪ.

Барды! возгласите повсюду громкія ваши пѣсни, прославляйте сраженіе при *Карронѣ*. *КаракулЪ* побѣгЪ отЪ лица моего на полѣ, гдѣ гордость его ожидала себѣ несомнѣннаго торжества. ОнЪ побѣгЪ отЪ лица моего, какЪ воздушное явленіе, скрывающее вЪ нѣдрѣ своемЪ призракЪ ночи, когда вѣтры гонятЪ его вЪ пустыню, и когда бѣглый его блескЪ отражается мрачными окрестными лѣсами. . . . Я слышу тихій и пріятный гласЪ, подобный жалобамЪ зефира на холмахЪ моихЪ. Уже ли то ловительница звѣрей *Коны*, дщерь *Сарнова*? Сниди сЪ твоихЪ камней, моя любезная, да усладитЪ меня голосЪ *Комалы*.

КО

КОМАЛА, *мечтая, что она говоритъ тѣни Фингаловой.*

Тѣнь дражайшая! неси меня въ пещеру, въ которой ты покоишься.

ФИНГАЛЪ.

Гряди въ пещеру, гдѣ я почиваю отъ трудовъ моихъ, гряди. . . Буря уже престала, и солнце позлащаетъ наши поля; гряди любезная ловительница звѣрей *Коны*.

КОМАЛА, *узнавъ Фингала.*

Такъ! это онъ, онъ со славою возвратился. Я осязаю руку, толикими побѣдами прославленную. . . Но я чувствую, мнѣ нужно успокоеніе, довольно мнѣ удалиться, и опочить позади сего камня; позволь, да возмущенная душа моя воспріиметъ силы, отъятыя грознымъ ужасомъ. А вы дщери храбраго *Морнія*, приближьтеся съ вашими арфами, да пѣсни ваши наполнятъ воздухъ пріятными звуками.

ДЕЗАГРЕНА.

Три серны пали отъ стрѣлъ *Комалы*; пламень возвышается на холмѣ. Гряди, Царь *Морвена*; гряди къ пиршеству *Комалы*.

ФИНГАЛЪ.

И вы, чада согласія, воспойте вы сраженіе при *Карронѣ*, возвратите радость сердцу моей возлюбленной, тогда, какъ я буду утѣшаться ея пиршествомъ.

БАРДЫ.

Стреми, быстротечный *Каррон*, стреми радости твои волны. Сопостаты обращены въ бѣгство, быстрые ихъ кони уже не попираютъ полей нашихъ, гордый ихъ орелъ простретъ полетъ свой надъ другими странами. Лучезарное дня свѣтило будетъ впредь озарять насъ мирнымъ и спокойнымъ блескомъ; веселіе купно съ тѣнями ночи будетъ нисходить во глубину моря. Мы не услышимъ ничего, кромѣ крику ловцевъ, и щиты наши будутъ висѣть на стѣнахъ чертоговъ нашихъ. Естьли мы еще ополчимся, такъ будетъ то противу чадъ Океана, и брань сія будетъ намъ утѣхою, и мы десницы свои омыемъ кровію чадъ *Локлинскихъ*. Быстротекущій *Карронъ*! стреми радостно твои волны. Сопостаты обращены въ бѣгство.

**МЕЛИЛЬКОМА**, *примѣтя, что Комала умираетъ отъ восхитительной радости.*

Спуститесь легкіе туманы, и ты, луна, ты дѣвическими и стыдливыми своими лучами вознеси на облаки душу ея; она почила на камени блѣдна и бездыханна. . . *Комала*! . . . она уже скончалась.

ФИНГАЛЪ.

Такъ въ объятіяхъ уже смерти дщерь *Сарнова*, моя любовь и радость? Приди по-

сѣтить меня нѣжная *Комала*, приди, когда я буду одинъ на брегѣ моихъ источниковъ.

***ГИДАЛЛАНЪ***

И такъ уже не слышимъ мы восхитительнаго гласа любезной дѣвицы, привыкшей гонять звѣрей на холмахъ *Коны*? Почто печальною вѣстію поразилъ я сердце ея? Я не буду уже имѣть утѣшенія видѣть ее на ловитвѣ, бѣгущую во слѣдъ быстрой лани.

***ФИНГАЛЪ.***

Юный ратникъ, котораго мрачный взоръ являетъ омраченную душу! ты уже не будешь засѣдать при моихъ пиршествахъ, и ловить со мною звѣрей пустынныхъ; мои враги уже не падутъ отъ твоихъ смертоносныхъ ударовъ. . . . (в) Предшествуй мнѣ къ печальному мѣсту, гдѣ почила моя возлюбленная, да еще узрю красоту ея. Се она простерта на камени бездыханна: хладное вѣяніе вѣтровъ подъемлетъ ея прелестные власы, и звучитъ струною ея лука. Ея стрѣла переломилась подъ тяжестію ея тѣла. Воспойте похвалу дщери *Сарновой*; пусть отзывы холмовъ повторяютъ всечасно имя *Комалы*.

***БАРДЫ.***

Воззрите на воздушные огни, стремящіеся вокругъ сей нещастной: видите, какъ непо-

(в) Мы увидимъ въ слѣдующей поэмѣ послѣдствіе *Гидиллановой* исторіи.

порочная душа ея подъемлется въ высоту на лучахъ лунныхъ. Уклоншися взираютъ къ ней тѣни ея предковъ, тѣни непобѣдимаго *Сарна*, и пламеновиднаго *Фидаллана*. Когда твои прелестные персты будутъ перебѣгать по струнамъ арфы? Когда твой сладостный голосъ услышится на холмахъ нашихъ? Твои спутницы будутъ искать тебя въ пустыни, и онѣ тебя не найдутъ. Ты будешь имъ иногда являться въ сонныхъ мечтаніяхъ, и чрезъ то мирнымъ спокойствіемъ усладишь сердце ихъ и душу. Твой голосъ долго будетъ слышаться въ ихъ ушесахъ, и онѣ съ радостію воспомянутъ о сонныхъ своихъ мечтахъ. Воззрите на воздушные огни, летающіе вокругъ сей нещастной; воззрите, какъ непорочная душа ея подъемлется въ высоту на свѣтоносныхъ лучахъ лунныхъ.

---

## СРАЖЕНІЕ съ КАРОСОМЪ.

### *ПОЭМА.*

### Содержаніе.

Каросъ славный похититель, извѣстный въ исторіи подъ именемъ *Каравсіуса*. Въ 284 году объявилъ онъ себя Императоромъ, овладѣлъ Британскими островами, и одержалъ многія на морѣ побѣды противъ Императора *Максиміана Геркула*; и сіе безъ

сомнѣнія было причиною, что *Каледоняне* назвали его Царемъ кораблей. Онъ возобновилъ славную *Агриколову* стѣну, о которой говорили мы въ предувѣдомленіи, сооруженную съ тѣмъ, чтобъ служила она защитою отъ нападеній Каледонянъ. Кажется, что въ то самое время, когда старался онъ возобновить сію стѣну, напалъ на него съ частію войска знаменитый *Оскаръ*. Сіе-то сраженіе служитъ содержаніемъ сей поэмы, посвященной *Мальвинѣ*, дочери *Тоскаровой*.

---

Дщерь *Тоскарова*! принеси мнѣ арфу. Желаніе пѣть озаряетъ, какъ свѣтоносной лучь, томную мою душу: душа моя печальна, какъ равнина, когда міракъ ночи покрываетъ окрестные холмы и разстилается на поляхъ, озаряемыхъ прежде солнцемъ. О *Мальвина*! близъ камня *Кроны* я вижу тѣнь моего сына . . . Но это не что, какъ тонкій паръ, освѣщаемый послѣдними лучами запада. Коль пріятно мнѣ облако, обольщающее взоры мои во образѣ *Оскара*! Удалитесь отъ него нагльые вѣтры, звучащіе на высотѣ *Арвена*. Кто сей почтенный сѣдинами, шествующій къ моему сыну, и котораго слышу я слабый голосъ? Жезлъ въ его десницѣ подкрѣпляетъ дрожащія стопы его, бѣлые власы развѣваются по его раменамъ, величественная и благородная радость блистаетъ на челѣ его. Онъ часто обращаетъ взоры свои къ воителямъ

лямЪ *Кароса*. Это *Рино*, знаменитый пѣвецЪ; онЪ соглядалЪ движенія сопостатовЪ: пѣвецЪ предтекшихЪ временЪ! рекЪ ему сынЪ мой, вѣщай, что дѣлаетЪ *КаросЪ*? Царь кораблей распростираетЪ ли крилѣ своего гордаго орла?

ТакЪ, любезный *ОскарЪ*, онЪ ихЪ распростираетЪ, но позади сихЪ возвышенныхЪ камней (а); онЪ трепещетЪ, взирая сЪ высоты сего твердаго оплота; онЪ тебя видитЪ, и ты поражаешь его такимЪ же страхомЪ, какимЪ поражаетЪ грозная тѣнь, нисходящая во время ночи и устремляющая волны противу его кораблей. Гряди, вождь моихЪ БардовЪ, отвѣчалЪ *ОскарЪ*, прими копіе *Фингалово*, вонзи на остріи его воспламененный уголь, и вращай копіе сіе вЪ высотѣ воздушной (б); скажи *Каросу*, чтобЪ оставилЪ онЪ брега Океана и шествовалЪ ко мнѣ; скажи ему, что я горю пламенемЪ сраженія и брани, что мой лукЪ и стрѣлы утомлены ловитвою звѣрей; возвѣсти ему, что нѣтЪ со мною храбрыхЪ моихЪ сподвижниковЪ, что я младЪ, и десница моя слаба и безсильна.

Возвыся пѣсненный гласЪ, БардЪ отходитЪ. *ОскарЪ* взываетЪ кЪ своимЪ ратникамЪ.



(а) Стѣна, *Агриколою* воздвигнутая, которую *Каравзій* возобновлялЪ.

(б) ТакимЪ образомЪ Каледоняне обЪявляли войну своимЪ непріятелямЪ.

камЪ. ГласЪ его гремитЪ вЪ ихЪ ушесахЪ; какЪ шумЪ пещеры, вЪ которой повторяются грозные звуки стремительныхЪ волнЪ. Они соединяются окрестЪ моего сына подобны источникамЪ, которыхЪ надмѣнныя после бури волны стремятся сЪ гордостію. *Рино* приближается кЪ *Каросу*, потрясая пламеннымЪ копіемЪ.

О ты, сѣдящій на колеблющихся волнахЪ Океана! гряди противоборствовать *Оскару*! *ФингалЪ* вЪ отсутствіи. СпокоенЪ вЪ своихЪ чертогахЪ, внемлетЪ онЪ пѣнію своихЪ БардовЪ. Его копіе поражающее ужасомЪ, и его великій щитЪ бездѣйственны покоятся близЪ его. Гряди противостать *Оскару*. Герой сей нынѣ одинЪ.

*КаросЪ* не дерзнулЪ преплыть быстротекущаго *Каррона*. БардЪ одинЪ возвращается кЪ *Оскару*. Мрачная тѣнь ночи сгустилась надЪ *Кроною*; пріуготовляется пиршество. Сто возженныхЪ дубовЪ взвиваютЪ огонь на воздухЪ; дебрь озаряется блѣднымЪ свѣтомЪ. При лучахЪ сего слабаго блистанія видны вЪ отдаленности легкіе призраки. Тамо зрится до половины тѣнь *Комалы*, носимая на прозрачномЪ своемЪ воздушномЪ явленіи. БлизЪ ея *ГидалланЪ* печаленЪ и мраченЪ. *Рино* былЪ одинЪ, которому сіи призраки были видимы. *ГидалланЪ*! рекЪ онЪ ему, что виною сего прискорбія и сѣтованія? Или знаменитые Барды не воспѣли твоихЪ

ихъ прехвальныхъ подвиговъ? Пѣсни *Оссіана* возгремѣли въ честь тебѣ. Ты уклонился на край твоего облака, чтобъ внимать гласу Бардовъ нашихъ, и твоя тѣнь возблистала въ воздухѣ.

Вождь моихъ Бардовъ! рекъ *Оскаръ*, и такъ очи твои видятъ сего великаго браноносца? Повѣждь мнѣ о смерти сего столь славнаго вождя во времена отцевъ нашихъ. Я часто видалъ источники холмовъ его, и его имя гремитъ еще и доднесь на холмахъ *Коны*.

*Фингалъ*, отвѣтствовалъ Бардъ, погрузясь въ отчаяніе смертію *Комалы*, не могъ уже терпѣть взора *Гидаллановa*; онъ изгналъ его отъ среды полковъ своихъ. Сей юный бранноносецъ отягченъ печалію удалялся тихими стопами, мраченъ и безмолвенъ; его оружіе висѣло при ребрахъ его небрежно; его власы, отрѣшенные отъ узъ крѣпкаго шлема, развѣваются по волѣ вѣтровъ; онъ уклонилъ долу свои очи, исполненныя слезъ; онъ испускалъ тогда отъ глубины сердца болѣзненные и тяжкіе вздохи.

Онъ странствовалъ три дни равно, доколѣ притекъ на брега *Балвы*, въ древніе чертоги своихъ праотцевъ. *Ламоръ*, престарѣлый его отецъ, сидѣлъ подъ тѣнію дуба. Онъ былъ одинъ, всѣ его ратники сопутствовали сыну его въ бранноносное *Фингалово* поле; источникъ стремился при его сто-

 пахъ,

пахъ, и его безвласая глава уклонена была на жезлъ его. Старость заключила очи его отъ лучезарнаго дневнаго свѣта. Онъ въ половину гласа повторялъ пѣсни временъ предтекшихъ. Онъ слышитъ нѣкій шумъ, и познаетъ шествіе своего сына. — Сына ли моего слышу я? возопилъ онъ, или это его тѣнь? О любезный мой сынъ! уже ли ты поверженъ смертною косою на брегахъ *Каррона*; или, естьли ты еще посреди живыхъ, гдѣ мои безтрепетные воины тебѣ сопутствовавшіе? *Гидалланъ*! гдѣ мои ратники? Ты при шумномъ звукѣ щитовъ любилъ возвращать ихъ мнѣ въ славѣ и торжествѣ. Уже ли они всѣ повержены въ ратномъ полѣ? — Никакъ, отвѣтствовалъ юный Герой, испуская томные вздохи, твои воители посреди живыхъ, они блистаютъ торжественною славою; но, о любезный мой родитель! для твоего сына уже заключенъ храмъ славы, я въ него не вниду. Я осужденъ въ праздности хладѣя истаевать постыдно на брегахъ *Балвы*, въ то время, когда слышу усугубляемые звуки сраженій. — Ахъ! твои предки, отвѣчалъ оскорбленный *Ламоръ*, твои предки не приходили покоиться на брегахъ *Балвы* во время грозныхъ ополченій. Видишь ли ты сей гробъ, которой омраченныя мои очи уже распознать не могутъ? Въ немъ почилъ безтрепетный *Гермалонъ*, которой никогда не обра-

ращался въ бѣгъ отъ лица сопостатовъ. Кажется, онъ говоритъ мнѣ: гряди мой сынъ, Герой, исполненный славы, гряди на гробъ твоего родителя.... Увы! *Гермалонъ*, какъ я могу вѣнчаться побѣдоносною славою? мой сынъ уступилъ сопостату ратное поле. — Владыка бреговъ *Балвы*! рекъ *Гидалланъ*, воздыхая тяжко, для чего умножаешь ты раны въ моемъ болѣзненномъ сердцѣ, въ моей душѣ оскорбленной? Я вѣчно не трепеталъ. ... *Фингалъ*, *Фингалъ*, погруженный въ отчаяніе смертію своей возлюбленной, лишилъ меня чести ратоборствовать при его знаменахъ: возвратися, вѣщалъ онъ мнѣ, бѣги въ твои области, и на брегахъ твоихъ источниковъ увядай и сохни, подобно дубу, лишенному своихъ листвій, и согбенному усиліемъ вѣтровъ на брега *Балвы*, чтобъ никогда уже не востать.

Какъ! отвѣчалъ покрытый сѣдинами *Ламоръ*, я буду слышать шествіе стопъ моего сына въ семъ уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ, онъ почіетъ на брегахъ моихъ источниковъ тогда, какъ тысячи Героевъ прославляются въ сраженіяхъ своими подвигами!... Тѣнь *Гермалона*! предшествуй, буди путеводителемъ *Ламору* къ тѣсному его жилищу: мой взоръ покрытъ уже мракомъ, душа моя обременена печальною скорбію; сынъ мой лишился торжественныя славы.

ВЪ какія мѣста, возопилЪ юный Герой, вЪ какія мѣста обращусь я для пріобрѣтенія славы, чтобЪ утѣшить и обрадовать унылую душу моего отца? ОтЪ какихЪ странЪ могу возвратиться, покрытЪ торжественными вѣнцами, чтобЪ звукомЪ оружія усладить слухЪ моего родителя? Естьли я пойду на ловитву ланей, мое имя останется забвенно. *ЛаморЪ* по возвращеніи моемЪ сЪ холма ни малой не ощутитЪ радости, и не будетЪ имѣть утѣшенія ласковыхЪ моихЪ псовЪ поглаждать дрожащими своими руками; онЪ не пожелаетЪ узнать, что происходило на горахЪ кремнистыхЪ, онЪ не спроситЪ меня о еленяхЪ, обитающихЪ вЪ его пустыняхЪ. — И такЪ необходимо уже, рекЪ *ЛаморЪ*, чтобЪ я палЪ, какЪ согнившее древо, возвышавшееся на главѣ камени, и поверженное слабымЪ дуновеніемЪ вѣтровЪ? УвидятЪ тѣнь мою странствующу на моихЪ холмахЪ и оплакивающу стыдЪ моего юнаго *Гидаллана*. Сгущенные туманы! возвыстеся тогда, и сокройте *Гидаллана* отЪ взоровЪ его раздраженнаго родителя. . . . СынЪ мой! гряди вЪ мои чертоги; оружія предковЪ нашихЪ тамо висятЪ. Принеси мнѣ мечь *Гермалона*, твоего праотца; онЪ его отЪялЪ у побѣжденнаго сопостата.

*ГидалланЪ* шествуетЪ, приноситЪ мечь сЪ блистательнымЪ его поясомЪ, и вруча-

чаетъ его своему отцу. Странствующа по мечу старцева рука ищетъ остраго конца, ощутила его, и остановляется. — Сынъ мой! веди меня ко гробу *Гермалона*, возвышенному близъ сего древа, трепещущаго вѣтвiями: я слышу дыханiе и свистъ вѣтровъ въ увядшемъ дернѣ, которымъ онъ покрытъ; источникъ шумитъ близъ его, и хочетъ соединить воды свои съ водами *Балвы*. На семъ мѣстѣ я хочу опочить. Теперь полдень, и солнце опаляетъ поля наши.

*Гидалланъ* приводитъ родителя своего ко гробу. Едва они приближились, и *Ламоръ* пронзаетъ мечемъ ребра своего сына.... Оба они вѣчнымъ почили сномъ въ единомъ гробѣ, и древнiе ихъ чертоги покрываютъ развалинами своими брега *Балвы*.

Въ полуденные часы легкiя привидѣнiя странствуютъ въ окрестности. Безмолвiе царствуетъ въ долинѣ, и смертные страшатся приближиться къ сему плачевному и пагубоносному мѣсту. Тако вѣщалъ сладкопѣсменный *Рино*.

Пѣвецъ геройскихъ подвиговъ! рекъ ему *Оскаръ*, твое повѣствованiе поражаетъ меня печалiю: мое сердце воздыхаетъ о нещастномъ *Гидаллановѣ* жребiи; онъ умеръ въ прекрасномъ цвѣтѣ дней своихъ. Воззри, онъ возлетаетъ на крилѣхъ вѣтровъ, и хочетъ странствовать подъ чуждымъ небомъ. Чада *Морвенскiя*! приближьтеся къ сопоста-

ту

ту *Фингала*; сладостнымъ вашимъ пѣніемъ потщитесь сократить долговременность ночи и бодрствуйте, наблюдая движеніе полковъ *Кароговыхъ*. *Оскаръ* будетъ бесѣдовать о судьбѣ сраженія съ Героями временъ предтекшихъ: такъ, я взыду на безмолвный и кремнистый холмъ *Арвена*, гдѣ мои предки возсѣли на мрачныхъ своихъ облакахъ, и созерцая будущее, предвидятъ успѣхи браней. И твоя, *Гидалланъ*, твоя уединенная и прискорбная тѣнь тамо ли обитаетъ? Яви себя очамъ моимъ въ твоей горестной печали, о безтрепетный вождь *Балвы*! — Герои *Морвенскіе* шествуютъ, возглашая пѣсни. *Оскаръ* тихими стопами восходитъ на холмъ; блѣдные воздушные призраки, чада ночи, простираются надъ пустынею въ отдаленности. Долговѣчные дубы воздыхаютъ и стонутъ ударяемы вѣтрами. Полукружіе луны изливало за холмомъ слабый только и багровый свѣтъ, и слышатся пронзительные гласы ночныхъ призраковъ. . . . *Оскаръ* извлекаетъ свой мечь. . . . Тѣни отцевъ моихъ! возопилъ Герой, вы, которые нѣкогда противоборствовали Царямъ вселенныя, грядите, откройте будущее моему взору; повѣдайте мнѣ, какія суть тайныя и сокровенныя ваши бесѣды въ глубокихъ вашихъ пещерахъ, когда взираете вы на потомковъ вашихъ, стоящихъ на полѣ славы?

*Трен-*

*Тренморъ* течетъ на гласъ своего сына. Его воздушное тѣло несется на облакѣ, подобномъ быстрому и гордому чуждыхъ странъ коню. Его легкая одежда соткана изъ пагубныхъ и смертоносныхъ тумановъ *Лана*. Его мечь ничто, какъ воздушный почти уже погасшій огонь. Лице его, какъ мрачный и никакой черты не имѣющій образъ. Три краты воздохнулъ онъ надъ своимъ сыномъ, три краты ночные вѣтры шумя вовстенали на высотѣ холма. Онъ вѣщалъ, но *Оскаровъ* слухъ ничего, кромѣ прерывистыхъ звуковъ и не вовсе образованныхъ словъ, не слышалъ. Его бесѣды были столько же мрачны и непонятны, сколь мрачно повѣствованіе о предкахъ нашихъ, доколѣ духъ Бардовъ не озарилъ еще временъ претекшихъ. Онъ нечувствительно изчезъ, какъ туманъ, убѣгающій отъ лучей солнечныхъ. О *Мальвина*! въ сіе время въ первый еще разъ мрачная печаль овладѣла душею моего сына.

Ему казалося, что видитъ судьбу грядущихъ временъ и конечное паденіе своего племени. Онъ погружался иногда въ глубокую задумчивость, но вдругъ исторгается изъ нея, подобно солнцу, котораго сіяніе затмилось облакомъ на одно мгновеніе, и внезапу вновь блистаетъ на высотахъ холмистыхъ.

*Оскаръ* провелъ ночь посреди своихъ праотцевъ, и румяная заря встрѣтила его на брегахъ *Каррона*.

Въ

Вѣ спокойной долинѣ стоитѣ возвышена древняя гробница; вѣ различныхѣ другѣ отѣ друга разстояніяхѣ зеленѣющіеся холмы возносятѣ до облаковѣ гордые свои верьхи, увѣнчанные дубами; вѣ семѣ мѣстѣ воины *Кароса* ожидали востанія дневнаго свѣтила; во время ночи они прешли чрезѣ быстротечный *Карронѣ*. При слабомѣ и блѣдномѣ сіяніи первыхѣ лучей дня почли ихѣ темною сосновою рощею, лишенною злачныхѣ своихѣ вѣтвій.

*Оскарѣ* остановляется близѣ гроба, онѣ трикратно взываетѣ кѣ своимѣ ратникамѣ; страшный звукѣ его гласа потрясаетѣ холмы; серны трепещутѣ и скачутѣ по высотѣ камней; тѣни пораженныя ужасомѣ отлетаютѣ на свои облаки сѣ пронзительнымѣ воплемѣ; тогда вдругѣ возблистали тысящи мечей; полки грознаго *Кароса* простираются. . . . *Мальвина*! для чего проливаешь слезы? Мой сынѣ одинѣ противѣ сопостатовѣ, но онѣ мужественѣ. *Оскарѣ* подобенѣ небесной молніи: онѣ блеснетѣ, и врагѣ низвергается: его десница подобна десницѣ воздушнаго привидѣнія, которое изѣ среды густыхѣ паровѣ стремитѣ вѣрные и невидимые удары. Не можно усмотрѣть, гдѣ скрывается сія жестокая и пагубоносная тѣнь, но смерть пожинаетѣ жителей долины.

Мой сынѣ видитѣ непріятеля, остановляется, и безмолвствуя предается размышле-

нію на одну минуту. Я одинЪ посреди враждебныхЪ полковЪ. Какой сгущенный лѣсЪ копій устремленныхЪ стройно! коль свирѣпые и мрачные взоры обращены противу меня единаго! Возвращуся ли вспять на холмЪ *Арвена?* . . . НѣтЪ, мои праотцы никогда вЪ бѣгство не обращались. ИхЪ мышца вЪ нещетныхЪ сраженіяхЪ оставила слѣды своего мужества и крѣпости: и я, я равно безтрепетенЪ и храбрЪ, я увѣнчаю славою главу мою. . . . Тѣни отцевЪ моихЪ! грядите и будьте свидѣтелями моихЪ подвиговЪ. Я безЪ сомнѣнія увяну, но увяну со славою, какЪ отрасль, достойная корени владыкЪ *Морвенскихъ*.

Уже сражаются, все бѣжитЪ отЪ лица *Оскарова*; его мечь дымится кровію; но сподвижники на холмѣ *Кроны* услышали громЪ оружія; они устремляются вЪ долину. *Каросовы* полки обратилися вЪ бѣгство. *ОскарЪ* одинЪ остается на полѣ брани, какЪ неподвижный камень, отЪ котораго вспять отражается бурное и свирѣпствующее море.

*КаросЪ*, правя своими гордыми конями, простирается какЪ глубокій и быстрый источникЪ, которой стремится и все разрушаетЪ: мѣлкіе ручьи теряются вЪ его бурномЪ теченіи, и холмы трепещутЪ при его нагломЪ и быстротечномЪ шествіи. Сраженіе воспламеняется отЪ одного крила до другаго; тысящи блистающихЪ мечей сверкаютЪ вЪ воздухѣ.

Но

Но почто *Оссіанъ* поетъ еще бранноносные подвиги? Ахъ! я не иначе, какъ скорбя, воспоминаю прекрасные дни моей цвѣтущей младости, когда чувствую, что мышца моя слаба и безсильна. Блаженны тѣ, которые преселилися въ вѣчность во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, и въ полномъ сіяніи славы! они не зрѣли возвышенныхъ гробовъ друзей своихъ: они не чувствовали сопротивленія лука тщетнымъ усиліямъ ослабѣвшихъ своихъ рукъ.

Такъ, ты благополученъ, любезный мой *Оскаръ*, ты щастливъ посреди твоихъ вихрей: часто посѣщаешь ты поля, гремящія о твоей славѣ, и тѣ мѣста, гдѣ грозный *Каросъ* бѣжалъ отъ пламеннаго твоего меча. Дщерь *Тоскарова*! какое мрачное облако развиваяся покрыло мою душу? Я уже не зрю близъ *Каррона* тѣни моего сына; я не вижу *Оскара* на холмахъ *Кроны*. Вѣтры вознесли его на крилахъ своихъ, и печаль возвращается въ сердце его родителя. . . . Но, о *Мальвина*! будь мнѣ путеводительницею въ мои лѣса, на брега моихъ источниковъ: да крики звѣроловцевъ услышатся на высотѣ *Коны*, и воспомянутъ мнѣ прежнія щастливыя лѣта. Принеси мнѣ арфу мою, дщерь любезная; я взыграю на ней, когда возчувствую въ себѣ воскресшій пламень моего духа; и тогда, о *Мальвина*! пріиди внимать гласу моихъ пѣсней.

Бу-

Будущія времена услышатъ бесѣды о подвигахъ *Оссіановыхъ*. Нѣкогда потомки слабаго поколѣнія возвысятъ гласъ свой на холмахъ *Коны*, и взирая на сей камень, скажутъ: здѣсь обиталъ прежде *Оссіанъ*. Они удивятся родамъ прешедшимъ, и Героямъ воспѣтымъ мною: и мы, о *Мальвина*! вознесшись на легкіе наши облаки, мы будемъ странствовать на крилахъ вѣтренныхъ; звуки голосовъ нашихъ услышатся иногда въ пустыни, и камни повторять слабые отзывы пѣсней нашихъ.

---

## ВОЙНА ИНИСТОНСКАЯ.

## *ПОЭМА.*

### Содержаніе.

*Инистона*, одинъ изъ острововъ *Скандинавіи*; въ немъ всегда владѣтелемъ былъ Государь, зависящій отъ Государя *Локлинскаго*. Сія поэма ничто иное, какъ вводная повѣсть, вмѣщенная въ другомъ сочиненіи, въ которомъ Оссіанъ прославлялъ подвиги всѣхъ друзей и любезнаго своего *Оскара*. Сіе сочиненіе потеряно, и чрезъ преданіе изустное дошли до насъ нѣкоторые только изъ него отрывки. Многія особы, и нынѣ еще въ живыхъ находящіяся, слышали въ молодости своей, какъ горные Шотландцы пѣли все сіе великое сочиненіе. *Кормаль*, зять *Анира*,

Государя *Инистонскаго*, взбунтовавшись хотѣлъ тестя своего свергнуть съ престола. *Фингалъ*, раздраженный сею несправедливостію, послалъ *Оскара* своего внука на помощь *Аниру*. Оба воинства вступаютъ въ сраженіе; честь и слава благоразумію и мужеству *Оскарову*, сторона *Анирова* одержала совершенную побѣду, и сраженіе окончалось смертію *Кормала*, котораго *Оскаръ* поразилъ собственною рукою. Такимъ образомъ преданіе повѣствуетъ намъ о сей войнѣ. Стихотворецъ, желая возбудить мужество сына своего, предполагаетъ, что самъ *Оскаръ* просилъ, чтобъ послали его на помощь *Аниру*.

---

Наша младость подобна сновидѣнію звѣроловца; онъ засыпаетъ на высотѣ холма при животворныхъ лучахъ солнца; онъ пробуждается посреди грозной бури; молнія сверкаетъ окрестъ его, и шумящіе вѣтры потрясаютъ нагло верхами древесъ. Тогда его душа претекаетъ къ минутѣ спокойствія, въ которую онъ заснулъ, и старается воспомянуть сладостныя мечты своего пріятнаго сна.

Когда обновится *Оссіанова* младость? Когда слухъ мой усладится еще звукомъ брани? Когда буду шествовать подобно *Оскару*, покровенъ моимъ гремящимъ оружі-

жіемЪ? Холмы *Коны*! да умолкнетЪ шумЪ источниковЪ вашихЪ, внимайте струнамЪ *Оссіановой* лиры. ВЪ душѢ моей воскресло стремленіе кЪ пѢнію, и взирая на претекшія времена, сердце мое чувствуетЪ трепетаніе отЪ животворныхЪ восторговЪ.

Я зрю (а) гордыя твои башни, о *Сельма*! я зрю многолиственные дубы, осѢняющіе тѢнію возвышенныя твои стѢны; слухЪ мой внемлетЪ журчанію твоихЪ источниковЪ; твои Герои собралися на брега оныхЪ. *ФингалЪ* сидитЪ посредѢ ихЪ, опершись локтемЪ на щитЪ *Тренмора*; его копіе уклонено кЪ твердой стѢнѢ. Герой сей услаждается пѢніемЪ своихЪ БардовЪ. Они прославляютЪ крѢпость его десницы, и бранноносные подвиги цвѢтущей его юности.

*ОскарЪ* приходитЪ сЪ ловитвы. ОнЪ слышитЪ похвалы, возглашаемыя вЪ честь *Фингала*. ОнЪ пріемлетЪ щитЪ *Бранна* (б), висящій на стѢнѢ чертоговЪ. Очи его исполняются слезЪ, его ланиты пламенѢютЪ огнемЪ юности. ГласЪ его слабЪ и трепещущЪ. ОнЪ,



(а) *ОссіанЪ*, сочиняя сію поэму, былЪ уже слѢпЪ, но воображеніемЪ прелетаетЪ кЪ своей молодости, и вЪ восторгѢ говоритЪ, что онЪ видитЪ стѢны *Сельмы* и проч.

(б) *ОссіанЪ*, подобно ГрекамЪ и РимлянамЪ, вѢрилЪ, что души, разлучаяся сЪ тѢломЪ, имѢли тѢ же склонности и желанія, какія имѢли будучи еще вЪ союзѢ сЪ тѢломЪ.

взявъ мое копіе, потрясъ онымъ съ грознымъ видомъ, и вѣщаетъ владыкѣ:

*Фингалъ*, Царь Героевъ, и ты, *Осіанъ*, первый по немъ изъ мужественныхъ! ваша юность прославлена сраженіями, ваши имена знамениты и незабвенны; но *Оскаръ* здѣсь ничто, какъ легкій туманъ холма, являющійся на одну минуту и навсегда изчезающій. Мое имя будетъ неизвѣстно Бардамъ, звѣроловецъ не попщится искать гроба моего въ пустыни. Герои, вѣнчанные славою! позвольте мнѣ ратоборствовать во брани *Инистонской*. Земля сія далече; слухъ моей смерти до васъ не достигнетъ; но нѣкій изъ Бардовъ обрящетъ меня тамо, и прославитъ мое имя въ своихъ пѣсняхъ. Дщерь иноплеменника увидитъ мой гробъ, и проліетъ слезы надъ юнымъ ратникомъ, пришедшимъ отъ дальныхъ странъ для бранныхъ подвиговъ. Бардъ посреди пиршества воскликнетъ: внемлите, я хочу пѣть *Оскара*, сего безтрепетнаго и мужествомъ исполненнаго пришельца.

Наслѣдникъ моей славы! отвѣчалъ владыка *Морвенскій*, ты будешь ратоборствовать. Да уготовится корабль, которой бы Героя моего пренесъ на брегъ *Инистоны*. *Оссіановъ* сыне! не предавай забвенію подвиговъ нашихъ; помни, что ты рожденъ отъ племени Героевъ. Да иноплеменникъ не речетъ когда съ презрѣніемъ: *Морвенскія* чада

мало-

малодушны и слабы. . . . . ВЪ полѣ брани разрушай и свирѣпствуй какЪ буря; но вЪ мирѣ будь кротокЪ и спокоенЪ, какЪ прiятный весенняго дня вечерЪ. Скажи владѣтелю *Инистоны*, что я помню юность его, и тотЪ день, вЪ которой сражалися мы предЪ очами *Агандеки*.

Уже парусы распростерты, верви мачтЪ напрягаются дуновенiемЪ вѣтра. Волны ударяютЪ во твердость камней, и пѣнистый ОкеанЪ кипитЪ подЪ гордымЪ кораблемЪ *Оскара*. НаконецЪ сынЪ мой отЪ лона морей узрѣлЪ песчаный брегЪ *Инистоны*; онЪ входитЪ вЪ шумящiй заливЪ *Руны*, и посылаетЪ мечь свой кЪ нещастному *Аниру*.

Герой сей, покрытый сѣдинами, взирая на мечь *Фингала*, востаетЪ; очи его исполняются слезЪ, растворенныхЪ радостiю; онЪ воспоминаетЪ о подвигахЪ своей младости. *Фингалъ* и онЪ двукратно ратоборствовали предЪ очами любезной *Агандеки*. Сильные, содрогаясь трепетомЪ, стояли удаленны, мечтая, что они видятЪ два грозныя и свирѣпствующiя привидѣнiя, сражающiяся между собою вЪ воздухѣ.

Нынѣ, вѣщаетЪ *АнирЪ*, нынѣ утомленЪ я древностiю лѣтЪ; мечь мой бездѣйственЪ покоится вЪ моихЪ чертогахЪ. Достойная отрасль *Морвенскаго* племени! *АнирЪ* устремлялЪ нѣкогда копiе свое вЪ грозныхЪ ополченiяхЪ. Но онЪ безсиленЪ нынѣ, и согбенЪ

 ста-

старостію. Я не имѣю сына, котораго бы послать предъ лицемъ твоимъ, чтобъ предшествовалъ тебѣ въ чертоги своихъ праотцевъ. *Аргонъ* уже во гробѣ, и *Руро* восхищенъ отъ среды живыхъ. Дщерь моя въ чертогахъ мятежнаго иноплеменника; она истаеваетъ желаніемъ, чтобъ узрѣть гробъ мой; ея гордый супругъ, сопутствуемый десятью тысящами ратниковъ, стремится отъ бреговъ *Лана*, какъ темное облако, несущее въ нѣдрахъ своихъ смерть и разрушеніе. Герой *Морвена*! гряди возсѣсть при пиршествѣ *Анира*.

Три дни продолжалося пиршество, и въ день четвертый *Аниръ* узналъ имя *Оскарово*: радость усугубилась, и они шествуютъ купно на ловитву свирѣпыхъ вепрей *Руны*.

Оба Героя утомясь возлегли на брегѣ источника: изъ очей *Анира* изливаются втайнѣ горячія слезы. Онъ испускаетъ тяжкіе вздохи. — Здѣсь, возопилъ онъ, здѣсь почиваютъ чада моей юности. Сей камень тягчитъ собою гробъ любезнаго моего *Рура*; сей дубъ стонетъ надъ гробомъ *Аргона*. О любезныя мои дѣти! изъ глубины мрачнаго вашего жилища слышите ли вы голосъ отца вашего? Не вашъ ли голосъ шумитъ въ листвіяхъ, колеблемыхъ вѣтрами?

Царь *Инистонъ*! вѣщаетъ *Оскаръ*, какимъ ударомъ поражены твои чада? Свирѣпый вепрь часто гробы ихъ попираетъ ногами;

но

но чрезъ то не умаляетъ онъ склонности ихъ къ ловитвѣ звѣрей: они въ воздушномъ пространствѣ гоняются еще за легкими облаками, пріявшими образъ еленей и сернъ быстротечныхъ; они напрягаютъ воздушный свой лукъ, они любятъ еще всѣ увеселенія и забавы своей юности, и восходятъ съ радостію на легкіе вѣтры.

*Кормалъ*, отвѣтствуетъ престарѣлый *Аниръ*, *Кормалъ* предшествуетъ десяти тысящамъ воителей. Онъ обитаетъ на брегахъ *Лана*, котораго черныя воды изливаютъ на воздухъ смертоносные пары. Онъ вступилъ въ чертоги *Руро*, въ подвижническихъ играхъ сражался онъ копіемъ, онъ былъ молодъ и прекрасенъ, какъ первый лучь весенній зари. Мои ратники уступили ему побѣду, и моя дщерь отдала ему свое сердце.

*Аргонъ* и *Руро* возвращаются съ ловитвы звѣрей. Они проливаютъ слезы негодованія, они сѣтуютъ и скорбятъ, что Герои *Фуна* побѣждены пришельцемъ; тридневнымъ пиршествомъ угощали они *Кормала*. Въ день четвертый *Аргонъ* сражался съ нимъ на копьяхъ. Но кто могъ противостать *Аргону*? Вождь *Лана* побѣжденъ, гордость его тѣмъ раздражается: онъ умыслилъ тайную пагубу моимъ чадамъ.

Въ нѣкій день, когда они всѣ купно устремлялися на холмахъ за робкими ланями,

ми, стрѣла *Кормала* разсѣкаетъ воздухъ, и мои сыны упадаютъ бездыханны. Вѣроломный удаляется, обрѣтаетъ свою возлюбленную, и оба они убѣгаютъ сквозь мѣста пустынныя. Нещастный *Аниръ* остался одинъ.

Ночь преходитъ, возсіяло утро, и я не слышу ни *Аргонова* гласу, ни гласу *Рурова*. Тогда быстротечный и скачущій *Рюнаръ*, вѣрный ихъ песъ, возвращается. Онъ вбѣгаетъ въ мои чертоги съ томнымъ и жалостнымъ воемъ, онъ непрестанно обращаетъ глава свои къ тому пагубному мѣсту, гдѣ два Героя лежали бездыханны. Мы за нимъ слѣдуемъ; мы обрѣли поверженныхъ моихъ чадъ, и на брегѣ сего источника воздвигли имъ гробницы. Въ семъ-то мѣстѣ, по окончаніи ловитвы, обыкли покоиться утомленные мои члены; я склоняюсь на гробы сыновъ моихъ, и слезы мои текутъ струями.

*Огаръ*, *Роннанъ*, вожди *Морвенскіе*! возопилъ *Оскаръ*, соберите всѣхъ моихъ сподвижниковъ. Въ день сей устремимся мы на брега смертоноснаго *Лана*; *Кормалъ* недолго будетъ наслаждаться жизнію: пагубная смерть на остріи мечей нашихъ.

Они претекли пустыню подобны облаку, несущему въ нѣдрахъ своихъ громовые удары; вѣтры стремятъ его по равнинѣ, синяя молнія исторгается изъ его ребръ; лѣса окрестные трепещутъ, ужасаясь грозныя тучи. Уже *Оскаровъ* рогъ трубитъ и возвѣща-

щастЪ сраженіе, всѣ волны *Лана* вошумѣли, и *Кормаловы* ратники соединяются вокругЪ щита своего предводителя.

*ОскарЪ* ополчился и ратоборствуетЪ, какЪ всегда ратоборствовалЪ *ОскарЪ*. *КормалЪ* упадаетЪ отЪ его молніеносныхЪ ударовЪ, и его ратники спѣшатЪ укрыться во мрачныхЪ своихЪ долинахЪ. Побѣдоносный *ОскарЪ* приводитЪ дщерь *Инистонскую* вЪ чертоги *Анировы*; радость возсіяла на челѣ сего почтеннаго сѣдинами Героя, и онЪ возопилЪ сЪ восторгомЪ: да будетЪ благословенЪ Герой *Морвенскій*!

Коль чувствительны были восторги *Оссіановы*, когда узрѣлЪ онЪ издалече корабль своего сына! ПутешественникЪ, заблуждшій вЪ невѣдомыхЪ краяхЪ, и ужасомЪ ночи и купно ея призраками окружаемый, сЪ меньшею радостію усматриваетЪ свѣтоносное облако, блистающее при вратахЪ востока.

Со гласомЪ торжественныхЪ пѣсней провождаемЪ мы его вЪ чертоги *Сельмы*. *ФингалЪ* повелѣваетЪ уготовить пиршество; тысяща БардовЪ возносятЪ до облакЪ знаменитое имя безтрепетнаго *Оскара*. *МорвенЪ* возгремѣлЪ стройными отзывами ихЪ пѣсней. Дщерь *Тоскарова* пѣла также похвалы сему Герою. Ея голосЪ былЪ сладокЪ и пріятенЪ, какЪ нѣжная арфа, слышимая вдали вЪ часы спокойнаго вечера, и которой стройные

 зву-

звуки преносятся во слухЪ нашЪ на крилахЪ зефира.

О вы, которыхЪ очи взирают Ъ еще на лучезарный блескЪ дневнаго свѢтила! возведите меня на высоту моихЪ холмовЪ; поставьте меня близЪ камени, посреди мшистаго и сгущеннаго орѢшника, недалече отЪ дуба, шумящаго листвiемЪ. Посадите меня на злачномЪ и кудрявомЪ дернѢ, гдѢ бы могЪ я слышать журчанiе отдаленнаго источника. Дщерь *Тоскарова*! прими арфу, и пой сладостную пѢснь *Сельмы*, да при твоемЪ гласѢ прiятный сонЪ неожидаемо восхититЪ мою душу посреди ея удовольствiя, да сновидѢнiя моей младости придутЪ ко мнѢ и обновятЪ вЪ памяти моей знаменитое и торжественное теченiе дней *ФингаловыхЪ*.

*Я* вижу твои башни, о *Сельма*! я вижу твои древа, и твои стѢны, ими осѢняемыя. Я зрю ГероевЪ *МорвенскихЪ*, и слышу пѢсни БардовЪ. . . *ОскарЪ* возвышаетЪ мечь *КормаловЪ*; тысяща ратниковЪ удивляются блистательному и драгоцѢнному онаго поясу. Они со изумленiемЪ взираютЪ на моего сына, и славятЪ крѢпость его десницы; они примѢчаютЪ радость и удовольствiе, блистающее вЪ очахЪ его родителя, и воспламеняются желанiемЪ подобной славы.

Вы ею увѢнчаетесь, *Морвенскiя* чада, я возвѢщу потомкамЪ ваши подвиги. Многократно душа моя оживотворяется огнемЪ моей

ей юности; я не противлюсь стремленію, влекущему меня къ пѣснямъ, и сподвижники моей младости незабвенны мною; но сонъ при сладкомъ гласѣ арфы, ударяемой легкими перстами *Мальвины*, нисходитъ и объемлетъ мои чувства; его мечты начинаютъ уже окружать меня видѣніями, исполненными радости. Удалитеся отъ меня, чада звѣроловства, не смущайте моего покоя. *Оссіанъ* бесѣдуетъ теперь съ своими праотцами. Удалитеся отъ меня чада звѣроловства, не смущайте пріятныхъ моихъ сновидѣній.

---

## СРАЖЕНІЕ ПРИ ЛОРѢ.

### *ПОЭМА.*

### Содержаніе.

Сія поэма сама по себѣ есть полная, и не видно, чтобъ была она частію какого нибудь великаго *Оссіанова* сочиненія. Въ подлинникѣ называется она *Поэма Кульдей*, потому что писана къ одному изъ первыхъ Христіанскихъ посланниковъ или проповѣдниковъ, называемыхъ *Кульдеями*, т. е. пустынниками, по причинѣ уединенной ихъ жизни. Вотъ исторія, на которой основывается поэма. *Фингалъ* по возвращеніи своемъ изъ *Ирландіи*, отколѣ изгналъ онъ *Сварана*, почтилъ пиршествомъ всѣхъ своихъ Ге-

Героевъ. Онъ забылъ пригласить на оное *Мароннана* и *Альда*, которые не были съ нимъ въ семъ походѣ. Они за сіе забвеніе досадуя на него, вступили въ службу *Эррагона*, явнаго непріятеля *Фингалова*, и Государя *Скандинавскаго* округа, называемаго *Сорою*. *Альдъ* своимъ мужествомъ скоро пріобрѣлъ себѣ уваженіе и почтеніе, и *Лорма*, жена *Эррагонова*, возчувствовала въ себѣ непреодолимую къ нему страсть. Онъ нашелъ способъ уѣхать съ нею тайно и возвратиться къ *Фингалу*, живущему тогда въ *Сельмѣ*. *Эррагонъ* вступилъ на брега *Шотландскіе*, и отринувъ мирные договоры, предложенные *Фингаломъ*, убитъ на сраженіи *Галломъ*, сыномъ *Морнія*. *Альдъ* убитъ *Эррагономъ*, и нещастная *Лорма* умерла съ печали. *Лора* была небольшая рѣчка въ окружностяхъ *Сельмы*, дворца Государей *Морвенскихъ*; на ея брегахъ происходило сраженіе, служащее содержаніемъ сей поэмѣ.

---

Сынъ иноплеменныхъ, безмолвный обитатель пещеры! вѣтръ ли шумитъ въ лѣсахъ твоихъ? Звукъ ли твоего гласа поражаетъ слухъ мой? Источникъ гремитъ, но я слышу также согласные отзывы. Поешь ли ты подвиги сильныхъ твоего отечества, или возсылаешь хвалы духамъ небеснымъ? Уединенный житель камени! возведи твои

очи на сію пространную пустыню; ты видишь на нихъ камни, одѣянные мохомъ; ты ихъ видишь, но *Оссіановы* очи не созерцаютъ уже свѣта. Быстрый источникъ упадаетъ съ горы и стремитъ свои воды вокругъ зеленаго холма: на вершинѣ, посреди увядшаго злака возвышаются четыре камня. Два древа, согбенныя усиліемъ бурныхъ вихрей, распростираютъ вокругъ стенящія свои вѣтви. Въ семъ мѣстѣ почиваешь ты, *Эррагонъ*, здѣсь твое тѣсное жилище: уже давно твои пиршества забвенны въ *Сорѣ*, и снѣдающая ржа очернила твой щитъ въ чертогахъ твоихъ предковъ. *Эррагонъ*, Царь кораблей, вождь земель отдаленныхъ! какъ поверженъ ты на горахъ нашихъ?

Сынъ пустыннаго камени! пріятно ли твоему слуху пѣніе? Внимай мнѣ, повѣствующему о сраженіи при *Лорѣ*; оно давно уже прешло, и звукъ его оружій давно уже престалъ. Тако громовый ударъ на омраченномъ холмѣ возгремитъ, и вдругъ уничтожается; солнце исходитъ вновь съ пріятною тишиною; блистающіе камни и зеленѣющіеся верхи горъ усмѣхаются, взирая на прелестные лучи его.

По возвратѣ нашемъ изъ *Уллина*, заливъ *Коны* пріялъ въ себя корабли наши. Уклоненные долу парусы висѣли на мачтахъ, и порывистые вѣтры шумѣли позади лѣсовъ *Морвенскихъ*. Рогъ *Фингаловъ* возгремѣлъ,

и смертоносныя наши стрѣлы полетѣли въ густыя рощи; уготовляется пиршество, мы восхищаемся упоенны радостію: мы побѣдили страшнаго *Старана.* Всѣ Герои приглашены къ сему празднеству; но *Альдъ* и *Маронанъ* забыты. Они воскипѣли гнѣвомъ и досадою; безмолвствуя обращали они повсюду сверкающія очи, противу ихъ воли стенанія ихъ были примѣтны, ихъ зрѣли бесѣдующихъ купно, и съ негодованіемъ повергающихъ копья свои на землю. Они посреди общей радости являлись подобны двумъ туманнымъ столпамъ, стоящимъ на спокойномъ и смѣющемся морѣ; сребровидныя волны блистаютъ при лучахъ солнечныхъ, но мореплаватель трепеща предвидитъ бурю.

Да распрострутся мои парусы на вѣтры запада, рекъ *Маронанъ. Альдъ!* потщимся разсѣкать пѣнящіяся волны сѣвернаго моря, мы забвенны при великолѣпномъ пиршествѣ, хотя мышцы наши омочены кровію сопостатовъ. Оставимъ холмы *Фингаловы,* поспѣшимъ ратоборствовать подъ знаменами владѣтеля *Соры,* онъ мужественъ и гордъ, война его окружаетъ; поспѣшимъ увѣнчать себя славою въ битвахъ предъ очами *Эррагона.*

Они пріемлютъ оружіе, и летятъ къ заливу *Люмара.* Они входятъ въ чертоги надменнаго владѣтеля *Соры*; онъ возвращался тогда съ ловитвы; его копіе омочено было

кровію, его мрачное лице поникло къ землѣ; онъ свисталъ, шествуя въ свои чертоги.

Герой сей пригласилъ иноплеменниковъ къ своимъ пиршествамъ. Онъ видѣлъ, какъ они ратоборствовали и побѣждали подъ его знаменами.

*Альдъ* торжествуя возвращается въ чертоги *Соры*. Любезная *Лорма*, *Эррагонова* супруга, стояла на возвышенныхъ башняхъ; ея влажныя зѣницы катаются въ любовномъ пламени, ея черные власы вѣютъ на раменахъ ея, и нѣжныя перси ея возвышаются и упадаютъ, подобно снѣгу, которой кроткимъ легкаго вѣтра дуновеніемъ подъемлется при лучахъ солнечныхъ. Она видитъ младаго *Альда*, она его видитъ, и воздыхаетъ ея нѣжное сердце. Ея прелестныя очи орошены слезами; ея глава уклоняется на ея бѣлую руку. Три дни пребыла она въ чертогахъ своего супруга, скрывая страсть свою подъ завѣсою притворной радости. Въ день четвертый она убѣгла съ любимымъ Героемъ.

Они входятъ въ заливъ *Коны*, и являются въ чертогахъ *Фингала*. — Гордый *Альдъ*! вѣщаетъ владыка *Морвенскій*, долженъ ли я спасать тебя отъ праведнаго мщенія, которое готовится тебѣ отъ владѣтеля *Соры*? Кто впредь восхощетъ принять моихъ ратниковъ въ свои чертоги, и кто восхощетъ почтить иноплеменныхъ гостепріимствомъ

при

при великолѣпныхъ своихъ пиршествахъ, съ сего пагубнаго дня, какъ безумный *Альдъ* похитилъ супругу *Эррагонову*? Удалися, бѣги на возвышенные свои холмы беззаконный хищникъ! Брань съ Государемъ *Соры*, устремляемая на насъ твоимъ злодѣйствомъ, будетъ плачевна и бѣдственна. О дражайшая тѣнь знаменитаго *Тренмора*! когда *Фингалъ* престанетъ ратоборствовать? Я рожденъ посреди пламенныхъ сраженій, и до гроба моего долженъ я омочать стопы свои въ кровавыхъ потокахъ. И я тѣмъ только утѣшаюсь, что десница моя не озлобляла слабаго, и сей мечь щадилъ всегда беззащитнаго ратника. . . . О *Морвенъ*! я предвижу, какъ въ грядущіе вѣки грозная брани буря ниспровергнетъ мои чертоги. Когда мои чада падутъ отъ смертоноснаго меча; когда уже не останется живущихъ въ *Сельмѣ*, прередившееся племя внидетъ и не узритъ уже моего гроба; моя слава будетъ еще возвѣщаема въ пѣснехъ; но дѣянія *Фингалова* почтутся соннымъ мечтаніемъ отъ позднихъ потомковъ.

Воины *Эррагоновы* соединяются окрестъ его, какъ мрачныя тучи окрестъ ночнаго призрака, которой призываетъ ихъ съ высоты *Морвена*, и готовится устремлять ихъ на поля иноплеменныхъ. Владыка *Соры* низходитъ на брегъ *Коны*, и посылаетъ къ *Фингалу* единаго изъ Бардовъ, чтобъ изшелъ онъ на

на поле брани, или уступилъ ему владычество надъ многочисленными холмами.

Младые *Морвенскіе* ратоборцы утѣшалися ловитвою, и странствовали въ отдаленной глубинѣ пустыни. *Фингалъ* пребывалъ въ своихъ чертогахъ посреди сотрудниковъ своей младости. Сіи почтенные сѣдинами Герои, бесѣдуя о подвигахъ временъ прошедшихъ, и о первыхъ своихъ дѣяніяхъ, внезапно узрѣли вошедшаго къ нимъ согбеннаго старостію *Нармора*, владѣтеля бреговъ *Лорскихъ*.

Не нынѣ, вѣщаетъ онъ, не нынѣ внимать должно повѣствованіямъ о временахъ протекшихъ. Мрачный *Эррагонъ* уже на брегахъ нашихъ; онъ скрежещетъ отъ ярости посреди гордыхъ своихъ ратниковъ.

Гряди, *Босмина*, рекъ *Фингалъ*, гряди дщерь моя! и ты, *Нарморъ*, пріявъ гордыхъ моихъ коней, пріобрѣтенныхъ побѣдою надъ иноплеменниками, сопутствуй дочери *Фингаловой*. *Босмина*! пригласи владѣтеля *Соры* къ моему пиршеству: да пріидетъ онъ въ осѣняемыя твердыни *Сельмы*, предложи ему миръ, и сокровища мужественнаго *Альда*. Наши ратники, цвѣтущіе младостію, удалены, и скучная старость отягощаетъ трепещущія наши мышцы.

Прекрасная вступаетъ въ среду воинства *Эррагонова*, и является яко свѣтоносный лучь посреди мрачнаго облака. Златая стрѣла

сіяетъ въ ея десницѣ; шуйцею держитъ она блистающую чашу, знаменіе кроткаго мира. Она возврѣла, и чело *Эррагоново* озарилось какъ твердый камень, пораженный внезапу лучами солнца, истекшими изъ облака, раздробленнаго вѣтромъ.

Сынъ иноплеменныхъ! вѣщаетъ ему *Босмина* чувствительнымъ гласомъ, и краснѣя стыдливымъ румянцемъ, гряди на пиршество *Морвенскаго* владыки; гряди въ осѣняемыя твердыни *Сельмы*, и оставь мечь сей въ спокойствіи при бедрѣ твоей. Естьли Царскія сокровища плѣняютъ твое сердце, внемли предложеніямъ великодушнаго *Алпда*. Сто гордыхъ коней, изученныхъ и послушныхъ, сто иноплеменныхъ красавицъ, и сто съ распростертыми крилами соколовъ, готовыхъ всегда устремляться на воздухъ за своею корыстію, будутъ тебѣ удовлетвореніемъ. Онъ даетъ тебѣ сто поясовъ, уготованныхъ для препоясанія чрева женъ, чтобъ ускорить рожденіе Героевъ, и утишить болѣзни ихъ родительницъ.

Десять чашъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, будутъ блистать, ежели ты хочешь, въ чертогахъ *Соры*; вода, колеблющаяся вокругъ ихъ краевъ, усѣянныхъ звѣздами, уподобляется пѣнящемуся вину. Цари вселенныя украшали ими нѣкогда великолѣпныя свои торжества. Всѣ сіи сокровища будутъ въ твоей власти; но естьли ты всему

му предпочитаешь вовлюбленную свою супругу, ты обратно увидишь прелестную *Лорму* въ твоихъ чертогахъ: *Фингалъ* любитъ великодушнаго *Альда*, его десница непобѣдима; но *Фингалъ* никогда не озлоблялъ Героя:

Любезная дщерь *Фингалова*! отвѣтствуетъ *Эррагонъ*, возвѣсти ему, что онъ тщетно уготовляетъ свое пиршество. Пусть самъ онъ пріидетъ положить предъ стопы мои всѣ свои сокровища, да преклонится онъ подъ мое могущество, и принесетъ щиты и мечи своихъ праотцевъ, чтобъ чада мои, видя ихъ нѣкогда въ моихъ чертогахъ, рекли: се оружія *Фингаловы*.

Твои чада не узрятъ ихъ никогда, отвѣщаетъ съ гордымъ видомъ дщерь *Морвенская*; сіи оружія въ рукахъ непобѣдимыхъ. Сынъ иноплеменныхъ! буря тяготѣетъ на холмахъ нашихъ, или не предвидишь ты паденія твоихъ ратниковъ?

*Босмина* возвращается въ чертоги *Сельмы*. *Фингалъ*, видя ее идущую съ поникшими долу очами, востаетъ немедленно съ своего мѣста. Его бѣлые власы развѣваются на раздраженномъ его челѣ. Онъ посѣщаетъ всеоружіе *Тренмора*, и пріемлетъ щитъ своихъ праотцевъ. Простершу ему десницу къ своему копію, мрачность разліялась въ его чертогахъ; тысяща тѣней, несомыхъ на своихъ облакахъ, приближились, предзнаменуя паденіе Героевъ. Грозная ра-

дость напечатлѣвается на лицѣ старцевъ; ему сопутствующихъ; они шествуютъ противу непріятеля, воспоминая дѣла временъ претекшихъ и помышляя о славѣ, долженствующей провождать ихъ во мрачное и тѣсное жилище.

Тогда при гробѣ *Травала* являются псы, бѣгущіе съ ловитвы звѣрей. *Фингалъ* познал, что его юные ратники за ними слѣдуютъ. Онъ остановляется посреди своего шествія: *Оскаръ* явился первый, за нимъ слѣдуетъ *Галлъ* съ сыномъ *Немія*, *Фергъ* шествовалъ за ними съ видомъ мрачнымъ. *Дермидъ* черные свои власы оставляетъ вѣянію вѣтровъ. *Оссіанъ* шелъ послѣднимъ. Сынъ камени! я шелъ, поя тихо пѣсни временъ претекшихъ; я оперся на мое копіе, чтобъ прескочить источникъ, и душа моя помышляла о преждебывшихъ Герояхъ. *Фингалъ* ударяетъ во щитъ свой, и даетъ знакъ къ битвѣ. Тысяща мечей вдругъ извлеченныхъ блистаютъ на волнистой дебри. Три Барда, украшенные сѣдыми власами, изливаютъ плачевные и согласные звуки.

Сомкнувшись въ тѣсный многочисленный полкъ, мы шествуемъ на равнину подобны источнику, наводненному дожденосною бурею, и стремящемуся низринуться въ тѣсную долину.

*Фингалъ*, возсѣдши на высотѣ холма, распростираетъ на воздухъ побѣдоносное *Морвен-*

*венское* знамя; старцы, сопутники его юности, сидятЪ близЪ его. Радость озарила очи сЂдовласыхЪ ГероевЪ, когда узрЂли они чадЪ своихЪ, сражающихся мужественно, и обновляющихЪ славу своихЪ предковЪ. *ЭррагонЪ* устремляется на поле, сонмы ратниковЪ падаютЪ на его пути, и смерть летитЪ окрестЪ его.

Кто сей, вЂщаетЪ *ФингалЪ*, кто сей ратоборецЪ толь быстрый вЪ своемЪ теченіи? Его щитЪ блистаетЪ о его страну, его оружія издаютЪ звукЪ плачевный. ОнЪ ополчается противЪ *Эррагона*. . . . Друзья! взирайте на противоборствіе сихЪ ГероевЪ; но ты палЪ, юный житель холма, и твоя кровь течетЪ струями на груди твоей. Восплачь, нещастная *Лорма*; уже нЂтЪ твоего любезнаго *Альда*.

*ФингалЪ*, раздраженный смертію сего ратника, пріемлетЪ свое копіе, и устремляя на сопостата смертоносный взглядЪ, онЪ хочетЪ сойти сЪ холма; но *ГаллЪ* летитЪ противу *Эррагона*. Кто можетЪ описать битву сихЪ ГероевЪ? . . . . *ЭррагонЪ* упадаетЪ и смерть сомкнула его вЂжди.

Чада *Морвенскія*! возопилЪ *ФингалЪ*, удержите десницу смерти. Герой, котораго зрите вы простерта на прахЂ, былЪ ужасенЪ во брани; сколь много слезЪ прольется вЪ странахЪ *Соры*! ЧужестранецЪ внидетЪ вЪ чертоги и удивится глубокому

и всемѣстному безмолвію. Владыки ихъ уже нѣтъ, и веселіе, оживотворявшее ихъ празднества, съ нимъ погибло. Иноплеменникъ! склони слухъ твой на шумъ его лѣсовъ. Можетъ быть тѣнь его странствуетъ въ сихъ мѣстахъ. А онъ, онъ сраженъ ударами Героя странъ дальнихъ, покоится на поляхъ *Морвена.*

Токо вѣщалъ *Фингалъ*, Барды возгремѣли пѣсни мира; наши мечи, подъятые, чтобъ еще поражать, удерживаются и щадятъ побѣжденныхъ. Мы положили *Эррагона* въ семъ гробѣ. Я воспѣлъ въ честь его печальныя пѣсни. Ночь нисходитъ на холмы наши, *Эррагонова* тѣнь явилась нѣкоторымъ изъ нашихъ ратниковъ; онъ имѣлъ лице мрачно и печально, и казался воздыхающимъ. Миръ и спокойствіе душѣ твоей, о владыка *Соры*! твоя десница была ужасна въ поляхъ славы.

*Лорма* сидѣла въ чертогахъ *Альда* предъ горящимъ дубомъ. Ночь спускается на долины, но *Альдъ* еще не возвратился, и душа *Лормы* сѣтуетъ. — Что могло удержать тебя, любезный звѣроловецъ? Ты обѣщалъ возвратиться ко мнѣ при вечерней зарѣ. Или быстрый елень, гонимый тобою, завелъ тебя въ отдаленную долину? Въ какой дальней пустынѣ ночные вѣтры воздыхаютъ вокругъ тебя? Я одна въ странѣ чуждѣй; и нѣтъ у меня друга, кромѣ *Альда.* Возлюблен-

ленный мой! сниди съ высоты холма твоего.

Ея очи непрестанно обращаются ко вратамъ чертоговъ, она склоняетъ слухъ свой на шумъ вѣтровъ, мечтаетъ слышать шествіе *Альда*, и радость озаряетъ ея лице; но скоро вновь сѣтованіе и печаль омрачаетъ его. — Ты не возвращаешься, возлюбленный мой! я смотрю на твой холмъ. Луна восходитъ на горизонтъ. Лоно озера спокойно и блистательно. Когда увижу я вѣрныхъ твоихъ псовъ, бѣгущихъ съ ловитвы? Когда услышу любезный твой голосъ, сливающійся со свистомъ вѣтровъ? Сниди съ холма твоего любезный звѣролозецъ.

Тѣнь *Альда* явилась на возвышенномъ камени, подобна блѣдному лучу дщери небесной, когда проницаетъ онъ изъ средъ двухъ облаковъ, и когда полночная роса упадаетъ на долины.

*Лорма* познала тогда, что ея Герой уже вѣчно покоится: она слѣдуетъ за привракомъ его вдоль пустыни; я слышалъ ея жалостные вопли; они подобны были вѣющему вдали зефиру, когда воздыхаетъ онъ на злачномъ дернѣ пустынной пещеры.

Она притекла, и зритъ тѣло своего любезнаго. . . . Тогда не стало уже слышно ея гласа: она въ безмолвіи обращаетъ свои погасшія очи; блѣдна и орошенна слезами, она подобна дождевымъ парамъ, возвышающимся

ся съ озера при слабомъ сіяніи луны. Не много дней жила она въ *Морвенѣ*, она скоро низшла во гробъ, и Барды *Фингаловы* воспѣли ея нещастія. Въ каждый годъ, когда осенніе вѣтры возвращаютъ съ собою мрачныя бури, *Морвенскія* дщери посвящаютъ день рыданіямъ о прекрасной *Лормѣ*.

Иноплеменникъ! ты обитаешь здѣсь въ странѣ, покрытой Героями. Воспѣвай иногда славу сихъ знаменитыхъ ратоборцевъ. Пусть легкія ихъ тѣни прилетаютъ веселиться вокругъ тебя. Пусть нещастная *Лорма* снидетъ къ тебѣ на лучѣ лунномъ, когда сіе кроткое свѣтило проникнетъ въ твою пещеру. Ты увидишь сію нещастную, она еще прелестна; но ея ланиты всегда окроплены слезами.

---

## КОМЛАТЪ и КЮТОНА.

### *ПОЭМА.*

### Содержаніе.

*Комлатъ* былъ самый младшій сынъ *Морнія*, и братъ знаменитаго *Галла*, толь часто упоминаемаго въ *Оссіановыхъ* поэмахъ; онъ любилъ *Кютону*, дщерь *Румара*, когда *Тоскаръ*, сынъ *Кенфена*, и *Фергъ*, его другъ, прибыли изъ *Ирландіи* въ *Мору*, столицу *Комлата*. *Комлатъ*, слѣдуя обыкновенію того времени, исполнилъ въ разсужденіи

ніи ихЪ всѣ должности гостепріимства; онЪ угощалЪ ихЪ три дни, вЪ четвертый день они пустились вЪ море, держась вЪ пути своемЪ одного изЪ острововЪ называемыхЪ плывучими, которой безЪ сомнѣнія былЪ одинЪ изЪ *Гебридскихъ*. *Тоскаръ*, узрѣвЪ *Кютону* на звѣриной ловлѣ, влюбился вЪ нее и силою увелЪ ее на свой корабль. Худая погода принудила его пристать кЪ *Итонѣ*, кЪ острову ненаселенному. ВЪ тоже время *КомлатЪ*, узнавЪ о похищеніи своей возлюбленной, пустился вЪ море, чтобЪ достичь похитителя, и онЪ достигЪ его вЪ ту самую минуту, когда сей хищникЪ хотѣлЪ плыть вЪ *Ирландію*; они вступили вЪ кровавое сраженіе, на которомЪ оба погибли, равно какЪ и всѣ ихЪ ратники. *Кютона*, спустя три дни, умерла сЪ печали. *ФингалЪ*, узнавЪ о нещастномЪ ихЪ жребіи, послалЪ *Стормала*, сына *Моры*, чтобЪ воздать имЪ честь погребенія, но забылЪ послать Барда, которой бы воспѣлЪ печальный гимнЪ на ихЪ гробѣ. Послѣ сего тѣнь *Комлатова* явилась *Оссіану*, прося, чтобЪ онЪ его и *Кютоны* имя предалЪ потомству; ибо тогда думали, что души покойныхЪ не могли быть благополучными, доколѣ БардЪ не воспоетЪ вЪ честь имЪ плачевной пѣсни.

---

Не глас ли нѣкій слышится *Оссіану*? Или это одна только мечта? Часто воспоминаніе прешедшихъ времень прилетаетъ озарять мою душу. Шумъ звѣроловства обновляется въ моемъ воображеніи; часто въ мысляхъ моихъ подъемлю я копіе ратоборческое. . . . Но это не мечта, *Оссіанъ* слышитъ нѣкій голосъ. Кто ты, о чадо ночи? Все вокругъ меня покоится, и полунощный вѣтръ свиститъ въ моемъ жилищѣ. . . . Можетъ быть вѣтры звучатъ во щитъ *Фингаловъ*: онъ виситъ на стѣнѣ, и я осязаю его иногда ослабшими моими руками. . . . Но это не мечта, я познаю гласъ твой, о любезный другъ! уже давно не касался онъ моему слуху. Великодушный *Комлатъ*! что влечетъ тебя къ *Оссіану*? Съ тобою ли друзья печальнаго старца? Гдѣ мой возлюбленный *Оскаръ*? Сей знаменитый сынъ славы часто находился при тебѣ посреди грозныхъ сраженій.

### ТѢНЬ КОМЛАТОВА.

Покоится ли въ своемъ чертогѣ сладостный пѣвецъ *Коны*? Такъ, онъ спитъ, и друзья его во гробѣ не воспѣты и не прославлены ни единымъ Бардомъ. *Оссіанъ*! море стремится окрестъ мрачной *Итоны*, и чужестранецъ не видитъ гробницъ нашихъ. Доколѣ наши имена пребудутъ забвенны?

ОССІ-

## ОССІАНЪ.

О естьли бы очи мои могли зрѣть тебя сѣдяща на твоемъ темномъ облакѣ! Туману ли подобенъ ты *Лана*, или воздушному огню до половины погасшему? Изъ какого вещества составленъ воздушный твой лукъ, и бахрамы твоей одежды? . . . Но онъ изчезъ на своемъ вихрѣ, какъ легкій паръ. Спустися со стѣны, гдѣ ты покоишься, арфа моя, и приди изливать гласы ударяема моими перстами.

Свѣтильникъ памяти да разліетъ свой блескъ на *Итону*, и покажетъ мыслямъ моимъ умершихъ моихъ друзей. . . . Такъ, я ихъ вижу въ нѣдрахъ сего голубаго острова; я усматриваю пещеру *Тоны*, ея камни покрытые мхомъ, и ея согбенныя древа; источникъ шумитъ при ея входѣ, *Тоскаръ* приникъ на ея брега. *Кіотона* сидитъ, и плачетъ; не ихъ ли слышу я бесѣдующихъ купно, или шумъ волнъ пренесенный вѣтрами обманываетъ слухъ мой (а)?

## ТОСКАРЪ.

Ночь была бурная; стенящіе дубы исторгаясь упадали съ горъ; море подъемлемо вѣтрами волновалось во мракахъ, и гремящіе валы устремлялись противъ утесистыхъ

---

(а) *Оссіанъ* воображаетъ себѣ, что онъ слышитъ ихъ бесѣдующихъ, и повторяетъ ихъ разговоры.

стыхъ камней, частыя молніи разсѣкали воздухъ, и дозволяли видѣть изхохшіе кустарники. *Фергъ*! я зрѣлъ нѣкій призракъ: онъ стоялъ на брегѣ безмолвенъ. Одежда его, составленная изъ паровъ, развѣвалась по волѣ вѣтровъ. Я видѣлъ текущія слезы его, онъ имѣлъ видъ старца, погруженнаго въ глубокую задумчивость.

ФЕРГЪ.

Это былъ твой родитель, о *Тоскаръ*! онъ предвидитъ смерть какого нибудь Героя отъ своего племени: тако явился онъ на горѣ *Кромлѣ* предъ смертію великаго *Маронна-на*. Смѣющійся *Уллинъ*! коль пріятны мнѣ твои цвѣтущія долины и твои холмы, одѣянные злачнымъ дерномъ! Тишина царствуетъ на брегахъ твоихъ источниковъ, и солнце позлащаетъ твои поля. Коль сладостно внимать звону арфы въ чертогахъ *Селамы* (6) и крикамъ звѣроловца на высотахъ *Кромлы*! Но мы нынѣ во мрачной *Итонѣ*, окруженны бурею; волны подъемлютъ пѣнистыя свои главы превыше камней, и мы трепещемъ посреди ночнаго мрака.

ТОСКАРЪ.

О *Фергъ*, бѣловласый Герой! какъ изчезла твоя неустрашимая бодрость? Ты былъ ду-

---

(6) Дворецъ *Тоскара* на брегу *Ульстера* близъ горы *Кромлы*.

душею сраженій, я зрѣлъ тебя всегда безтрепетна въ самыхъ грозныхъ опасностяхъ, и посреди кроваваго бою блистали очи твои радостію. О *Фергъ*! какъ премѣнилась твоя бранноносная душа? Когда знали ужасъ предки наши? Воззри, море спокойно, вѣтры безмолвствуютъ, волны еще дрожатъ на поверхности бездны, и кажется они боятся возврата бури; но все въ тишинѣ. Виждь раждающуюся на холмахъ нашихъ десницу. Скоро и солнце изыдетъ отъ востока во всемъ блистательномъ своемъ великолѣпіи.

Я распустилъ съ радостію парусы мои предъ чертогами великодушнаго *Комлата*. Я летѣлъ близъ единаго изъ плавающихъ островов, гдѣ его возлюбленная бѣжала во слѣдъ лани; я ее узрѣлъ, она подобна была сему первому дня лучу, проницающему облаки востока. Уклоншись впредъ тѣломъ, напрягала она лукъ свой, и въ семъ усиліи десница ея, простертая ко груди, блистала бѣлизною какъ снѣгъ *Кромлы*. Прекрасная звѣроловительница! сказалъ я самъ себѣ, владѣй моимъ сердцемъ. . . Но она дни и ночи провождаетъ въ слезахъ, и мыслитъ только о великодушномъ *Комлатѣ*. Любезная! какъ я могу возвратить спокойствіе твоему сердцу?

*КЮТОНА.*

Вдали отъ сихъ мѣстъ возвышается крутый холмъ, съ котораго долговѣчныя дре-

древа, и покрытые мохомЪ камни уклоняются надЪ море; волны катаются при его подножіи; на его ребрахЪ обитаютЪ быстротечныя лани: имя его *АрвенЪ*. Тамо возвышаются башни *Моры*. Тамо *КомлатЪ*, устремя очи свои на волны, ожидаетЪ владѣтельницу своего сердца. Юныя дѣвицы возвращаются отЪ ловитвы; *КомлатЪ* видитЪ очи ихЪ потупленны и омочены слезами. . . . Гдѣ дщерь *Румарова*? Но увы! онѣ ему не отвѣтствуютЪ. . . . СынЪ иноплеменныхЪ! на единомЪ токмо *Арвенѣ* сердце мое найдетЪ свое спокойствіе.

*ТОСКАРЪ.*

Да будетЪ такЪ! *Кютона* отЪидетЪ на *АрвенЪ*, гдѣ обитаетЪ спокойствіе сердца ея: она возвратится вЪ жилище великодушнаго *Комлата*: онЪ другЪ *ТоскаровЪ*. Я участвовалЪ вЪ его пиршествахЪ: востаньте легкіе и кроткіе вѣтры *Уллина*, устремите мои парусы ко брегамЪ *Арвена*. ТамЪ *Кютону* встрѣтитЪ ея щастіе, но *ТоскарЪ* будетЪ провождать дни свои вЪ печали. Сидя вЪ уединенной моей пещерѣ, я склоню слухЪ мой кЪ шумящему вЪ древесахЪ моихЪ вѣтру; я почту его гласомЪ *Кютоны*. . . Но она будетЪ отЪ меня далече, вЪ жилищѣ мужественнаго *Комлата*.

*КЮТОНА*.

АхЪ! какой несется облакЪ? На немЪ зрятся тѣни моихЪ предковЪ. Я вижу ба-

храм-

храмы ихъ одеждъ сотканныхъ изъ воздуха. *Румаръ*! когда я изчезну? Печальная *Кютона* предчувствуетъ свою смерть; увидитъ ли еще меня *Комлатъ*, доколь не сниду я въ тѣсное мое жилище?

## ОССІАНЪ.

Онъ тебя увидитъ, нещастная, корабль его разсѣкаетъ волны Океана. Онъ уже притекъ: его копіе червленѣетъ кровію *Тоскара*: но и самъ онъ пораженъ въ ребра ударомъ смерти: я зрю его при входѣ пещеры *Тоны*, блѣдна и указующа на свою глубокую язву. . . . Гдѣ ты, *Кютона*, гдѣ ты? Вождь *Моры* изливаетъ послѣдній духъ жизни, и проситъ, да почтишь его слезами. . . . Но сіе видѣніе, всѣ сіи печальные виды заглаждаются въ моей мысли: я уже не вижу сихъ Героевъ. Барды вѣковъ будущихъ! не воспоминайте о смерти *Комлата* безъ пролитія слезъ. Жизнь его пресѣклась въ *Морѣ*. Его рождшая воззрѣла на щитъ его висящій на стѣнѣ, и видитъ его обагренна кровію; она познала тогда, что нѣтъ уже ея сына, и *Мора* отзывается воплями ея болѣзни.

Нещастная *Кютона*! ты осталась при тѣлахъ Героевъ. Наступила ночь, возсіяло вновь утро, и нѣтъ никого, ктобъ воздвигнулъ Героямъ гробы. Ты удаляешь отъ ихъ тѣлъ хищныхъ птицъ; блѣдна и отчаянна, ты не престаешь орошать ихъ слезами.

Рат-

Ратники *Фингаловы* притекли, и врятѣ ее уже умершу отѣ печали; они возвысили гробницу двумѣ Героямѣ; о страну *Комлата* покоится его возлюбленная. . . . О *Комлатѣ*! не являйся уже мнѣ вѣ сновидѣніяхѣ. Я воспѣлѣ вѣ честь тебѣ надгробную пѣснь; да не удаляетѣ уже гласѣ твой благотворительнаго сна отѣ моего жилища.

Ахѣ! для чего не могу я забыть друзей моихѣ, доколѣ загладятся на земли слѣды мои, доколѣ наступитѣ день, вѣ которой сѣ радостію могу сѣ ними увидѣться на зыбяхѣ воздушныхѣ, тогда, какѣ тѣло мое утомленное лѣтами будетѣ покоиться во гробѣ?

---

## КАРРИКТУРА.

## *ПОЭМА.*

### Содержаніе.

*Фингалѣ*, возвращаясь сѣ войны изѣ одной Римской провинціи, восхотѣлѣ посѣтить *Катула*, Государя *Инисторскаго* и брата *Комалы*, о которой повѣсть видѣли вѣ одной изѣ предыдущихѣ поэмѣ. Будучи вѣ виду *Каррикуры*, дворца *Катулова*, усмотрѣлѣ онѣ на высотѣ его возженный огонь, что было тогда знакомѣ бѣдствія. Онѣ вошелѣ вѣ одинѣ заливѣ вѣ нѣкоторомѣ разстояніи отѣ *Каррикуры*, и принужденѣ былѣ препроводить ночь на берегу. На другой день на-

напалъ онъ на войско *Фромала*, Государя *Соры*, осаждающаго тогда чертоги *Катулобы*, разбилъ оное и плѣнилъ самаго *Фротала*. И такъ освобожденіе *Карриктуры* служитъ содержаніемъ сей поэмѣ; но она заключаетъ въ себѣ и другія повѣсти. Изъ преданій видно, что сія поэма посвящена была одному *Кюльдею*, или пустыннику, и что *Оссіанъ* о духѣ *Лоды*, почитаемомъ отъ нѣкоторыхъ *Оденомъ*, божествомъ *Скандинавіи*, говоритъ въ сей поэмѣ для того единственно, чтобъ противоположить его ученію *Кюльдея*. Какъ бы то ни было, но изъ сего видно, что *Оссіанъ* имѣлъ понятіе о высочайшемъ Существѣ, и притомъ мысли его не были помрачены грубымъ суевѣріемъ, царствовавшимъ во всей вселенной прежде Рождества Христова.

---

Златовласый тверди сыне! и тако оставилъ ты уже лазоревыя поля небесъ? Западъ отверзъ тебѣ врата свои. Тамо сооруженъ великолѣпный твой одръ, на которомъ ты покоишься. Волны Океана приближаются, чтобъ взирать на твою красоту; онѣ подъемлютъ свои трепещущія главы, и зря тебя исполнена величества въ самыхъ объятіяхъ сна, убѣгаютъ вспять съ благоговѣніемъ. Покойся въ нощномъ твоемъ убѣжищѣ, о солнце! чтобъ съ радостію обно-

витъ свое блистательное теченіе. . . . Но да возвысится въ *Сельмѣ*, при звукѣ сладкострунныхъ арфъ, тысяща возженныхъ свѣтильниковъ, и горящій дубъ да озарить чертоги пиршествъ: великій *Фингалъ* возвращается торжествуя. Война при *Кронѣ* (а) уже окончалась; она прешла подобно звуку, поразившему слухъ, и скоро изчезшему. Возвысьте гласъ свой *Морвенскіе* Барды, *Фингалъ* возвращается возвеличенъ славою.

Тако пѣлъ *Уллинъ* при возвращеніи *Фингала* отъ брани *кронской*. Цвѣтъ юности блисталъ на лицѣ *Фингала*, черные и густые власы украшали его главу. Мѣдное всеоружіе, искусною рѣзьбою восхищающее, покрывало все его тѣло, какъ синеватый облакъ покрываетъ солнце, когда оно шествуетъ одѣянно ризою тумановъ, и половину только лучей своихъ изливаетъ.

*Фингалу* сопутствуютъ его ратники, торжественное пиршество уготовляется. Сладостные пѣвцы *Коны*! рекъ владыка, обратясь къ своимъ Бардамъ, вы, въ душѣ которыхъ начертаны воинства и подвиги нашихъ праотцевъ! наполняйте чертоги мои зву-

(а) *Оссіанъ* сочинилъ особливую поэму на войну при *Кронѣ*; но Г. *Макферсонъ* не могъ отъискать, кромѣ нѣкоторыхъ изъ ней отрывовъ, которыхъ онъ не перевелъ на Аглинской языкъ.

звуками арфЪ, и слухЪ *Фингаловъ* да внемлетЪ вашимЪ пѣснямЪ. Печаль имѣетЪ свои пріятности, и сладость ея подобна весенней влагѣ, когда умягчаетЪ она кору долголѣтняго дуба, и когда младый листочикЪ покрывается влакомЪ. Пойте, о Барды! заутра мы расширимЪ наши парусы. Заутра преплыву я ОкеанЪ, и вниду вЪ *Карриктуру*, вЪ чертоги *Сарна*, гдѣ обитала нѣкогда *Комала*. Тамо великодушный *КатулЪ* даетЪ великолѣпныя пиршества. Его лѣса населены дикими вепрями; вЪ нихЪ будутЪ отзываться крики нашей ловитвы.

*КронанЪ* (6), сынЪ сладкогласія! рекЪ *УллинЪ*, и ты *Минона*, которой персты сЪ толикою пріятностію перебѣгаютЪ по струнамЪ арфы! да услышимЪ мы изЪ устЪ вашихЪ пѣсни *Схирлика*: онѣ будутЪ сладостны для владыки *Морвенскаго*. Пусть *Винвела* явится во всей своей красотѣ. О *ФингалЪ*! она грядетЪ; я слышу гласЪ ея: онЪ сладокЪ, но жалостенЪ.



6) Можно думать, что лица *Схирлика* и *Винвелы* представляемы были *Кронаномъ* и *Миноною*. Имена ихЪ довольно показываютЪ, что они играли и пѣли при торжествахЪ; *Кронанъ* значитЪ *плачевный звукъ*, *Минона нѣжный голосъ*. Вѣроятно, что всѣ драматическія *Оссіановы* поэмы представляемы были вЪ торжественные дни вЪ присутствіи Фингала.

### ВИНВЕЛА.

Мой возлюбленный странствуетъ непрестанно по горамъ, онъ стремится во слѣдъ быстрыя серны. Его псы окружаютъ его задыхаясь, и струна лука его звучитъ въ воздухѣ. Дражайшій мой любовникъ! гдѣ покоишься ты? на брегахъ ли ручья камени, или близъ горнаго источника? Вѣтръ колеблетъ кустарники, его дуновеніемъ летаетъ туманъ надъ высотами холмовъ твоихъ. Никѣмъ невидима, спѣшила я приближиться къ моему возлюбленному и видѣть его съ высоты камня. О *Схирликъ*! коль ты мнѣ показался любезенъ, когда въ первый разъ узрѣла я тебя близъ стараго дуба при струяхъ *Бранна*! Ты возвращался съ ловитвы звѣрей, ты былъ величественнѣе и прекраснѣе всѣхъ друзей нашихъ.

### СХИРЛИКЪ.

Какой гласъ внемлется моему слуху? Онъ пріятенъ, какъ зефиръ среди знойнаго лѣта. Я не сижу близъ колеблющихся кустарниковъ. Я не слышу журчанія источниковъ. Я удаленъ отъ тебя, *Винвела*, и ратоборствую подъ знаменемъ *Фингала*. Мнѣ не сопутствуютъ ловчіе мои псы. Нѣтъ меня на холмѣ моемъ, и съ высоты камени уже не зрю тебя ходящую съ пріятностію въ долинѣ, и текущую во слѣдъ нашимъ источникамъ, блистательну и прекрасну, какъ

какъ луну, когда изображаетъ она лице свое въ западномъ морѣ.

*ВИНВЕЛА.*

И такъ ты оставилъ меня, о *Схирликъ*! я одна на высотѣ горы. Быстрая серна, странствуя на ся вершинѣ, безъ боязни питается мягкою травою; шумъ вѣтровъ, перепетаніе листвій ее уже не безпокоятъ. Нѣтъ звѣроловца; онъ отшелъ въ отдаленныя страны, онъ нынѣ въ поляхъ смерти. Иноплеменники, чада Океана! пощадите моего возлюбленнаго *Схирлика*.

*СХИРЛИКЪ.*

Естьли должно мнѣ погибнуть на полѣ сраженій, не забудь, о *Винвела*! воздвигнуть мнѣ гробницу. Малое число голубыхъ камней, покрытыхъ землею, напомнятъ о мнѣ временамъ грядущимъ. Звѣроловецъ возсядетъ близъ сея гробницы, чтобъ въ часы полудня укрѣпиться умѣренною пищею; онъ скажетъ: на семъ мѣстѣ покоится ратоборецъ. И слава моя будетъ безсмертна въ его похвалахъ. Не забудь меня, о *Винвела*! когда я почію во гробѣ.

*ВИНВЕЛА.*

Такъ, я тебя не забуду. . . . Ахъ! безъ сомнѣнія погибнетъ возлюбленный мой *Схирликъ*. Что я буду, дражайшій любовникъ, когда ты сокроешься отъ меня на вѣки? Въ часы полудня я приду на сіи холмы; я сиду

ду въ сію безмолвную долину; тамо увижу я мѣсто, гдѣ любилъ ты покоиться, возвратясь съ ловитвы. . . . Ахъ! безъ сомнѣнія мой *Схирликъ* погибнетъ; но я вѣчно его не забуду.

Я помню сего Героя, вѣщаетъ владыка *Морвенскій*; среди сраженій онъ былъ какъ пожирающій пламень; но нынѣ уже не видятъ его мои очи. Нѣкогда срѣтилъ я его на холмѣ, ланиты его покрыты были блѣдностію, чело его было мрачно; частые вздохи исторгались изъ его персей. Онъ шествовалъ въ пустыню. Онъ уже не является въ ликѣ моихъ ратниковъ, когда призываетъ ихъ звукъ моего щита. Мужественный вождь *Карморы* покоится въ тѣсномъ жилищѣ.

*Кронанъ*! рекъ *Уллинъ*, возгласи намъ пѣсни *Схирлика*, когда возвратясь въ свое отечество, не нашелъ онъ возлюбленной своей *Винвелы*. Онъ почиталъ ее въ живыхъ, и ходилъ по ея гробницѣ: онъ видитъ ее бѣгущую съ легкостію по долинѣ, но любезный призракъ не могъ долго обольщать его. Скоро сей слабый лучь престаетъ, и тѣнь *Винвелы* скрывается. Послушаемъ пѣсней нещастнаго *Схирлика*; онѣ исполнены сладости, онѣ исполнены печали.

*СХИРЛИКЪ.*

Я сижу въ высотѣ холма, на мхѣ окружающемъ источникъ; листвіе долголѣтняго древа шумитъ надъ моею главою; при стопахъ моихъ мутныя волны источника стремят-

мятся въ дебри, и еще ниже пространное озеро представляетъ тѣнистую поверхность. Серна спускается съ холма; не видно вдали ни единаго звѣроловца; не слышно свисту спокойнаго пастыря. Теперь полдень, все въ тишинѣ; я одинъ, и печаль обладаетъ моими мыслями. О *Винвела*! не тебя ли я съ трудомъ усматриваю въ семъ полѣ? Твои долгіе власы развѣваются по твоимъ раменамъ; твоя бѣлая грудь возъемлется и упадаетъ, изливая глубокіе вздохи; прекрасныя очи твои исполнены слезъ. Ты оплакиваешь своихъ подругъ и спутницъ, которыхъ горный туманъ сокрылъ отъ твоего взора. Я хочу тебя утѣшить, о любезная! хочу проводить тебя въ чертоги твоего родителя. . . . Но тебя ли я вижу? или прелетѣла ты камни и горы, чтобъ устремиться въ мои объятія? . . . Она говоритъ: сколь слабъ ея голосъ! онъ ничто, какъ томный вздохъ зефира среди кустарниковъ.

*ВИНВЕЛА.*

И такъ возвратился ты уже, любезный мой *Схирликъ*? Извѣгъ ты опасностей брани? Гдѣ твои друзья? Слухъ о смерти твоей разнесся на холмѣ, я его слышала, и проливала о тебѣ слезы.

*СХИРЛИКЪ.*

Такъ, я возвратился, дражайшая красота, но я возвратился одинъ; ты уже не увидишь друзей моихъ; руки мои воздвигли

имъ гробницы въ полѣ; но для чего ты одна на семъ пустынномъ холмѣ?

*ВИНВЕЛА.*

Да, я одна, *Схирликъ*! одна въ мрачномъ и хладномъ жилищѣ. Печалясь о тебѣ, я умерла. *Схирликъ*! я уже во гробѣ.

*СХИРЛИКЪ.*

Она отлетѣла, она изчезла, какъ легкій дымъ при дыханіи вѣтровъ! . . . Пожди, дражайшая любовница, пожди и воззри на мои текущія слезы. Ты была прекрасна въ жизни своей, прекрасною являешься мнѣ и послѣ смерти.

*ВИНВЕЛА.*

Въ полуденные часы, когда безмолвіе и тишина воцарится въ поляхъ нашихъ, я приду и сяду при брегѣ сего источника, на вершинѣ холма; тогда приди и ты бесѣдовать со мною; ты, виновникъ слезъ моихъ, прилети на крилахъ зефира, или горнаго вѣтра, когда пойдешь ко мнѣ, да услышу я сладостный гласъ твой среди всеобщаго безмолвія.

Тако воспѣвалъ *Кронанъ* при торжествѣ въ *Сельмѣ*; но утро позлащаетъ уже востокъ, и лазоревыя волны катятся при раждающемся его свѣтѣ. *Фингалъ* повелѣваетъ своимъ ратникамъ уготовить корабль; вѣтры оставляютъ *Морвенскіе* холмы и спѣшатъ развѣвать его парусы. Уже открывается вдали брегъ *Инистора*, и древнія баш-

ни

ни *Каррикутуры*; но *Фингалъ* усматриваетъ на высотѣ чертоговъ знаменіе бѣдствія: видитъ пламень, соединенный съ дымомъ. При семъ зрѣлищѣ владыка *Морвена* ударяетъ себя во грудь, и пріемлетъ свое копіе. Лице его, изображующее нетерпѣливость, обращается непрестанно ко брегу; его взоры досадуя обвиняютъ медленность вѣтровъ; его власы развѣваются безпорядочно, онъ стоитъ въ грозномъ безмолвіи.

Ночь уже спускается на волны, и заливъ *Роты* пріемлетъ въ себя корабль *Фингаловъ*; утесистый камень, обремененный лѣсами, простирается вдоль по брегу. На высотѣ его огражденіе *Лоды* (в) и *камень могущества*. Въ подножіи холма зрится узкая равнина, всегда покрытая остатками растеній и древесъ, исторгнутыхъ полуночнымъ вѣтромъ съ высоты камней. Въ сей долинѣ извивается пепловидный источникъ, и пустынный вѣтръ Океана разноситъ тамъ непрестанно легкій цвѣтъ терновника.

Три возженные дуба озаряютъ брегъ. Пиршество уготовано, но душа *Фингалова* печальна; онъ мыслитъ о грозной опасности своего друга; востающая луна изливала блѣдный



(в) Думаютъ, что духъ *Лоды* есть *Оденъ*, божество сѣверныхъ народовъ; кругъ *Лоды* есть каменное огражденіе, гдѣ ему покланялись; *камень могущества* его кумиръ.

ный и хладный свѣтъ; сонъ нисходитъ на воинство; шлемы усыпленныхъ ратоборцевъ блистали еще при умирающемъ огнѣ дубовъ; но *Фингаловы* очи не покаряются усилію сна. Онъ востаетъ, пріемлетъ свое оружіе, восходитъ тихими стопами на высоту холма, и хочетъ еще видѣть зловѣщающій пламень чертоговъ *Капуловыхъ*.

Сей пламень изливалъ въ отдаленность мрачное только и тусклое блистаніе; луна сокрывала багровое лице свое въ облакахъ востока; внезапу устремляется съ горы порывистый вихрь, и несетъ въ себѣ духа *Лоды*. Привракъ сталъ на своемъ камени; ужасы и огни окружаютъ его; онъ потрясаетъ грозным и великимъ своимъ копіемъ; очи его подобны пламени; гласъ его, яко гласъ грома, катящагося вдали. Безтрепетный *Фингалъ*, возвыся копіе, шествуетъ и вѣщаетъ ему:

Сынъ ночи! призови твои вихри и бѣги отъ меня далече. Почто являешься ты мнѣ ополченъ ничтожнымъ своимъ оружіемъ? или надѣешься ты устрашить меня исполинскимъ своимъ тѣломъ? Мрачный духъ *Лоды*! какую крѣпость имѣетъ облачный твой щитъ, твой огненный воздушный мечь? Вѣтры уничтожаютъ ихъ въ пространствѣ воздуха, и ты самъ изчезнешь купно съ ними. Слабый сынъ ночи! призови твои вихри, и бѣги отъ меня далече.

Или

Или хочешь ты принудить меня оставить огражденіе, гдѣ покланяются мнѣ? отвѣтствуетъ призракъ томнымъ гласомъ. Народы повергаются къ стопамъ моимъ; жребій воинствъ въ моей власти. Я воззрю на племена земныя, и онѣ изчезаютъ; мое дыханіе изливаетъ смерть, я летаю на крилахъ вѣтровъ, бури мнѣ предшествуютъ; но мое жилище безмятежно превыше облакъ. Ничто не можетъ поколебать моего спокойствія въ убѣжищѣ, гдѣ я обитаю.

Останься спокоенъ въ твоемъ убѣжищѣ, рекъ *Фингалъ*, и забудь сына *Комалова*. Или зрѣлъ ты меня, стремящагося съ высоты моихъ холмовъ въ безмятежное твое жилище? Мрачный духъ *Лоды*! когда копіе мое устремлялось противъ тебя сѣдящаго на своемъ облакѣ? Почто убо взирая на меня угрюмыми и нахмуренными очами, потрясаешь ты здѣсь воздушнымъ своимъ копіемъ? Но твои угрозы тщетны: владыка *Морвена* вѣчно не обращался въ бѣгство отъ самыхъ мужественныхъ ратоборцевъ земли, такъ устрашатъ ли его воздушныя чада? Нѣтъ, ему извѣстна слабость ихъ оружія.

Возвратись въ твое отечество, прервалъ рѣчь его призракъ, бѣги, я пошлю тебѣ благопріятствующіе вѣтры; всѣ вихри содержу я заключенными въ десницѣ моей, и я, я единственно управляю стремленіемъ бурь.

Вла-

Владыка *Соры* мой сынЪ, онЪ преклоняетЪ колѣна свои предЪ камнемЪ моего могущества. Его воинство осаждаетЪ *Каррихтуру*; я хочу, да онЪ восторжествуетЪ. Возвратись вЪ твое отечество, *КомгаловЪ* сыне, или страшись моего гнѣва.

ОнЪ рекЪ и подЪемлетЪ свое воздушное копіе, уклоняясь кЪ *Фингалу* огромнымЪ своимЪ тѣломЪ. Владыка *Морвена* не косня приближается, извлекаетЪ мечь свой, чудное искусство знаменитаго *Луна*; онЪ ударилЪ, и блистательная сталь безпрепятственно пронзаетЪ воздушное тѣло. ПризракЪ теряетЪ видЪ свой и разстилается по воздуху, подобно столпу дымному, разторгнутому жезломЪ отрока вЪ то самое время, когда исходитЪ онЪ изЪ пещи погасающей.

ДухЪ *Лоды* возопилЪ, и самЪ вЪ себя свившись, сокрылся вЪ вихряхЪ (г). ОтЪ сего страшнаго вопля потрясся *ИнисторЪ*, волны услышали крикЪ сей вЪ безднахЪ своихЪ, и ужа-

(г) ВымыселЪ *Оссіановъ* вЪ разсужденіи *Фингала* и духа *Лоды* довольно страненЪ. — Но и вЪ нашемЪ вѣкѣ у лучшихЪ стихотворцовЪ находятся подобные примѣры. ВЪ оправданіе *Оссіана* служитЪ по крайней мѣрѣ то, что онЪ писалЪ сообразуясь совершенно мыслямЪ своего времени. Тогда вѣрили, что души умершихЪ вещественны, и потому подвержены чувствію боли.

ужасаясь остановились. Спутники *Фингаловы* вдругЪ воспрянули, и отягощаютЪ десницы свои копьями; они примѣтили, что вождя ихЪ нѣтЪ; сЪ яростію вопіютЪ они, и звукЪ ихЪ оружія гремитЪ во время ночи.

Сребровидная луна продолжала шествіе свое на небесахЪ. *ФингалЪ* возвращается кЪ своему воинству. Коль велика была отрада юныхЪ его ратниковЪ! ИхЪ души успокоились, какЪ волны послѣ мрачныя бури. *УллинЪ* возгласилЪ пѣсни веселія, отзывы ихЪ восхитили радостію *Инисторскіе* холмы; всѣ собираются вокругЪ зазженныхЪ древЪ, и до кроткихЪ лучей утра повѣствуютЪ дѣянія древнихЪ ГероевЪ.

*ФроталЪ*, Царь *Соры*, сидѣлЪ при корнѣ дуба задумчивЪ и прискорбенЪ; воинство его окружало *Карриктуру*; онЪ возводилЪ яростные взоры на твердыя стѣны; онЪ горѣлЪ желаніемЪ обагрить руки свои кровію *Катула*, чтобЪ отмстить безчестіе, содѣланное нѣкогда ему симЪ ГероемЪ. *АнирЪ*, отецЪ *ФроталовЪ*, владычествовалЪ еще вЪ *Сорѣ*; благопріятный вѣтрЪ असталЪ на волнахЪ моря, и принесЪ *Фротала* на брегЪ *Инистора*. ОнЪ вошелЪ вЪ чертоги *Сарна*; три дни протекли вЪ пиршествахЪ; онЪ узрѣлЪ прелестную *Комалу*; узрѣлЪ, влюбился вЪ нее, и хотѣлЪ похитить. *КатулЪ* противоборствуешЪ его усилію; воспламенѣла битва; *ФроталЪ* побѣжденЪ и заклю-

ключенъ въ узы въ чертогахъ *Сарна*. Онъ пребылъ въ нихъ три дни въ отчаяніи; въ день четвертый *Сарнъ* отпустилъ его обратно на его корабль. *Фроталъ* стремится въ свое отечество; но душа его злобствуетъ противъ великодушнаго *Катула*. *Аниръ* нисшелъ во гробъ, *Фроталъ* возвращается предводительствуя многочисленнымъ воинствомъ. Огонь брани окружилъ отвсюду *Каррикгтуру*, и угрожалъ обратить въ пепелъ древнія твердыни *Сарна*.

*Инисторъ* озарился первыми лучами дня. *Фроталъ* ударяетъ въ черный свой щитъ. Ратники его пробуждаются, и очи ихъ едва еще отверстыя обращаются къ волнамъ Океана; они усматриваютъ на брегѣ непобѣдимаго *Фингала*.

Кто сей тако быстрыми шествующій стопами? рекъ *Тубаръ*. *Фроталъ*! я зрю сопостата, я вижу его возвышенное копіе: можетъ быть то *Фингалъ*, владыка *Морвенскій*, первый изъ смертныхъ; его подвиги извѣстны въ *Гормалѣ*, и кровію сопостатовъ его багрѣютъ еще стѣны чертоговъ *Сарновыхъ*. Шествовать ли мнѣ просить его о честномъ и дружескомъ мирѣ? Небесный перунъ не тако страшенъ, какъ сей *Морвенскій* владыка.

Слабый ратникъ! отвѣтствуетъ *Фроталъ*, или хочешь ты, чтобъ начало жизни моей ознаменовалось подлою робостію, и чтобъ я уступилъ,

тилЪ, не вѣнчавшись никогда еще побѣдою? Народы *Соры* возгласятЪ: *Фроталъ* стремился яко блистательный воздушный огнь; но мрачный облакЪ его срѣтилЪ, и принудилЪ изчезнуть. НѣтЪ, *ТубарЪ*, я вѣчно не уступлю сопостату; я хочу, да окружаетЪ меня блескЪ славы. *Тубарь*! не вѣщай мнѣ никогда о бѣгствѣ.

ОнЪ рекЪ, . и устремляется; волны его воинства наводняютЪ поле; но срѣтаютЪ они вЪ немЪ твердый и непоколебимый камень: то былЪ *ФингалЪ*: они сокрушаются, и катятся близЪ ребрЪ сего камня. Слабые сіи ратники не видятЪ себѣ спасенія и вЪ бѣгствѣ. Копіе *Фингалово* ихЪ поражаетЪ: все поле покрыто сраженными; высокій холмЪ едва служитЪ убѣжищемЪ остатку разсѣянныхЪ воиновЪ. *ФроталЪ* видитЪ гибель своихЪ полковЪ, и скрежещетЪ отЪ ярости; воспламененныя очи его поникли кЪ землѣ; онЪ призываетЪ *Тубара*: вождь *Торы*! мои ратники побѣгли отЪ лица *Фингалова*, и слава моя раждаясь изчезла. Я хочу единоборствовать сЪ ЦаремЪ *Морвенскимъ*; я покаряюсь ярости, пылающей вЪ моемЪ сердцѣ. Пошли кЪ *Фингалу* единаго изЪ БардовЪ, да речетЪ ему о единоборствіи со мною; не прекословь мнѣ, и спѣши исполнить мое велѣніе. . . . Но, *ТубарЪ*, я люблю красавицу, она обитаетЪ на брегахЪ источника *Тана*; тебѣ извѣстна любезная дщерь *Германова*,

бѣло-

бѣлогрудая *Утоа*, плѣняющая кроткимъ и тихимъ взоромъ. Ея нѣжная ревность страшилась дщери *Инисторской* (*Комалы*), и мое отшествіе извлекло изъ груди ея тяжкіе вздохи. Скажи ей, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ, и что она всегда была утѣхою и сладостію моего сердца.

Тако вѣщалъ *Фроталъ*, предпріявъ единоборствовать съ *Фингаломъ*. Но *Утоа* стоящая близъ его воздыхала тихо: она была въ одеждѣ младаго ратника, и сопутствовала своему любовнику на волны; скрывая чело свое подъ блестящимъ шлемомъ, она провождала повсюду своего юнаго воителя; она зритъ Барда отходяща къ *Фингалу*, и копіе упадаетъ изъ ея руки; ея власы разпустились по раменамъ; бѣлая грудь ея возвышалась отъ вздоховъ, она возвела взоры свои на своего любовника; три краты покушалась она говорить ему, и три краты изчезали слова на устахъ ея.

*Фингалъ* внялъ рѣчи Барда, и не косня шествуетъ, покрытъ тяжкимъ оружіемъ. Уже смертоносныя двухъ Героевъ копья срѣтаются и соединяютъ удары. Молніи летятъ изъ ихъ мечей; но сталь *Фингалова* ударяетъ и разсѣкаетъ на полы щитъ *Фроталовъ*; ребра сего вождя лишились защиты; до половины уклоншись ожидалъ онъ себѣ смертнаго удара. Прелестная *Утоа* зритъ летящую къ нему смерть, сердце ея превращается въ

ледъ

ледъ отъ ужаса, и слезы текутъ по ланитамъ ея; она стремится покрыть своего любовника щитомъ своимъ; но ея стопы срѣтаютъ поверженный дубъ, она упадаетъ на снѣжную свою руку, ея шлемъ и щитъ катится по земли; ея бѣлая грудь трепещетъ при очахъ ратоборцевъ, и черные власы ея разстилаются по земной пыли... *Фингалъ* жалѣетъ о юной сей красавицѣ, и удерживаетъ свою десницу, уже взнесенную на ударъ; и уклонясь къ *Фроталу*, вѣщаетъ ему съ исполненными слезъ очами: — Владыка *Соры*! престань страшиться *Фингалова* меча, онъ никогда не пронзалъ поверженнаго сопостата, и никогда не оскверналъ себя его кровію. Пусть еще твои подданные веселятся тобою, пусть юныя и любимыя тебѣ дѣвы живутъ въ радости. Почто мнѣ поражать тебя въ толь нѣжной твоей младости?

*Фроталъ* въ изумленіи внемлетъ словамъ *Фингаловымъ*: онъ видитъ прелестную *Утюу*, востающую съ земли. Сіи любящіяся особы стоятъ другъ предъ другомъ безмолвны, подобны двумъ младымъ древамъ, стоящимъ въ полѣ, когда сладкая влага весны орошаетъ раждающіяся ихъ листвія, и когда шумные вѣтры безмолвствуютъ въ воздухѣ.

Дщерь *Германова*! рекъ *Фроталъ*, или для того оставила ты спокойныя струи *Торы*, и пришла въ сію чуждую землю, чтобъ

видѣть побѣжденнымъ своего любовника? Онъ побѣжденъ, но десницею несравненнаго воителя. Не слабый ратникъ торжествуетъ надъ сыномъ великодушнаго *Анира*. Коль ужасенъ ты въ сраженіяхъ, владыка *Морвенскій*! Но во дни мира подобенъ ты солнцу, сіяющему посреди безмолвной весенней росы; оно возвритъ, и цвѣты подъемлютъ блистающіе свои верхи, и зефиры потрясаютъ легкими своими крыльями. Ахъ! для чего ты не въ чертогахъ *Соры*? для чего я не могу устроить тебѣ въ нихъ торжественное пиршество? Преемники мои увидятъ оружіе твое въ моемъ жилищѣ, и они будутъ радоваться и поздравлять себя славою предковъ своихъ, которымъ щастіе позволило видѣть безсмертнаго *Фингала*.

Сыне *Анировъ*! отвѣтствуетъ владыка, слава племени *Соры* никогда не погибнетъ. Естьли ратоборцы мужественны и великодушны, имена ихъ будутъ безсмертны въ пѣсняхъ Бардовъ; но когда мечь ихъ поражалъ обезсиленнаго сопостата, и кровь слабаго обагряла ихъ оружіе, Барды предаютъ ихъ забвенію, и гробы ихъ навсегда остаются неизвѣстны. Иноплеменникъ придетъ сооружать зданіе на томъ мѣстѣ, гдѣ они покоятся; онъ отвлечетъ земныя глыбы, ихъ покрывающія; нѣкій мечь покрытый ржавчиною поразитъ взоръ его; онъ смотря на него скажетъ: здѣсь лежатъ оружія древнихъ

Ге-

Героевъ; но именъ ихъ не слышимъ мы въ пѣснехъ нашихъ. — Гряди, о *Фроталъ*! гряди на пиршество *Инисторское*; пусть возлюбленная твоя тебѣ сопутствуетъ, и мы всѣ восхитимся радостію.

*Фингалъ* пріемлетъ копіе, и шествуетъ въ *Карриктуру*. Врата отверзаются, пиршество уготовано, и своды отзываются согласными пѣсней звуками. Всѣ чертоги наполняются веселіемъ. *Уллинъ* сладостный свой голосъ провождаетъ струнами своей арфы. Прекрасная *Утва* внимаетъ ему со удовольствіемъ: она проситъ, да воспоетъ онъ нѣкую пѣснь унынія и печали; слезы появились въ прелестныхъ ея очахъ, когда въ пѣснехъ его начала говорить нѣжная *Кримора*: *Кримора*, дщерь *Винвалева*, обитающая на брегахъ *Лоты*. Повѣсть ея нещастій продолжительна, но привлекательна; младая *Утва* слушала ее съ пріятностію, и стыдливый румянецъ игралъ на ея ланитахъ.

## КРИМОРА.

Кто сей нисходящій съ холма, подобенъ облаку, озаренному послѣдними лучами солнца? Чей сей гласъ, крѣпокъ яко гласъ вѣтровъ, пріятенъ какъ струны *Карриловой* арфы? Безъ сомнѣнія это гласъ моего возлюбленнаго. Я зрю блескъ его оружій; но тѣнь печали омрачаетъ лице его. Или пало уже племя могущественнаго *Фингала*?

 Что

Что смущаетъ моего дражайшаго *Коннала* (д)?

КОННАЛЪ.

Нѣтъ, не истребилося племя *Фингалово*; я видѣлъ ратниковъ его, грядущихъ съ ловитвы. Солнце изливало лучи свои на страшные ихъ щиты: казалось, что пламенная рѣка устремляется съ высоты холма. Юные ратоборцы пускаютъ радостные вопли. Война приближается, о *Кримора*! заутра грозный *Даргъ* хочетъ измѣрять силы свои съ нами: онъ вызываетъ на подвигъ *Фингалово* племя, племя толико воинственное, и толико привыкшее къ язвамъ.

КРИМОРА.

*Конналъ*! я видѣла парусы *Дарговы*, развѣвающіеся надъ Океаномъ; они тихо приближаются уже ко брегу. О любезный мой *Конналъ*! воинство его многочисленно.

КОННАЛЪ.

Принеси мнѣ щитъ твоего отца, щитъ *Винеалевъ*.

КРИМОРА.

Онъ здѣсь, прими сей желѣзный щитъ, о *Конналъ*! но его твердость не защитила моего родителя: онъ пораженъ копіемъ *Кормаровымъ*. Можетъ быть и ты погибнешь, возлюбленный мой *Конналъ*!

КОН-

(д) *Конналъ*, сынъ *Діарановъ*, былъ самый знаменитый Герой въ войскѣ *Фингаловомъ*.

*КОННАЛЪ.*

ТакЪ, безЪ сомнѣнія, я могу погибнуть; но ты воздвигни тогда мнѣ гробЪ, о *Кримора*! Нѣсколько сѣроватыхЪ камней и небольшая глыба земли сохранятЪ о мнѣ память; останови очи твои надЪ моимЪ гробомЪ, очи, орошенныя слезами; и вЪ горестной печали ударь вЪ прекрасную и трепещущую свою грудь. О возлюбленная! хотя прелестна ты, какЪ свѣтЪ дня, кротка и пріятна, какЪ зефирЪ холма, но я не могу остаться сЪ тобою. Прости, не забудь воздвигнуть мнѣ гробницу.

*КРИМОРА.*

Да будетЪ такЪ! дай мнѣ сіи блестящія оружія, сей мечь, сіе стальное копіе; я хочу шествовать сЪ тобою противЪ страшнаго *Дарга*; я хочу вспомоществовать моему любезному *Конналу*. Простите скалы *Арвена*; простите серны, и вы источники холмовЪ. Мы уже не возвратимся, мы идемЪ искать гробовЪ себѣ вЪ земли отдаленной.

И такЪ никогда уже, рекла прекрасная *Утва*, испуская тяжелый вздохЪ, никогда уже не зрѣли они высотЪ *АрвенскихЪ*? Мужественный *КонналЪ* поверженЪ на полѣ брани? И *Кримора* могла ли жить послѣ его? АхЪ! безЪ сомнѣнія сокрылась она вЪ пустыню, и ея душа скорбѣла всегда о возлюбленномЪ *Коннале*. Не младЪ ли, не прелестенЪ ли былЪ сей воитель?

 *Ул-*

*Уллинъ* видитъ текущія слезы изъ очей *Утоны*; онъ беретъ согласную свою арфу. Пѣсни его вливали сладкую задумчивость. Всѣ умолкли, дабы внимать ему.

Мрачная осень, продолжаетъ онъ, владычествуетъ на горахъ нашихъ, и густымъ туманомъ облеклися холмы наши. Слышатся свисты порывистыхъ вихрей. Мутныя рѣчныя воды катятся въ узкой долинѣ; уединенное древо стоитъ на высотѣ холма, и указуетъ мѣсто, гдѣ покоится *Конналъ*; стремленіемъ вѣтровъ разносятся изсохшіе листы его, гробница сильнаго ими усѣяна; тѣни умершихъ являются иногда въ семъ мѣстѣ, когда одинъ и углубясь въ размышленія прохаживается тамъ звѣроловецъ тихими стопами. О *Конналъ*! кто можетъ востечь памятію ко древности твоего рода? Кто изочтетъ твоихъ праотцевъ? Твое племя возрастало, какъ горный дубъ, котораго многовѣтвистый верхъ противоборствуетъ ярости вѣтровъ. Но нынѣ гордое сіе древо исторгнуто изъ нѣдръ земли. Кто можетъ замѣнить когда *Коннала*?

Въ семъ, въ семъ мѣстѣ слышны были страшные звуки оружія, стонъ и вопли умирающихъ. Коль пагубоносны и кровавы сраженія *Фингаловы*! Въ семъ мѣстѣ поверженъ и ты мужественный *Конналъ*! Твоя десница устремляла перуны, мечь твой былъ огненная стрѣла; твердъ и величественъ, ты воз-

рышался подобенъ камени на равнинѣ; очи твои блистали какъ горящая пещь, и гласъ твой среди сраженій ужаснѣе, нежели шумъ бури; ратники повергались мечемъ твоимъ, какъ падаютъ терновые цвѣты, ударяемые тростію отрока. *Даргъ* простирается подобенъ облаку, носящему въ себѣ громы, впалыя очи его углублены подъ густыя и грозящія брови. Уже мечи сверкаютъ въ рукахъ двухъ Героевъ, ихъ оружія срѣтаяся ударяются съ страшнымъ трескомъ.

Близъ ихъ дщерь *Винвалева Кримора* блистала въ оружіи младаго ратоборца; ея бѣлые власы развѣвались нерадиво, тяжелый лукъ обременялъ ея нѣжную руку. Она напрягаетъ лукъ, и стремитъ противъ *Дарга* стрѣлу; но, о гнѣвная судьба! стрѣла уклоняется и поражаетъ *Коннала*. Онъ упадаетъ.... Что дѣлать тебѣ, нещастная дѣвица? Она видитъ текущую кровь своего любовника; милый ея *Конналъ* скончался. День и ночь рыдая вопила она: о другъ мой! возлюбленный мой! дражайшій мой *Конналъ*! и печаль скоро прекратила дни ея.

Здѣсь-то земныя нѣдра заключаютъ въ себѣ сію любезную чету; трава растетъ между камнями ихъ гробницы; я часто прихожу покоиться подъ тѣнію въ печальномъ семъ мѣстѣ; я слышу воздыхающій въ кустарникѣ вѣтерокъ, и воспоминаніе о сихъ

 не-

нещастныхЪ обновляется вЪ душѣ моей. Вы почили во единомЪ гробѣ, достойные слезЪ любовники, и ничто не смущаетЪ покоя вашего на сей уединенной горѣ.

Покойся вЪ мирѣ, рекла прекрасная *Утва*, покойся нещастная чета. Со слезами я буду воспоминать васЪ; уединенна, я буду пѣть нещастія ваши. Когда вѣтрЪ поколеблетЪ лѣса *Торы*, и когда внимать буду шуму источниковЪ моего отечества: тогда предстанете вы душѣ моей и родите вЪ ней сожалѣніе о своихЪ плачевныхЪ приключеніяхЪ.

Три дни пиршествовали Цари вЪ *Каррикнурѣ*: вЪ день четвертый парусы ихЪ бѣлѣютЪ на поверхности Океана. Сѣверный вѣтрЪ пренесЪ вЪ *МорвенЪ* корабль *Фингалов*Ъ; но духЪ *Лоды*, сидя на своемЪ облакѣ, слѣдовалЪ на кораблѣ *Фротала*; онЪ уклонялся впредЪ, чтобЪ направлять попутные вѣтры и возкрилить всѣ парусы: онЪ не забылЪ удара, нанесеннаго ему *Фингалом*Ъ; онЪ еще страшится десницы владыки *Морвенскиго*.

---

# ПѢСНИ ВЪ СЕЛЬМѢ.

## ПОЭМА.

### Содержанiе.

Барды, или пѣснопѣвцы, каждый годъ собирались въ чертоги своего Государя. Они читали тамъ свои поэмы; Государь былъ судiею сихъ творенiй, и онъ назначалъ, которыя изъ нихъ достойны потомства. Отроки должны были тщательно выучивать ихъ на память, дабы сообщать потомству. Одно изъ сихъ торжественныхъ пиршествъ подало *Оссiану* содержанiе сей поэмы. Она совершенно лирическая, и стихосложенiе въ Гальскомъ подлинникѣ разнообразно. Обращенiе къ вечерней звѣздѣ, въ началѣ поэмы, по мнѣнiю *Г. Макферсона*, исполнено сладостнаго согласiя. Стихи сами въ себѣ имѣютъ ту прiятность и тишину, какая приличествуетъ времени, которое описываетъ стихотворецъ.

---

Вечерняя звѣзда, любезная подруга ночи, возвышающая блистательное чело свое изъ облаковъ запада, и шествующая величественными стопами по лазори небесной! что привлекаетъ взоръ твой на долинѣ? Бурные дня вѣтры молчатъ; шумъ источника удалился; усмиренныя волны ласкаются у подножiя скалы; несѣкомыя, быстро носимыя на легкихъ своихъ крылахъ, наполняютъ жужжанiемъ безмолвную тишину воздуха. Луче-

зарная! что привлекаетъ взоръ твой на долинѣ? Но я вижу, ты съ нѣжною усмѣшкою преклоняешься на края горизонта. Волны радостно стекаются вокругъ тебя, и омывающъ твои блестящіе власы. — Прости молчаливая звѣзда! пусть огонь моего духа сіяетъ вмѣсто лучей твоихъ. Я чувствую, онъ возраждается во всей своей силѣ, при его сіяніи вижу я тѣни друзей моихъ, собравшихся на холмѣ *Лоры*; я зрю тамъ *Фингала* посреди своихъ сильныхъ. Я вижу Бардовъ, моихъ сотрудниковъ: тамъ почтенный *Уллинъ*, величественный *Рино*, сладкогласный *Алпинъ*, нѣжная и жалостная *Минона*. О друзья мои! сколь много перемѣнились вы съ тѣхъ щастливыхъ дней, какъ среди торжествъ *Сельмы* состязались мы, кому вѣнчаться наградою пѣнія, подобны весеннимъ зефирамъ, которые попеременно возлетаютъ на холмъ, и съ пріятнымъ шумомъ нѣжатъ и колеблютъ раждающуюся траву.

Во едино изъ сихъ торжествъ зрѣли мы нѣжную *Минону*, грядущую въ полномъ сіяніи своихъ прелестей. Ея поникшія долу очи окроплялись слезами; сердца Героевъ смягчились, когда возвысила она сладостный свой голосъ. Часто видали они гробъ *Сальгара*, и мрачное жилище нещастной *Кольмы*, *Кольмы*, которой *Сальгаръ* обѣщалъ возвратиться при концѣ дня; но мракъ ночи ее окружаетъ; она зритъ себя оставленну на холмѣ.

Она

Она одна, ей собесѣдуетъ ея голосъ. Послушаемъ чувствительныхъ ея жалобъ.

КОЛЬМА.

Уже ночь, я одна на семъ холмѣ, гдѣ соединяются бури. Я слышу, гремятъ яростные въ ребрахъ горы вѣтры; источникъ, наводненный дождемъ, шумитъ по крутизнѣ скалы. Я не вижу никакого убѣжища, гдѣ бы могла скрыться. Увы! я одна, я оставлена.

Востань луна, изыди изъ горныхъ нѣдръ. Звѣзды, собесѣдницы ночи! явитесь. Уже ли благотворительный нѣкій свѣтъ не проводитъ меня къ мѣстамъ, гдѣ мой возлюбленный? Безъ сомнѣнія утомленъ ловитвою звѣрей, покоится онъ въ уединенномъ мѣстѣ, близъ его лежитъ разпущенный его лукъ, и ловчіе псы дышатъ вокругъ его. Увы! и такъ должно мнѣ одной, мнѣ оставленной проводить ночь на семъ холмѣ! Шумъ источниковъ и вѣтровъ еще усугубляется, и голосъ моего возлюбленнаго не можетъ ко мнѣ достигнуть.

Для чего вѣрный мой *Сальгаръ*, не смотря на свое обѣщаніе, такъ долго медлитъ? Вотъ камень, древо и тотъ источникъ, гдѣ обѣщался ты мнѣ возвратиться прежде ночи. Дражайшій мой *Сальгаръ*! гдѣ ты? Для тебя оставила я своего брата, для тебя убѣгла отъ своего отца. Давно уже мое и твое племя враждуютъ между собою; но

мы,

мы, любезный мой *Сальгаръ*! мы съ тобою не враги другъ другу. Вѣтры! умолкните на время. Успокойтесь и вы источники, да внятенъ будетъ голосъ мой возлюбленному: *Сальгаръ*! *Сальгаръ*! я тебя призываю. *Сальгаръ*! здѣсь древо, здѣсь камень, здѣсь ожидаетъ тебя *Кольма*. Для чего ты медлишь?

Уже и луна является, я вижу мѣлькающія воды въ долинѣ; сѣроватые верхи камней уже открылись, но я не вижу на нихъ моего возлюбленнаго. Я не вижу ловчихъ его псовъ, которые бы предтекли ему и возвѣщали мнѣ его приближеніе. Нещастная! и такъ должна я здѣсь остаться? Но какихъ ратоборцевъ усматриваю я лежащихъ на семъ полѣ? Уже ли то братъ мой и мой любовникъ (*)? О друзья мои! бесѣдуйте со мною. Они мнѣ не отвѣтствуютъ; душа моя колеблется ужасомъ. Увы! они мертвы, мечи ихъ обагрены кровію. Ахъ! братъ мой, мой милый братъ! Для чего поразилъ ты моего любезнаго *Сальгара*? О *Сальгаръ*! для чего поразилъ ты моего брата? Вы мнѣ оба драгоцѣнны и любезны были. Что могу сказать въ похвалу вашу? *Сальгаръ*! ты былъ прекраснѣе всѣхъ обитателей холма. Мой братъ! ты страшенъ былъ на полѣ брани. О друзья мои! бесѣдуйте со мною, услышь-

те

(*) *Кольма* подходитъ къ воинамъ, которыхъ она увидѣла на полѣ.

пе голосЪ мой. Но увы! они безмолвны, они безмолвны навсегда; сердца ихЪ уже охладѣли, и не бьются подЪ моею рукою.

Любезныя тѣни! отвѣчайте мнѣ сЪ высоты вашихЪ камней, сЪ высоты вашихЪ горЪ; не опасайтесь устрашить меня. Куда сокрылись вы для своего успокоенія? ВЪ какой пещерѣ могу обрѣсти васЪ? Я не слышу, чтобЪ отвѣчали они мнѣ и во время тишины, когда безмолвствуютЪ бури.

Я возсяду одна сЪ моею грустію, и буду ожидать вЪ слезахЪ, доколѣ возсіяетЪ утро. Друзья почившихЪ сномЪ вѣчнымЪ! воздвигните имЪ гробницу, но не заключайте, доколѣ снидетЪ вЪ нее *Кольма*. Жизнь моя изчезаетЪ какЪ сонЪ. Для чего жить мнѣ послѣ ихЪ? БлизЪ источника, упадающаго сЪ высокой скалы, я хочу успокоиться сЪ любезными мнѣ особами. Когда ночь возтечетЪ на холмЪ, я пренесусь на крилахЪ вѣтровЪ, оплакивать вЪ сихЪ мѣстахЪ друзей моихЪ; звѣроловецЪ услышитЪ меня изЪ смиренной своей хижины, голосЪ мой устрашитЪ его и усладитЪ; пѣсни мои будутЪ пріятны и жалостны, когда восплачу я надЪ друмя Героями, толико любезными моему сердцу.

ТакЪ пѣла *Минона*, и лице ея покрылось пріятнымЪ румянцемЪ. Сердца наши стѣснились жалостію; мы проливали слезы о нещастіи *Кольмы*. *УллинЪ* изшелЪ сЪ своею

ею арфою, и повторилъ намъ пѣсни *Алпина.* Гласъ *Алпина* исполненъ былъ сладости, душа *Рина* была пламенна; но тогда покоились они уже во гробѣ, и гласы ихъ не отзывались уже въ *Сельмѣ.* *Уллинъ,* возвращаясь нѣкогда съ ловитвы, слышалъ ихъ пѣніе; они оплакивали паденіе *Морара,* мужественнѣйшаго изъ смертныхъ. Онъ имѣлъ душу *Фингала;* мечь его былъ смертоносенъ, какъ мечь *Оскаровъ;* но онъ погибъ. Родитель его рыдалъ о немъ, его сестра пролила источники слезъ. . . . Сія нещастная сестра, это была сама *Минона.* Она, услыша пѣснь *Уллина,* удалилась, подобна лунѣ, предвидящей бурю, и скрывающей въ облаки прекрасную свою главу. Я коснулся арфы купно съ *Уллиномъ,* и пѣснь уныния началась.

### РИНО.

Вѣтры и дождь уже престали, полдневный часъ спокоенъ, облаки летаютъ разсѣянны по воздуху. Непостоянный свѣтъ солнца убѣгаетъ на злачные холмы; горный источникъ стремитъ багряновидныя свои воды по камушкамъ и раковинамъ долины. Источникъ! твое журчаніе мнѣ пріятно, но голосъ мною слышимый еще пріятнѣе. Это голосъ *Алпина,* оплакивающаго умершихъ; его глава согбенна лѣтами, очи его краснѣютъ, проливая источники слезъ. *Алпинъ,* чадо согласій музикійскихъ! для чего ты уединенъ на безмолвномъ холмѣ? Для чего сто-

стонешь ты какъ вѣтры въ лѣсахъ дремучихъ, какъ волна при брегѣ пустынномъ.

*АЛПИНЪ.*

Мои рыданія, о *Рино*! посвящены смерти; мой гласъ обитающимъ во гробѣ. Нынѣ ты въ полной крѣпости, о юный ратникъ! и въ величественной высотѣ своей прекраснѣе ты всѣхъ сыновъ равнины. Но ты падешь, какъ знаменитый *Морарь*; чувствительный иноплеменникъ путешествуя возсядетъ на гробѣ твоемъ и восплачетъ. Холмы твои уже тебя не познаютъ, и твой лукъ пребудетъ ненапряженъ въ твоихъ чертогахъ. О *Морарь*! ты легкостію равенъ былъ еленю холма, страшенъ какъ воспламененный облакъ: буря не тако ужасна, какъ ты въ силѣ своей ярости. Молнія не такъ блистаетъ, какъ блисталъ мечь твой среди ополченій. Гласъ твой подобенъ былъ шумящему послѣ сильнаго дождя источнику, или звукамъ отдаленнаго грома. Коль много мужественныхъ пали мечемъ твоимъ! Но возвращался ли ты съ полей брани, лице твое являлось спокойно и свѣтло. Ты уподоблялся блистающему послѣ бури солнцу, безмрачной въ молчаливую ночь лунѣ; душа твоя была спокойна и тиха, какъ дремлющее лоно озера, когда вѣтры безмолвствуютъ въ поляхъ воздушныхъ.

Нынѣ коль тѣсно и мрачно твое жилище! Три только шага, и уже измѣрено пространство тебя заключающее, тебя толико

страш-

страшнаго и великаго; четыре камня, обросшіе мхомъ, единые суть свидѣтели, возвѣщающіе память о тебѣ потомству: древо, лишенное почти всѣхъ листвій, мѣлкій тростникъ, свистящій стеблями при дыханіи вѣтра, указуютъ оку звѣроловца, гдѣ покоится могущественный *Морарь*. Юный *Морарь*! и такъ истинно, что тебя нѣтъ уже на свѣтѣ? Ты не оставилъ матери, не оставилъ возлюбленной, которыя бы о тебѣ восплакали. Даровавшая жизнь тебѣ уже скончалась, и нѣтъ уже *Моргլановой* дщери!

Кто сей престарѣлый, шествующій къ намъ подкрѣпляемъ жезломъ своимъ? Лѣта убѣлили власы его; очи его еще краснѣютъ отъ пролитія источниковъ слезныхъ, онъ колеблется при каждомъ шагѣ. То родитель твой, о *Морарь*! твой родитель, которому небеса одного тебя даровали. Онъ слышалъ о славѣ твоей въ сраженіяхъ и о бѣгствѣ сопостатъ твоихъ. Почто не узналъ онъ равно, что и ты уязвленъ? Восплачь, нещастный отецъ, восплачь; но сынъ твой не слышитъ твоихъ рыданій; тяжкій сонъ оковалъ его во гробѣ, его возглавіе далеко углублено въ земныя нѣдра. *Морарь* уже не услышитъ тебя; онъ не воспрянетъ уже на гласъ своего родителя. Когда утренній солнца лучь проникнетъ во мрачность гроба? Когда пресѣчется долговременный сонъ *Морара*? Прости навсегда мужественнѣйшій

изъ

изъ смертныхъ, побѣдитель незнающій ужаса! поле брани тебя уже не узритъ; мракъ лѣсовъ не озарится уже блестящимъ твоимъ оружіемъ; ты не оставилъ сына, въ которомъ бы возраждалась для насъ о тебѣ память: но пѣсни *Алпина* исхитятъ отъ забвенія твое имя. Будущіе вѣки узнаютъ славу твою; они услышатъ бесѣды о могущественномъ *Морарѣ*.

Тако воспѣлъ *Алпинъ*, и печаль воспрянула въ душахъ нашихъ; но самый тяжкій и глубокій вздохъ изторгся изъ сердца *Армина*. Образъ его сына, увядшаго во цвѣтѣ младости, живо напечатлѣлся въ его мысляхъ. *Карморъ* сидѣлъ близъ сего нещастнаго старца. *Арминъ*! сказалъ онъ ему, къ чему сей толико тяжкій вздохъ? Такое пѣніе уже ли должно возраждать въ насъ печаль и горесть? Пріятное согласіе пѣсней изливаетъ нѣжное въ сердца уныніе, и услаждаетъ душу; оно подобно тонкому туману, восходящему съ поверхности озера и разстилающемуся по долинѣ безмолвной: цвѣты наполняются тогда росою; но явилось солнце, и легкій туманъ изчезаетъ. Для чего убо толико мрачная печаль, о вождь острова *Гормы*?

### АРМИНЪ.

Такъ, я печаленъ, и вина моего сѣтованія справедлива. *Карморъ*! ты не лишился сына, ты не лишился любезной дщери. Му-

жественный *Кольгаръ* и прелестная *Анира* при тебѣ. Ты видишь, какъ цвѣтутъ отрасли твоего племени; *Арминъ* остался одинъ; *Арминомъ* пресѣчется мое племя. О *Даура*! какъ мраченъ одръ, на которомъ ты покоишься! О дщерь моя! коль глубокъ сонъ твой во гробѣ! Когда возбудишься ты, чтобъ усладить меня пріятностію своихъ пѣсней? Злополучная ночь!... Возстаньте осенніе вѣтры, воздвигнитесь, дохните на черную пустыню; шумите источники горные, и вы, бури, гремите на высотахъ дубовъ. Катись на раздробленныхъ облакахъ луна, являй повременно задумчивое и блѣдное чело твое. Воспомяни душѣ моей ту роковую ночь, въ которую лишился я чадъ моихъ, когда палъ храбрый *Ариндаль*, мой любезный сынъ, когда увяла дщерь моя прекрасная *Даура*.

О дщерь моя! ты была прелестна, какъ луна на холмахъ *Фюры*; бѣливна твоя превосходила бѣливну снѣга, и голосъ твой былъ сладостенъ, какъ дыханіе зефира. О сынъ мой! ничто не равнялось съ крѣпостію твоего копія среди грозныхъ сраженій; взоръ твой уподоблялся мрачному туману, возвышающемуся надъ волнами; твой щитъ облаку, носящему перуны.

*Армаръ*, знаменитый ратоборецъ, приходитъ въ мои чертоги; онъ ищетъ любви *Дауры*; онъ скоро и снискалъ ее. Соединені

ніе сей любезной четы питало друзей ихъ самою пріятною надеждою.

*Эратъ*, сынъ *Одгала*, приведенный въ ярость смертію своего брата, пораженнаго *Армаромъ*, нисходитъ на брегъ въ видѣ престарѣлаго гребца. Онъ оставилъ ладію свою на водѣ. Волосы его казались сѣдыми; взоры его важны и спокойны. Прекраснѣйшая изъ женъ, сказалъ онъ, любезная дщерь *Армина*! недалеко здѣсь возвышается на морѣ скала, гдѣ растетъ древо, обремененное румяными плодами. Тамо *Армаръ* ожидаетъ любезную свою *Дауру*. Я пришелъ, чтобъ проводить къ нему его возлюбленную чрезъ волны моря.

Легковѣрная *Даура* ему сопутствуетъ; она призываетъ *Армара*; но только отзывъ, сынъ камени, отвѣтствуетъ ея воплю: *Армаръ*, *Армаръ*, возлюбленный мой! для чего оставляешь ты меня въ сихъ мѣстахъ умирать отъ ужаса? Услышь, *Даура* тебя призываетъ. Вѣроломный *Эратъ* возвращается ко брегу, смѣяся громко. Она возвышаетъ гласъ свой, она призываетъ своего брата, своего родителя: *Аринадаль*! *Арминъ*! какъ! нѣтъ никого на помощь вашей *Даурѣ*? Гласъ ея достигъ до брега. *Аринадаль* сходитъ съ холма обремененъ корыстями ловитвы; его стрѣлы звучатъ при его ребрахъ; лукъ его былъ въ рукѣ; пять черныхъ псовъ ему сопутствовали. Онъ зритъ на брегѣ вѣролома-

наго *Эрата*, приближается къ нему, схватываетъ его и привязываетъ его къ дубу: крѣпкими узами связуются всѣ члены вѣроломца; онъ обременяетъ вѣтры своимъ воплемъ и стенаніями. *Ариндаль* стремится въ ладію, течетъ по волнамъ, чтобъ возвратить на брегъ *Дауру*. *Армаръ* притекъ и почитаетъ его похитителемъ; воспламененъ яростію, онъ пускаетъ стрѣлу; она летитъ, она углубляется въ твое сердце, о любезный мой сынъ! ты умираешь вмѣсто вѣроломнаго *Эрата*. Весло остается неподвижно. Сынъ мой упадаетъ на камень, содрогается еще и умираетъ. Какъ изобразить скорбь твою, о *Даура*! когда узрѣла ты кровь брата твоего текущую при твоихъ стопахъ?

Волны разрушаютъ ладію о камень. *Армаръ* стремится вплавь, желая или спасти *Дауру*, или погибнуть. Вдругъ порывистый вихрь ударяетъ въ волны съ высоты холма. *Армаръ* погрязъ, и болѣе не являлся. Одна на камнѣ, окруженномъ волнами, дщерь моя наполняла воздухъ жалобами. Отецъ ея слышалъ ея вопли, и отецъ ея не могъ ей помочь! всю ночь пребылъ я на брегѣ. При слабомъ сіяніи луны я видѣлъ дщерь мою; всю ночь внималъ я плачевнымъ ея стенаніямъ. Вѣтры свирѣпствовали и бурный дождь ударялъ въ горныя ребра. Прежде возхожденія зари гласъ ея ослабѣвая помалу, престалъ наконецъ, какъ дыханіе зефира, умира-

рающаго въ листвіяхъ: скорбь истощила ея силы. Она скончалась; она оставила тебя одного, нещастный *Арминъ*! ты лишился сына, крѣпости и силы твоей въ сраженіяхъ. Ты лишился дщери, хвалы твоей среди лика прекрасныхъ ея подругъ.

Съ сея ужасныя ночи, всегда, какъ буря нисходитъ съ высоты горы, всегда какъ сѣверный вѣтръ возвышаетъ волны, уединяюсь я на брегъ, и сижу тамъ устремя взоры на роковую скалу. Часто, когда луна блистаетъ при своемъ западѣ, усматриваю я тѣни чадъ моихъ; онѣ бесѣдуютъ между собою печально. Какъ, чада мои! или не имѣете вы жалости къ печальному *Армину*? Отвѣчаете ли когда на гласъ его? Увы! они проходятъ и не взираютъ на своего родителя. Такъ, *Карморъ*, я печаленъ, и вина моего сѣтованія справедлива.

Таковы были пѣсни Бардовъ въ чертогахъ *Сельмы*: они привлекали вниманіе *Фингалово* согласіемъ арфъ, и повѣстями временъ претекшихъ. Вожди текли съ холма внимать сладостнымъ ихъ звукамъ, и вѣнчали хвалами пѣснопѣвца *Коны*, перваго изъ Бардовъ. Но нынѣ старостію охладѣлъ мой языкъ, и огнь души моей погасъ. Иногда еще слышу я поющія тѣни Бардовъ, и тщуся напечатлѣть въ памяти сладостныя пѣсни ихъ; но память мнѣ измѣняетъ; я слышу гласъ лѣтъ, который, проходя близъ

 ме-

меня, вопіетъ мнѣ: для чего еще поетъ Оссіанъ? Онъ скоро простертъ будетъ въ тѣсномъ жилищѣ, и ни единый Бардъ не возвѣститъ его славы.

Катитесь надо мною, печальныя лѣта, и когда уже не изливаете вы радости въ мое сердце, пусть отверется гробъ и воспріиметъ *Оссіана*; крѣпость его изчезла. Чада музикійскихъ согласій уже покоятся; гласъ мой остался послѣ ихъ какъ нѣкій звукъ, еще шумящій въ разсѣдинахъ скалы, ударяемой волнами, когда всѣ уже вѣтры безмолствуютъ, и когда мореплаватель усматриваетъ вдали послѣднія колебанія древесъ.

---

## КАЛЬѲОНЪ и КОЛЬМАЛА.

### *ПОЭМА.*

### Содержаніе.

Сія поэма, какъ и другія многія, посвящена одному изъ первыхъ Христіанскихъ проповѣдниковъ, пришедшихъ въ *Шотландію*. Приключеніе, на которомъ она основана, по преданію таково: *Дуньтальмъ* владѣлъ на берегахъ *Тевты*, думаютъ, что это *Тведе*, а *Ратморъ* обиталъ на берегахъ *Клуты*, что нынѣ *Клидъ*. *Ратморъ* былъ столько же славенъ великодушіемъ и гостепріимствомъ, сколько *Дуньталмъ* своею жестокостію и гордостію. *Дуньтальмъ* изъ ревности, или по причинѣ наслѣдственной какой

кой ненависти, измѣннически убилъ *Ратмора* во время пиршества. Но терзаемъ напослѣдокъ совѣстію, воспиталъ въ собственныхъ своихъ чертогахъ сыновъ его *Кальѳона* и *Кольмара*.

Едва минули имъ отроческія лѣта, какъ примѣтилъ въ нихъ нѣкоторыя намѣренія мстить за смерть своего родителя. *Дуньтальмъ* немедленно заключилъ ихъ, каждаго въ особливую пещеру, на брегахъ *Тевты*, въ намѣреніи погубить ихъ тайно. *Кольмала*, дочь *Дуньтальмова*, не могшая смотрѣть равнодушно на *Кальѳона*, помогла ему освободиться изъ темницы, и сама переодѣвшись въ платье молодаго воина, убѣжала съ нимъ къ *Фингалу*. *Фингалъ* на помощь *Кольмару* послалъ *Оссіана* съ тремя стами воиновъ. Но уже поздно. *Дуньтальмъ* умертвилъ его. *Оссіанъ* напалъ на сего тиранна, разбилъ совершенно его войско и самаго убилъ собственною рукою. *Кальѳонъ* женился на *Кольмалѣ* своей избавительницѣ, а *Оссіанъ* возвратился въ *Морвенъ*.

---

Уединенный житель камени! гласъ твой меня услаждаетъ. Его звуки соединяются съ журчаніемъ источника, бѣгущаго въ сей тѣсной долинѣ. Ты поешь, и душа моя возбуждается посреди моего жилища. Я еще простираю десницу мою къ копію, какъ преж-

прежде во дни моей юности; но скоро познаю безсиліе моей десницы, и сердце мое воздыхаетъ. Сынъ камени! не отречешься ли ты внимать пѣснямъ *Оссіана*? Душа моя исполнена преждебывшихъ повѣстей. Я чувствую, радость моей юности возраждается. Таково при западѣ своемъ солнце, когда отъ облакъ, носящихъ въ себѣ мрачныя бури, освободитъ оно блистательную свою главу; злачные холмы подъемлютъ, кажется, влажные верхи свои во срѣтеніе лучей его; ручьи текутъ радостнѣе по равнинамъ; престарѣлый воинъ, подкрѣпляемый жезломъ, исходитъ изъ своего жилища; бѣлые власы его позлащаются блескомъ солнца.

Видишь ли ты сей щитъ, висящій въ чертогахъ *Оссіановыхъ*? На немъ напечатлѣнны знаки сраженій; его свѣтлыя выпуклости потеряли уже прежній свой блескъ; это щитъ мужественнаго *Дунъталъма*, Князя *Тевты*. Онъ носилъ его въ бурныхъ бранѣхъ, доколѣ самъ онъ поверженъ копіемъ *Оссіановымъ*. Внимай, сынъ камени, внимай повѣсти временъ претекшихъ.

*Ратморъ* владычествовалъ при брегахъ *Клуты*. Его чертоги были убѣжищемъ безсильному. Никогда врата *Ратморовы* не заключались иноплеменнику; онъ всегда приглашаемъ былъ къ его пиршествамъ, и возвращаясь благословлялъ великодушнаго *Ратмора*. Барды его пѣли; они играли на арфахъ;

не-

нещастный, обремененный печалїю, внималъ ихъ звукамъ, и радость обновлялась на челѣ его. *Дуньтальмъ*, свирѣпый *Дуньтальмъ* приходитъ и вызываетъ *Ратмора* въ единоборствїе. Вождь *Клуты* побѣдилъ. *Дуньтальмъ* удалился, нося злобную въ сердцѣ ярость. По маломъ времени возвращается онъ нощїю со многими ратоборцами, и великодушный *Ратморъ* погибъ. Онъ остался бездыханенъ, простертъ посреди своихъ чертоговъ, гдѣ толь часто угощалъ онъ пиршествомъ иноплеменныхъ.

Его сыны, *Кольмаръ* и *Кальѳонъ*, были въ самомъ нѣжномъ еще отрочествѣ. Съ веселїемъ, приличнымъ ихъ возрасту, входятъ они въ чертоги своего родителя; они видятъ его обагренна кровїю, и слезы ихъ текутъ. Взирая на сихъ нещастныхъ отроковъ, душа свирѣпаго *Дуньтальма* смягчается; онъ повелѣлъ проводить ихъ въ *Альтеву*, въ свои чертоги.

Уже нещастные сироты возрасли въ домѣ своего врага; уже мышцы ихъ напрягаютъ лукъ въ его присутствїи; уже ратоборствуютъ они подъ его знаменами. Они узрѣли стѣны отца своего опроверженны, его жилище покрыто колючимъ тернїемъ; втайнѣ проливали они слезы, и печаль сердца противъ воли ихъ изливалась иногда на ихъ лица.

*Дуньтальмъ* примѣтилъ, и тогда же мрачная душа его опредѣлила имъ смерть. Онъ заключаетъ ихъ каждаго въ особливую пещеру на берегахъ *Тевты.*

Никогда солнце не проникало лучемъ своимъ въ сіи ужасныя темницы; никогда луна не изливала тамъ во время ночи своего кроткаго свѣта. Сыны *Ратмора*, погруженные во мглу непроницаемую, ожидали смерти.

*Кольмала*, дщерь *Дуньтальма*, голубоокая лѣповласая *Кольмала* проливала слезы въ молчаніи. Она тайно устремляла взоры свои на *Кальѳона*, котораго черты глубоко впечатлѣлись въ ея сердцѣ.

Она трепещетъ о юномъ своемъ Героѣ; но что можетъ сдѣлать *Кольмала*? Ея нѣжная рука не сильна поднять копіе. Смертоносный мечь не привыкъ блистать при ея бедрѣ. Прекрасная грудь ея никогда не воздымалась подъ бронею, и томныя очи ея не вдыхали ужаса ратоборцамъ. Къ чему прибѣгнешь ты, *Кольмала*? гдѣ обрѣтешь помощь твоему возлюбленному? Стопы ея безпорядочны и неравны, ея власы разметаны по раменамъ небрежно, изступившія и блуждающія очи ея ничего не видятъ, какъ только сквозь слезы.

Во едину нощь входитъ она въ чертогъ пиршествъ, и блестящею сталью покрываетъ бѣливну своего тѣла. Было то оружіе младаго ратника, погибшаго при первомъ

вомЪ своемЪ иmшествіи вЪ бранноносное поле. Она течетЪ кЪ *Кальѳону* вЪ пещеру, и снемлетЪ оковы, обременяющія Героя.

Востани сынЪ *Ратмора*, рекла она, востани; мрачная ночь благопріятствуетЪ; убѣгнемЪ купно ко владыкѣ *Сельмы.* Я сынЪ *Лангала*, которой имѣлЪ нѣкогда убѣжище вЪ дому твоего родителя. Я узналЪ, что ты заключенЪ вЪ сію мрачную пещеру, и сердце мое воскипѣло досадою. Востани сынЪ *Ратмора*, воспользуемся темнотою ночи. Благотворительный гласЪ! отвѣтствуетЪ *Кальѳонъ*, не изЪ облачныхЪ ли нѣдрЪ исходишь ты? СЪ того роковаго дня, какЪ солнце удалило отЪ меня лучи свои, какЪ непроницаемая мгла царствуетЪ вокругЪ меня, часто видалЪ я во снѣ нисходящія ко мнѣ тѣни моихЪ предковЪ; гдѣ ты и подлинно сынЪ *Лангала*, сего ратника, котораго толь часто видалЪ я вЪ чертогахЪ *Клуты*? Но бѣжать кЪ *Фингалу* и оставить *Кольмара* погибнуть; оставить брата своего заключенна во мракѣ, и бѣжать вЪ страну *Морвена*! НѣтЪ, дай мнѣ сіе копіе, о сынЪ *Лангала*! и *Кальѳонъ* течетЪ защищать брата.

Тысяча ратниковЪ, рекла юная *Кольмала*, окружаютЪ твоего брата. Что можетЪ *Кальѳонъ* противу множества? УбѣгнемЪ, заклинаю тебя, убѣгнемЪ кЪ Царю *Морвена*. ОнЪ сЪ тысячами сильныхЪ пріидетЪ. ОнЪ простиЪ

стираетЪ нещастнымЪ благотворительную десницу, и блистающій мечь его покровитель слабымЪ. Востани, сынЪ *Гатмора*; мракЪ ночи скоро изчезнетЪ. *Дуньтальмъ* усмотритЪ слѣды стопЪ твоихЪ на полѣ, и тебѣ должно будетЪ погибнуть вЪ цвѣтущей младости.

Воздохнувъ тяжко, Герой востаетЪ. Память о братѣ своемЪ извлекаетЪ изЪ очей его источники слевЪ. ОнЪ сЪ путеводителемЪ своимЪ уклоняется кЪ чертогамЪ *Сельмы*; но *Кальѳонъ* не зналЪ, что путеводитель его есть прелестная *Кольмала*. Ея прекрасное лице сокрыто было подЪ забраломЪ шлема, и бѣлая грудь ея воздыхала подЪ сталію. *Фингалъ*, возвращаясь сЪ ловитвы, узрѣлЪ юныхЪ сихЪ чужестранцевЪ вЪ *Сельмѣ*.

Владыка внялЪ повѣсти ихЪ нещастія, и обратилЪ взорЪ свой кЪ ратоборцамЪ его окружающимЪ. Тысяща сильныхЪ востаютЪ вдругЪ и присвояютЪ себѣ честь предшествовать на бранноносное поле при *Тевтѣ*. Я сЪ копіемЪ вЪ десницѣ теку сЪ высоты холма, и надежда сраженій приводитЪ сердце мое вЪ радостный трепетЪ.

СынЪ мой! рекЪ мнѣ владыка, прими копіе *Фингалово*, лети ко брегамЪ *Тевты*, избавь нещастнаго *Кольмара*. Да слава твоя предтечетЪ твоему возвращенію, какЪ пріятный зефирЪ, дабы душа моя изливалась вЪ радости, когда услышу я, что сынЪ мой вовраж-

раждаетъ славу нашихъ праотцевъ. *Оссіанъ*! буди въ сраженіяхъ яко громоносная туча, но кротокъ и снисходителенъ, когда низвергнется супостатъ. Таковые поступки увѣнчали меня славою и величествомъ. Сынъ мой! потщися подражать вождю *Сельмы*. Когда гордый и надмѣнный ратникъ приходитъ въ мои чертоги, я не удостоиваю его моихъ взоровъ; но къ нещастному простираю я благотворительную десницу, и мечь мой защита и покровитель слабымъ.

Восхищенъ радостію, пріемлю я свое оружіе; *Діаранъ* и *Даргъ* (а) востаютъ, чтобъ мнѣ сопутствовать. Три ста юныхъ ратниковъ

---

(а) *Діаранъ* былъ отецъ *Коннала*, убитаго толь нещастно *Криморою*, своею любовницею.

*Даргъ* сынъ *Колаша* и владѣтель *Ларта*; о немъ часто упоминаетъ *Оссіанъ* и въ другихъ своихъ поэмахъ. Говорятъ, что онъ на охотѣ умерщвленъ дикимъ вепремъ. Г. *Макферсонъ* издалъ въ свѣтъ плачь *Мингалы* его жены, или любовницы, не утверждая впрочемъ, чтобъ было то сочиненіе *Оссіана*. Вотъ его переводъ:

Супруга *Даргова* прибѣгла омоченна слезами. Нѣтъ уже *Дарга*. Его друзья воздыхаютъ вокругъ его тѣла. Что дѣлать нещастной *Мингалѣ*? Жестокосердый и свирѣпый изчезалъ предъ *Даргомъ*, какъ утренній туманъ; но великодушныя сердца сіяли предъ взоромъ его, какъ звѣзда предшествующая дню. Кто былъ прекра-

ковъ стремятся во слѣдъ мнѣ. Два любезные чужестранца близъ меня шествуютъ. Скоро *Дунъталъмъ* услышалъ грозный шумъ нашего приближенія; онъ соединяетъ всѣ свои силы, и стоитъ на высотѣ холма. Таковы кажутся пораженныя молніею скалы, когда очерненныя и обнаженныя ихъ древеса

---

краснѣе, кто любезнѣе изъ всѣхъ Героевъ? Былъ то мужественный сынъ *Коллеа*. Кто кромѣ его въ цвѣтущей юности сидѣлъ и бесѣдовалъ посреди мудрыхъ? Легкіе твои персты съ пріятностію касались арфы. Голосъ твой былъ сладостенъ, какъ зефиръ во дни знойнаго лѣта. Увы! что скажутъ ратоборцы? Не Герой, но дикій вепрь поразилъ *Дарга*! Блѣдность покрыла его ланиты, игравшія прежде румянцемъ. Очи его, блиставшія нѣкогда безстрашіемъ и смѣлостію въ опасностяхъ, уже погасли. Для чего палъ ты на холмахъ нашихъ, юный Герой, Герой прекраснѣе лучей солнечныхъ? Дщерь *Адонсіона* любезна была очамъ сильныхъ; она мила была очамъ всѣхъ, но супругомъ себѣ избрала она *Дарга*. Нынѣ, *Мингала*, ты одна, ты оставлена. Ночь приближается одѣянна облаками. Гдѣ одръ, на которомъ ты почіешь? гдѣ? во гробѣ *Дарга*? Бардъ! для чего полагаешь ты сей камень? для чего заграждаешь входъ въ сіе тѣсное жилище? Очи *Мингалы* тяготѣютъ, она хочетъ уснуть съ своимъ супругомъ. Въ сію ночь слышала я пѣсни радости въ чертогахъ *Ларта*; теперь ужасъ и безмолвіе окружаютъ одръ мой; *Мингала* желаетъ почить съ *Даргомъ*.

са уклоняются кҍ землҍ, и когда изсохли уже источники ихҍ пещерҍ.

Струи *Тевты* стремятся гордо предҍ лицемҍ нашего супостата. Я послалҍ Барда, да зоветҍ *Дуньтальма* кҍ противоборствію на полҍ. Онҍ отвҍтствовалҍ язвительною только усмҍшкою, и тогда же воинство его движется на холмҍ; возмнили бы, что зрится страшный облакҍ, восколебавшійся надҍ горою, когда вҍтры, ворвавшись вҍ его нҍдра, разпростираютҍ на всҍ страны безпредҍльный его покровҍ.

Варварҍ повелҍлҍ влечь нещастнаго *Кольмара* на брегҍ *Тевты*, связанна тысящ'ю узҍ. Юный сей Герой казался обремененҍ печалію. Онҍ устремилҍ взоры на друзей своихҍ. Онҍ видҍлҍ насҍ ополченныхҍ на противномҍ брегҍ. *Дуньтальмҍ* приходитҍ и пронзаетҍ сердце его копіемҍ. Нещастный палҍ на собственную кровь, и мы слышали послҍдній его вздохҍ.

Воспламененный яростію *Кальоонҍ* стремится вҍ средину источника, и я, опершись на копіе, прескочилҍ на другой брегҍ. Непріятели повергаются отҍ нашихҍ пораженій. Но мракҍ ночи наступилҍ и насҍ разлучаетҍ. *Дуньтальмҍ* удалился на камень вҍ средину долговҍчнаго лҍса. Сердце его волновалось бҍшенствомҍ противҍ любезнаго *Кальоона*. Юный сей ратоборецҍ стоялҍ подҍ древомҍ, погруженҍ вҍ мрачное уныніе.

Онҍ

онъ оплакивалъ возлюбленнаго своего *Кольмара*, *Кольмара*, похищеннаго смертію во цвѣтѣ младости, когда не успѣлъ еще онъ вѣнчаться знаменитымъ какимъ и славнымъ подвигомъ.

Я повелѣлъ Бардамъ возвысить пѣсни унынія, да усладится сердце Героя; но всегда неподвиженъ, и въ одномъ стоя мѣстѣ, ударялъ онъ часто копіемъ своимъ о землю. Близъ его прекрасная *Кольмала* изъ томныхъ очей своихъ проливала тайно источники слезъ; она предчувствовала, что ея любовникъ, или *Дуньтальмъ*, долженъ погибнуть.

Уже владычествовала полночь. Безмолвіе и мракъ царствовали на полѣ. Сонъ почивалъ на очахъ ратоборцевъ. Душа *Кальоонова* начинала уже успокоиваться, и очи его до половины сомкнуты. Но шумъ источника *Тевты* отзывался еще въ ушесахъ его; тѣнь *Кольмара* является ему блѣдна и указуя на свою язву; она уклоня главу свою къ Герою, и возвышая слабый свой гласъ: спитъ, рекла ему, спитъ сынъ *Ратмора*, исполненъ крѣпости и силы, а братъ его простертъ на земли бездыханенъ! Не сопутствовалъ ли я тебѣ на ловитву звѣрей? не вмѣстѣ ли гонялись мы за робкими еленями? *Кольмаръ* не былъ забвенъ до дня паденія своего, до дня, въ который смерть иссушила цвѣтъ

его

его юности. Тѣло мое блѣдно и хладно простерто при подножіи скалы *Лоны*. Востани *Кальѳонъ*; заря предшественница дня приближается; *Дуньтальмъ* хочетъ поругаться тѣлу твоего брата. . . . При сихъ словахъ тѣнь сокрылась и изчезла. *Кальѳонъ* востая узрѣлъ блистающую бразду, проведенную въ воздухѣ ея полетомъ. Онъ стремится, летитъ, и звукъ его оружія простирается вдали. Нещастная *Кольмала* сопутствуетъ во мракѣ своему любовнику, влеча позади себя тяжелое копіе.

*Кальѳонъ*, пришедъ къ подножію скалы, узрѣлъ тѣло брата своего простерто на земли. При семъ зрѣлищѣ ярость овладѣла его душею, онъ кинулся во среду сопостатъ. Стенанія смерти восходятъ къ облакамъ. Не медля враги окружаютъ и тѣснятъ. Онъ пойманъ, связанъ и приведенъ къ свирѣпому *Дуньтальму*. Крики радости возвышаются и холмы отвѣтствуютъ имъ посреди ночи. При семъ шумѣ я воспрянулъ и схватилъ копіе отца моего. *Діаранъ* и юный *Дургъ* востаютъ и шествуютъ со мною. Тщетно искали мы бодрственнаго *Кальѳона*. Его отсутствіе опечалило сердца наши: я страшился, да не помрачится чрезъ то слава моя, и мужество мое воспрянуло.

Чада *Морвена*! возопилъ я, не такъ ратоборствовали наши родители; не покоились ни на чуждѣй землѣ, доколѣ враги поверг-

гнутся ихЪ мечемЪ. КрѣпостЬ ихЪ равнялась крѣпости орлей; слава ихЪ служитЪ славою нашимЪ пѣснямЪ. Но наши ратники падаютЪ одинЪ послѣ другаго, и слава наша увядаетЪ. Что скажетЪ владыка, естьли *Оссіанъ* возвратится не торжествуя? Востаньте ратники, примите ваши оружія, и слѣдуйте за *Оссіаномъ*. Не увѣнчанЪ побѣдою не узритЪ онЪ стѣнЪ *Селмы*.

Уже волны *Тевты* начинали багрѣть лучами Авроры. *Кольмала* стояла позади меня, проливая слезы. Она спрашивала о вождѣ *Клуты*. Трикраты упадало копіе изЪ слабой ея руки.

ГнѣвЪ мой обратился противЪ сего юнаго иностранца, слезы его родили досаду и негодованіе вЪ душѣ моей, трепещущей о участи *Кальвона*.

Юноша, рекЪ я ему, котораго мышцы толико слабы! развѣ слезами сражаются воители *Клуты*? Не печалію пріобрѣтается побѣда, и сердце брани не знаетЪ вздоховЪ. Поди, гоняйся за робкими сернами *Кармуна*, паси блѣющія стада *Тевты*. Отдай сіе оружіе, слабая душа, отдай его ратнику, могущему носить его вЪ сраженіяхЪ.

Я совлекЪ сЪ раменЪ ея броню. ВдругЪ открылась мнѣ грудь ея бѣлѣе снѣга. Смущенна, стыдлива, покраснѣла она, и уклонила на перси главу свою. Я безмолвенЪ воззрѣлЪ на моихЪ воиновЪ. Копіе само выпа-

пало изъ руки моей, и я вздохнулъ. Но узнавъ имя сея красоты, пролилъ я источники слезъ. Я въ сердцѣ моемъ пожелалъ благопріятной и щастливой участи юной сей иноплеменницѣ, и повелѣлъ воинамъ шествовать на поле брани.

Уединенный житель камени! для чего *Оссіану* коснѣть и повѣствовать тебѣ, какъ пали воители *Тевты*? Они забыты нынѣ въ собственной своей землѣ, даже гробницъ ихъ не могутъ обрѣсти въ пустынѣ. Время ихъ разрушило; самыя глыбы земли, покрывавшія ихъ, превратились въ тонкій прахъ. Едва только примѣтенъ гробъ *Дуньтальма*. Едва видно мѣсто, гдѣ онъ палъ копіемъ *Оссіана*. Какой нибудь ратникъ, покрытый уже сѣдинами, и котораго зрѣніе слабо и томно, сидя вечеромъ близъ горящаго дуба, повѣствуетъ нынѣ сынамъ своимъ мои подвиги и паденіе *Дуньтальма*. Юные Герои уклоняются, чтобъ внимательнѣе слушать бесѣды старца. Радость и удивленіе блистаютъ въ ихъ воспаленныхъ взорахъ.

Я нашелъ *Кальѳона*, привязанна къ дубу. Мечь мой разсѣкъ его узы, и я вручилъ ему прекрасную *Кольмалу*. Сія любящаяся чета осталась жить въ *Тевтѣ*, и *Оссіанъ* возвратился въ чертоги Царя *Морвенскаго*.

---

## ЛАТМОНЪ.

### *ПОЭМА.*

### Содержанiе.

*Латмонъ*, Князь Британскiй, сынъ *Нуата*, пользуясь отсутствiемъ *Фингала*, бывшаго тогда въ Ирландiи, сошелъ на брега *Морвена*. Онъ былъ уже въ виду чертоговъ *Сельмы*. Но когда хотѣлъ осаждать сей замокъ, *Фингалъ* присталъ къ берегу. *Латмонъ* удалился на холмъ, гдѣ онъ во время ночи побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ *Оссiаномъ* и *Галломъ* сыномъ *Морнiя*. Начало поэмы есть то самое время, когда *Фингалъ* явился на берегахъ, и кончится она въ половинѣ слѣдующаго дня.

---

*Сельма*! въ стѣнахъ твоихъ царствуетъ безмолвiе. Никакого звука не отзывается въ лѣсахъ *Морвена*. Слышанъ только шумъ волнъ, раздробляемыхъ на брегѣ. Солнце изливаетъ источники свѣта на покоющуюся равнину. Дщери *Морвена* исходятъ и непрестанно обращаютъ очи свои къ холмамъ *Уллина*; безпокоющiеся взоры ихъ ищутъ на Океанѣ парусовъ Царя *Морвенскаго*; онъ обѣщалъ имъ возвратиться скоро. Но вѣтръ запада воздвигся, онъ воспящаетъ корабли *Фингаловы*.

Какой черный источникъ стремится съ холма восточнаго? Это воинство *Латмона*. Онъ узналъ отсутствіе *Фингала*. Онъ надѣется на западный вѣтръ, противоборствующій Царю, и сердце его трепещетъ радостію. *Латмонъ*! для чего течешь ты съ бранноносным ополченіемъ? Сильные *Сельмы* въ отсутствіи. *Морвенскія* дѣвы будутъ ли сражаться? . . . Но сдержи твое стремленіе, *Латмонъ*; или не видишь ты сихъ парусовъ? Уже я зрю, ты бѣжишь вспять, ты изчезаешь. Трепещи, буря позади тебя: *Фингалъ* течетъ во слѣдъ тебѣ.

Волны влекли по волѣ своей корабль нашъ посреди ночи. *Фингалъ* воспрянулъ и простеръ руку свою къ копію. Его ратники востаютъ и окружаютъ его. Мы познали, что видѣлъ онъ тѣни своихъ праотцевъ. Онѣ часто являлись ему во снѣ, когда враждебная сталь угрожала его странамъ и когда туча брани готова была возгремѣть надъ нами.

Благопріятствующіе вѣтры! возопилъ Царь *Морвена*, гдѣ вы сокрылись? Въ пещерахъ ли южныхъ гремите вы? Во слѣдъ ли дожденоснымъ облакамъ подъ чуждымъ течете небомъ? Для чего не спѣшите возвѣять моихъ парусовъ, и струить лазуревую поверхность морей моихъ? Сопостатъ въ моей землѣ, и меня тамъ нѣтъ! Другья! да каждой изъ васъ покроется бронею, и при-

 метъ

метъ щитъ свой. Простерите всѣ копія свои превыше волнъ; да не покоится ни единый мечь въ своемъ влагалищѣ. *Латмонъ* предъ нами, вождь многочисленнаго воинства; *Латмонъ*, бѣжавшій нѣкогда отъ лица *Фингалова* на поляхъ *Коны*; но возвращается онъ какъ источникъ, увеличенный въ теченіи своемъ, и гремящій между холмами нашими.

Тако рекъ *Фингалъ*. Мы входимъ въ заливъ *Кармона*. *Оссіанъ* востекъ на холмъ и трикраты ударяетъ въ щитъ свой. Скала *Морвена* повторяла его звуки, робкія лани убѣгли. Сопостаты видя меня смутились, разсѣянные полки ихъ соединяются. Гордясь младостію и оружіемъ моимъ, я представлялъ имъ себя на высотѣ, какъ страшный и гремящій облакъ.

*Морни* сидѣлъ подъ древомъ близъ водъ *Струмона*. Покрытый сѣдинами Герой сей, опершись главою на свой жезлъ, повѣствовалъ битвы своей младости. Юный *Галлъ*, сынъ его, внималъ ему съ жадностію. Душа его воспламенялась, слыша подвиги своего отца. Часто въ восторгѣ своей кипящей бодрости, и внѣ себя, сскакивалъ онъ скоропостижно.

*Морни* услышалъ звукъ щита *Оссіанова*, Онъ уразумѣлъ гласъ брани, онъ сотрясается радостію и востаетъ. Бѣлые власы его раздѣляются на рамена его. Воспоминаніе претекшихъ своихъ подвиговъ одушевило въ

немъ

немЪ силы. СынЪ мой! рекЪ онЪ юному *Галлу*, я слышу гласЪ брани; онЪ возвѢщаетЪ *Фингалово* возвращенiе. Теки вЪ чертоги мои *Струмона*; сыщи мое оружiе; избери то, которое отецЪ мой носилЪ во дни своей старости; я чувствую, десница моя начинаетЪ слабѢть. Но ты, мой сынЪ, ты возьми свое оружiе и лети вЪ первый твой подвигЪ. Старайся достигнуть славы отцевЪ твоихЪ. Устремляйся на поляхЪ брани, какЪ орелЪ на зыбяхЪ воздушныхЪ. Для чего сыну моему бояться смерти? Мужественные падутЪ со славою, или щитЪ ихЪ отражаетЪ стрѢлы смерти, и слава покоится на ихЪ кудряхЪ, покрытыхЪ сѢдинами. Не видишь ли ты, о *Галл*Ъ! какЪ знамениты честiю слѢды моей старости? *Морни* простирается, и юные ратники грядутЪ ему во срѢтенiе; они взираютЪ на него почтительно, и слѢдуютЪ ему очами безмолвно и нирадостно. Но знай, сынЪ мой, что я никогда не убѢгалЪ опасности; мечь мой блисталЪ посреди бранноносной бури: иноплеменникЪ изчезалЪ предЪ лицемЪ моимЪ, и мое присутствiе низвергало сопостатовЪ.

*ГаллЪ* приноситЪ оружiе *Морнiя*; старецЪ покрылЪ себя звучащею сталью. Ослабшая рука его воспрiемлетЪ еще то копiе, которое часто обагрялось нѢкогда кровiю сопостата. ОнЪ шествуетЪ кЪ *Фингалу*; сынЪ его ему сопутствуетЪ. Царь *Морвена* не

 могЪ

могъ сокрыть восхитительной радости, узря сего почтеннаго ратоборца.

Царь *Струмона*! вѣщаетъ онъ ему, я зрю тебя еще ополченна гремящимъ твоимъ оружіемъ, не смотря на слабость твоихъ лѣтъ. *Морни* блисталъ въ сраженіяхъ, какъ лучь восходящаго солнца, когда разгоняетъ оно бурные облаки, омрачившіе высоту холма, и когда возвращаетъ оно тишину моимъ смѣющимся полямъ. Но для чего не успокоиться при концѣ твоего теченія? Твои подвиги служатъ хвалою и честію пѣснямъ нашимъ; народъ взираетъ на тебя почтительно и благословляетъ твою старость. Почій великодушный старецъ! Чтобъ разсѣять и уничтожить полки враждебные, довольно одного *Фингала*.

Сынъ *Комгала*! отвѣтствуетъ *Морни*, лесница моя лишилась крѣпости. Я покушаюсь исторгнуть изъ влагалища мечь моей младости. Неподвиженъ противится онъ моимъ усиліямъ. Я стремлю копіе мое, оно не достигаетъ желаннаго мѣста, и тяжесть моего щита уже мнѣ чувствительна. Мы увядаемъ какъ злакъ холмовъ, и крѣпость наша оставляетъ насъ невозвратно. Но *Фингалъ*, я имѣю сына; я зрѣлъ его воспламененна, когда повѣствовалъ я подвиги моей юности; онъ не извлекалъ еще меча противъ враговъ. Еще не началась его слава Я теку съ нимъ на поле брани, чтобъ направлять

влять его десницу. Слава его будетЪ совѣдѣніемЪ, освѣщающимЪ душу мою вЪ тотЪ мрачный часЪ, когда я оставлю жизнь. . . . АхЪ! пусть будетЪ *Морніево* имя забвенно ратниками, пусть видя меня впредь Герои скажутЪ только: вотЪ родитель *Галла*!

Царь *Струмона*! рекЪ *ФингалЪ*, сынЪ твой будетЪ ратоборствовать, но при моихЪ очахЪ; десница моя защититЪ его младость. Гряди, почій вЪ *Сельмѣ*; ты скоро услышишь вѣсть нашихЪ подвиговЪ. Рцы БардамЪ, да воспріимутЪ они свои арфы, да возвысятЪ гласЪ свой, чтобЪ утѣшить тѣни ГероевЪ, которые падутЪ на полѣ чести, и чтобЪ сердце *Морнія* исполнить радости. Ты *ОссіанЪ*, ты сражался неоднократно; копіе твое обагрилось кровію иноплеменныхЪ: *ОссіанЪ*! сопутствуй *Галлу* вЪ битвахЪ, но не удаляйтесь отЪ *Фингала*, да сопостатЪ не застигнетЪ васЪ единыхЪ, да не погибнетЪ ваша юная слава.

Я узрѣлЪ *Галла* во всеоружіи, и душа моя слілась сЪ его душею; огонь брани блисталЪ вЪ очахЪ его. ОнЪ взиралЪ сЪ веселіемЪ на сопостатовЪ. Мы втайнѣ рекли другЪ другу словеса дружбы. Одни повалили лѣса, мы извлекали молніи изЪ мечей нашихЪ, и мы искушали крѣпость мышцей нашихЪ вЪ пустотѣ воздуха.

Ночь нисходитЪ на *МорвенЪ*: *ФингалЪ* сидѣлЪ предЪ горящимЪ дубомЪ, и *Морни*

близѣ его. Они бесѣдовали о претекшихъ временахъ, и о дѣяніяхъ своихъ праотцевъ. Три Барда играли на сладкострунныхъ арфахъ. *Уллинъ* соединяетъ съ ихъ звуками пріятный свой голосъ. Онъ поетъ могущественнаго *Комгала*. При семъ имени чело *Морнія* помрачилось. Воспламененное око его поразило страшнымъ взглядомъ *Уллина*, и онъ престалъ пѣть. *Фингалъ* примѣтилъ волненіе старца, и съ кротостію рекъ ему: Царь *Струмона*! для чего сей толико мрачный видъ? пусть все прошедшее загладится въ памяти нашей! Отцы наши грозныя между собою имѣли битвы; но мы сидимъ купно при дружелюбномъ пиршествѣ. Мы обратили крѣпость нашу противъ сопостата, и онъ изчезъ. Забудемъ кровопролитныя вражды отцевъ нашихъ, о мужественный Царь *Струмона*!

Владыка *Морвена*! отвѣтствуетъ *Морни*, всегда пріятно мнѣ воспоминать твоего родителя. Онъ страшенъ былъ въ сраженіяхъ; очи мои исполнились слезъ, когда я узрѣлъ его падша. Мужественный погибаетъ, о *Фингалъ*! и робкій старѣетъ на холмахъ своихъ. Въ теченіи жизни моей сколь много сильныхъ видѣлъ я поверженныхъ смертію! Но я презирая все, я ополчался, какъ и они, противу всѣхъ опасностей. Я никогда не убѣгалъ сраженій. *Фингаль*! ночь уже осѣняетъ насъ своими крилами, повели успо-

коить-

коиться твоимъ ратникамъ, да при возвратѣ свѣта востанутъ они исполнены силы и бодрости сразиться съ сильнымъ *Латмономъ*. Я слышу бурный шумъ его воинства. *Оссіанъ*, и ты, *Галлъ*! вы легки въ бѣгѣ, востеките на сей покрытый древами холмъ, и примѣчайте сопостатовъ *Фингала*. Но не приближайтеся къ нимъ. Родившіе васъ не тако будутъ близки, чтобъ защитить васъ своими щитами. Не подвергайте вашу славу преждевременной гибели: мужество юности можетъ обмануться.

Мы радостно повинуемся велѣнію *Морнія*. Мы исходимъ во всеоружіи. Уже мы въ лѣсахъ холма. Небо усѣянно было звѣздами; воздушные огни, предзнаки смерти Героевъ, летали на равнинѣ, и отдаленный шумъ враждебнаго воинства ударялъ во слухъ нашъ. Тогда *Галлъ*, влекомый пламеннымъ своимъ мужествомъ, держа десницу на рукояти меча своего до половины извлеченнаго, вѣщаетъ мнѣ: сынъ *Фингаловъ*! давно ли чувствую я пламень въ душѣ моей? Сердце мое біется съ усиліемъ. Стопы мои не тверды, и моя десница трепещетъ на мечѣ моемъ. Когда обращаю я очи мои къ сопостату, кажется, что душа моя излетаетъ, стремится предо мною и указуетъ мнѣ усыпленные полки его. *Оссіанъ*! не тако ли сердце мужественнаго содрогается въ сраженіяхъ? . . . Ахъ! какая радость для моего ро-

родителя, естьли мы нападемъ на враждебныхъ! Хвала наша возвеличится въ пѣсняхъ Бардовъ, и сильные узрятъ насъ грядущихъ единою съ ними стезею величества и славы.

Сынъ *Морнія*! отвѣтствовалъ я, душа моя утѣшается битвами. Я люблю одинъ блистать на полѣ брани; я люблю, да имя мое возвѣщается въ пѣснехъ Бардовъ. Но естьли одолѣетъ сопостатъ, предстану ли я одинъ очамъ моего родителя? Взоры его страшны во гнѣвѣ, они стремятъ огнь смерти. Нѣтъ, я не явлюся раздраженнымъ его взорамъ. *Оссіанъ* умретъ, или побѣдитъ. Но побѣжденные прославляются ли? Они преходятъ, какъ тѣнь. . . . *Оссіанъ* не тако, его подвиги сравнятся съ подвигами праотцевъ. *Галлъ*! устремимся на враговъ съ сими смертоносными мечами. Естьли возвратишься ты одинъ съ битвы, гряди въ *Селму*. Скажи прекрасной *Эвираллинѣ*, что я палъ со славою. Отнеси ей сей мечь. Напомни, да вручитъ его сыну моему *Оскару*, когда разцвѣтетъ его младость.

Возвратиться въ *Селму*! отвѣтствуетъ *Галлъ* воздыхая, возвратиться, когда уже не будетъ *Оссіана*! что скажетъ мой родитель? Что скажетъ *Фингалъ*? Робкій отвратитъ отъ меня взоры свои съ презрѣніемъ, и скажетъ: видите ли храбраго *Галла*, который оставилъ друга своего плавающа въ крови своей? Нѣтъ, вы меня не узрите,

какъ

какъ только окруженна славою. *Оссіанъ!* опасность творитъ душу великою, и мой родитель часто повѣствовалъ мнѣ подвиги сильныхъ, когда они сражались одни.

Сынъ *Морнія!* вѣщаю я, шествуя первый на высоту холма, отцы наши возхвалятъ наше мужество и восплачутъ о смерти нашей, и естьли очи ихъ исполнятся слезъ, сердца ихъ изліются въ радости. Они рекутъ: наши чада не тако пали, какъ злачная трава въ поляхъ; они окружили себя смертію враждебныхъ. . . . Но почто мыслить о гробѣ? Мечь защита храбрости; робкій влечетъ за собою смерть своимъ бѣгствомъ, и его имя погибаетъ съ нимъ купно.

Мы устремляемся сквозь мракъ ночи, источникъ изливался вокругъ враждебнаго воинства, и текъ между древами, которыхъ отзывъ повторялъ его журчаніе. Мы приходимъ на брегъ, и видимъ врага спяща; огни его погашены, и стража удалилась; я оперся уже о копіе мое, да прескочу источникъ, какъ *Галлъ*, взявъ меня за руку, вѣщалъ мнѣ какъ Герой.

Сынъ *Фингаловъ* уже ли хочетъ устремиться на спящаго сопостата? Уподобится ли онъ бурному вѣтру, исторгающему тайно юныя древа посреди ночи? Не тако *Фингалъ* содѣлалъ безсмертнымъ свое имя. Не такіе подвиги увѣнчали славою сѣдые власы *Морнія.*

*нія.* Ударь, *Оссіанъ*, ударь во щитъ бран: Пусть всѣ сопостаты воспрянутъ. Пусть он всѣ противоборствуютъ *Галлу*; онъ на пе] вый еще исходитъ подвигъ, онъ желает испытать крѣпость своей мышцы.

Восхищенъ такою рѣчію, излилъ я слез радости. Такъ, сынъ *Морнія*, сопостат сразится съ тобою лицемъ къ лицу. Слав твоя возвысится до небесъ. Но берегись лк безный Герой, да твое мужество не увле четъ тебя далеко; пусть молніи меча тв его блистаютъ близъ сына *Фингалова*; пре будемъ совокупны въ кровопролитіи, и пуст наши десницы поражаютъ купно. — *Галлъ* видишь ли ты сей камень, котораго мрач ныя ребра озарены слабо сіяніемъ звѣздъ Естьли мы не преуспѣемъ, станемъ къ се му камени въ лице сопостату: онъ убоит ся приближиться къ копіямъ нашимъ, он увидитъ смерть въ рукахъ нашихъ.

Три краты ударилъ я во щитъ мой враги содрогаются и востаютъ; мы устрем ляемся; они бѣгутъ толпами чрезъ дебри они мечтали, что самъ *Фингалъ* стремитс во слѣдъ ихъ; крѣпость ихъ и бодрост изчезли. Шумъ бѣгства ихъ уподоблялс треску пламени, бѣгущему и пожирающем дубравы.

Должно быть самовидцемъ, какъ бы стро летало тогда копіе *Галлово*, какъ по ражалъ мечь его; *Лехъ* и *Креморъ* низвер

гаются; *Дуньторм* трепещет въ крови своей; ребра *Крова* пронзает сталь въ ту минуту, какъ вставал онъ опершись на копіе свое. Кровь течет изъ язвы его, и обагряет полуугасшія главни горящаго дуба. *Калмин* зрит себя гонима Героемъ; онъ спѣшно востекает на изсохшее древо; но копіе пронзает хребет его, онъ испускает пронзительный вопль, онъ упадает, и въ паденіи своем влечет мохъ и мертвыя вѣтви, которыми покрылось оружіе *Гилла*.

Таковы были первые твои подвиги мужественный сынъ *Морнія*; и ты, едина оставшаяся отрасль *Фингалоеа* корени! мечь твой не покоился при бедрѣ твоей. *Оссіан* стремится, и враги падают отъ его пораженій какъ трава, или цвѣты терновника ударяемые тростію отрока, который ударяет ихъ безъ различія, и свистя пробѣгает поле.

Заря востает, струи мѣлькают извиваясь на равнинѣ. Враги соединяются на холмѣ. Уста *Латмона* пѣнятся отъ ярости. Воспламененныя очи его поникли къ землѣ. Скорбь его и досада соединились съ свирѣпым безмолвіем. Часто ударяет онъ во щит свой; его шаги неравны и скоры. Я узрѣлъ его вдали и рекъ сыну *Морнія*: Герой *Струмона*! видишь ли ты сопостатовъ? Бѣшенствуя соединяются они на семъ холмѣ.

Уда-

Удалимся къ *Фингалу*: онъ явится и враги изчезнутъ. Юный ратоборецъ! слава насъ окружаетъ, *Фингалъ* и *Морни* возрадуются; но удалимся: *Лапмонъ* нисходитъ уже съ холма. — Изрядно, удалимся тихими стопами, да не скажетъ сопостатъ съ язвительною усмѣшкою: посмотрите на сихъ Героевъ ночи, они подобны привидѣніямъ: страшны во мракѣ, изчезаютъ они при первомъ лучѣ солнца. *Оссіанъ*! возьми щитъ *Гормара* тобою поверженной: Герои, даровавшіе намъ жизнь, съ радостію увидятъ мужество сыновъ своихъ.

Тако мы бесѣдуемъ, и *Сульматъ* приближился къ *Лапмону*, *Сульматъ*, Князь *Дюты* на брегахъ чернаго источника *Дуеранна*. *Лапмонъ*! рекъ онъ ему, почто не устремишься на нихъ съ тысящію твоихъ сильныхъ, доколѣ они въ очахъ еще нашихъ? Раждающійся свѣтъ отражается на ихъ оружіи, и мы видимъ ихъ удаляющихся спокойно.

Ратникъ малодушный! отвѣтствуетъ *Лапмонъ*, ты хочешь, чтобъ низвелъ я мое воинство и тысящи мечей повелѣлъ блистать противу двухъ только Героевъ. *Нуатъ*, мой родитель, восплачетъ въ чертогахъ своихъ о помраченной своей славѣ; онъ отвратитъ отъ меня раздраженные свои взоры, когда я дерзну къ нему приближиться. *Сульматъ*!

*матъ*! гряди къ симъ Героямъ; я вижу гордаго *Оссiана*, слава его творитъ его достойнымъ измѣрять со мною силы свои. Скажи ему, что *Латмонъ* вызываетъ его къ единоборствiю. *Сульматъ* приходитъ, я прiемлю съ радостiю вызовъ *Латмона*. Я положилъ щитъ мой на мышцу мою, и *Галлъ* вручаетъ мнѣ мечь *Морнiя*. Мы возвратились ко брегу источника. *Латмонъ* шествуетъ покрытъ блестящимъ своимъ оружiемъ, и его воинство простирается во слѣдъ ему, какъ сонмы облаковъ.

Сынъ *Фингала*! рекъ онъ мнѣ, слава твоя возрасла нашимъ нещастiемъ. Коль много ратоборцевъ зрю я здѣсь поверженныхъ твоею рукою! Устреми нынѣ копiе твое противу меня, повергни *Латмона* бездыханна посреди его воинства, или умри самъ. Никогда не скажутъ, что ратники *Латмона* погибли при очахъ его, и мечь его покоился при его бедрѣ. Прекрасныя очи *Кюты* окропились бы слезами; она сокрыла бы печаль свою въ пустынныхъ моихъ долинахъ.

Не скажутъ также никогда, отвѣтствую я, что сынъ *Фингала* обратился въ бѣгство; хотя бы *Оссiанъ* имѣлъ уже одну ногу во гробѣ, *Оссiанъ* не обратился бы въ бѣгство. Гласъ сердца, тайный гласъ возопилъ бы ему: *Какъ! пѣснопѣвецъ Сельмы боится сопостата*? Нѣтъ, онъ его не боится, и одни битвы его утѣхи.

*Латмонъ* пронзилъ щитъ мой копіемъ, я почувствовалъ хладъ стали близъ моихъ ребръ. Въ минуту извлекъ я мечь *Морнія.* Я разсѣкъ на двое копіе моего противника, блестящее остріе катится по равнинѣ. *Латмонъ*, кипя яростію, подъемлетъ щитъ свой; онъ имъ покрылся, и я вижу одни только мрачныя очи его, вращающіяся поверхъ сего мѣднаго оплота. Но мое копіе пронзило блестящія выпуклости и углубилось въ древо, стоящее позади его, щитъ повисъ на концѣ дрожащаго копія. Но мужественный *Латмонъ* еще простирается ко мнѣ; *Галлъ* восхотѣлъ упредить паденіе Героя сего; онъ простеръ щитъ свой предъ мечемъ моимъ въ то самое мгновеніе, какъ упалъ онъ на моего противоборника подобно огненной стрѣлѣ.

*Латмонъ* взираетъ на сына *Морніева*, и не можетъ удержать своихъ слезъ; онъ повергнувъ мечь свой на землю: почто, рекъ онъ намъ, почто *Латмону* сражаться съ первыми изъ смертныхъ? Души и сердца ваши лучь небесъ; ваши мечи пожирающій пламень; чія слава сравниться можетъ со славою сихъ Героевъ, которыхъ юность знаменита уже толь великими подвигами? Ахъ! для чего вы не въ чертогахъ моего родителя? Онъ не сказалъ бы, что сынъ его уступилъ слабымъ ратникамъ . . . Но кто сей, грядущій къ намъ толь величественно? Холмы

мы содрогаются при шумѣ его шествія. Сонмы поднебесныхъ духовъ летаютъ посреди молній, исторгающихся изъ его оружія. Это духи хранители воиновъ, долженствующихъ пасть мечемъ владыки *Морвенскаго.* Коль щастливъ ты, *Фингалъ*! сыны твои ратоборствуютъ въ твоихъ сраженіяхъ; они упреждаютъ тебя, и возвращаются увѣнчанны славою.

*Фингалъ* приближается, лице его кротко и свѣтло. Онъ втайнѣ утѣшается подвигами своего сына. Удовольствіе сіяетъ на челѣ *Морнія*, очи старца сего помрачены слезами радости. Мы всѣ купно шествуемъ въ чертоги *Сельмы*, и мы возсѣли при пиршествѣ *Фингала.* Дочери *Морвена* шествуютъ къ намъ поя; имъ сопутствуетъ нѣжная и робкая *Эсираллина*; ея черные власы упадаютъ на бѣлизну ея выи. Она втайнѣ обращаетъ очи свои на *Оссіана.* Легкая рука ея касается арфы, и мы всѣ соплещемъ прелестной дщери *Бранна.*

*Фингаль* востаетъ и вѣщаетъ *Латмону.* При каждомъ движеніи десницы его мечь *Тренмора* сотрясается при его бедрѣ. Сынъ *Нуата*! для чего пришелъ ты искать славы себѣ въ *Морвенѣ*? Мы не слабаго чада племени, и наши мечи обагрены кровію сильныхъ. Внесли ли мы когда брань въ твое отечество? *Фингалъ* не утѣшается битвами, хотя и чувствуетъ крѣпость своей мышцы.

Слава моя возрастаетЪ паденіемЪ безумныхЪ, дерзающихЪ оскорблять меня, и мой перунЪ упадаетЪ на гордыхЪ ратоборцевЪ: сраженіе возгарается и гробы моихЪ ратниковЪ повсюду возвышаются. О мои праотцы! скоро останусь я единЪ, но останусь увѣнчанЪ славою, и разлучаясь сЪ жизнію, оставлю я за собою стезю блестящую. Удалися, *Латмон*Ъ, теки сЪ мечемЪ вЪ другія страны. *Морвенское* племя во бранѣхЪ знаменито, и гибель постигаетЪ его сопостатовЪ.

---

## ОАТОНА.

### ПОЭМА.

#### Содержаніе.

*Латмон*Ъ, побѣжденЪ будучи *Фингалом*Ъ, удалился вЪ свои земли. *Галл*Ъ ему сопутствуетЪ; *Нуат*Ъ отецЪ *Латмона* принялЪ Каледонскаго Героя великолѣпно. *Галл*Ъ не можетЪ смотрѣть равнодушно на дочь его *Оатону*, которая и соотвѣтствуетЪ его любви. БылЪ уже назначенЪ день ихЪ брака, какЪ *Фингал*Ъ прислалЪ кЪ *Галлу*, чтобЪ возвратился онЪ вЪ *Морвен*Ъ, и слѣдовалЪ за нимЪ на войну, предпріятую противЪ БританцовЪ. СынЪ *Морнія* повинуется, но разлучась обѣщалЪ онЪ *Оатонѣ*, что ежели останется вЪ живыхЪ, возвратится скоро. ОнЪ положилЪ и день своему возвращенію.

нію. Равнымъ образомъ и *Латмонъ* долженъ былъ слѣдовать за *Нуатомъ* на войну, и *Оатона* осталась одна въ *Дуньлатмонѣ*, въ обыкновенномъ жилищѣ своего племени. Она презрѣла нѣкогда любовь *Дуромата*, Князя острова *Утама*, который почитается однимъ изъ *Аркадскихъ*. Сей презрѣнный сю любовникъ, пользуясь отсутствіемъ Героевъ, могущихъ ее защитить, похитилъ ее, препроводилъ въ пустой островъ, называемый *Троматонъ*, и заключилъ въ пещерѣ. Начало поэмы есть то самое время, когда *Галлъ* возвращается въ *Дуньлатмонъ*, и не находитъ тамъ своей любовницы.

---

Мрачность владычествуетъ въ пустыхъ чертогахъ *Дуньлатмона:* они озарены слабыми только лучами луны, показующей одну только половину круга своего на высотѣ холма. Дщерь ночи отвращаетъ, кажется, свои взоры, и предвидитъ печаль, долженствующую воцариться въ сихъ твердыняхъ.

Сынъ *Морніл* на полѣ; но какое безмолвіе въ чертогахъ его возлюбленной! Ни единый лучь свѣта не проницаетъ густоты мрака. Гласъ *Оатоны* не соединяется съ журчаніемъ источниковъ.

Гдѣ сокрылась ты прекрасная? *Латмонъ* братъ твой на полѣ славы; но ты,

ты обѣщалась пребывать въ своихъ чертогахъ, ты обѣщала ждать возвращенія сына *Морніева*: разлучаясь съ тобою, видѣлъ я прелестныя твои ланиты орошенны слезами, и бѣлую грудь твою воздымающуюся отъ вздоховъ. Для чего не спѣшишь ты во срѣтеніе твоему возлюбленному, провождая радостныя твои пѣсни стройными звуками твоей арфы?

Таково было сѣтованіе *Галла*, когда приближился онъ къ башнямъ *Дуньлатмона*. Врата были отверсты. Нѣтъ никакого свѣта въ чертогахъ; стремительные вѣтры шумѣли въ пространствѣ храминъ; древа усѣяли помостъ ихъ своимъ листьіемъ, и внѣ ихъ слышно только одно глухое шептаніе ночи.

Печаленъ и задумчивъ, сынъ *Морнія* возсѣлъ на камень. Душа его содрогается въ неизвѣстности о жребіи его возлюбленной; онъ не знаетъ, куда обратить стопы свои. *Морло* ему сопутствующій, сталъ отъ него не далече: онъ видитъ глубокую печаль своего друга и не смѣетъ ему говорить.

Сонъ нисходитъ на вѣжди двухъ Героевъ и съ нимъ мечтанія ночи. *Оатона* является сыну *Морнія*. Ея черные власы развѣваются въ безпорядкѣ, ея прекрасныя очи вращались во слезахъ, кровь текла на бѣлую ея руку, ея одежда утаевала половину язвы на пре-

прелестной ея груди: -- ОнЪ спитЪ, спитЪ сынЪ *Морнія*, онЪ, на кого взирала я сЪ толикою любовію! *ГаллЪ* покоится на камени, удаленЪ отЪ своей возлюбленной, погруженной вЪ отчаяніе! Пространное море окружаетЪ островЪ *ТроматонЪ*: тамо я сижу одна, рыдая во глубинѣ мрачной пещеры; но нѣтЪ, я не одна, о сынЪ *Морнія*! свирѣпый *ДуроматЪ* со мною: ОнЪ тамо сЪ отчаяннымЪ бѣшенствомЪ любви: что можетЪ сдѣлать несчастная *Оатона*?

ПорывЪ стремительнаго вѣтра потрясЪ сильнѣе верьхи дубовЪ и видѣніе изчезаетЪ. *ГаллЪ* пробуждается, схватилЪ копіе, и востаетЪ ярostенЪ; онЪ непрестанно обращаетЪ очи свои кЪ востоку, и клянетЪ медленное приближеніе дня. Но заря возникла. ОнЪ распростираетЪ парусы, вѣтры благопріятствуютЪ, и корабль его скачетЪ по волнамЪ. ВЪ день третій островЪ *ТроматонЪ* исходитЪ предЪ взорЪ его изЪ нѣдрЪ Океана; онЪ уподоблялся голубому посреди волнЪ щиту, и бѣлѣющаяся волна шумя ударялась о его скалы. Скорбящая *Оатона* сидѣла на брегѣ, слезоточащія очи ея устремлены на скачущіе валы. Усмотря *Галла* покровенна блестящимЪ оружіемЪ, сотрясается она ужасомЪ и отвращаетЪ взорЪ. Она уклонила лице свое кЪ земли; ея прелестныя ланиты червленѣютЪ стыдомЪ; опустились ея трепещущія руки. Три краты

 по-

покушалась она бѣжать и три краты измѣняютъ ей дрожащія ея колѣни.

*Сатона*! возопилъ ей *Галлъ*, почто хочешь ты отъ меня бѣжать? Развѣ примѣчаешь ты въ очахъ моихъ смерть, или ненависть въ сердцѣ? Ты для меня лучь Авроры, востекшій озарять меня въ землѣ чуждѣй: но какъ! лице твое омрачаетъ печаль! Близъ тебя ли сопостатъ твой? Душа моя горитъ съ нимъ встрѣтиться; мечь мой трепещетъ при бедрѣ моей, желая блистать въ моей десницѣ. Вѣщай, дщерь *Нуата*, отвѣтствуй мнѣ, не видишь ли ты слезъ моихъ?

Ахъ, *Галлъ*! отвѣтствуетъ она воздыхая, для чего стремишься ты чрезъ толикія моря, искать несчастной *Сатоны*? Почто не умерла я въ неизвѣстности, и не увяла какъ уединенный и никому незнакомый цвѣтъ на высотѣ камени? Почто пришелъ ты принять послѣдній мой вздохъ? Я изчезаю среди утра моей жизни, и уже не будутъ произносить моего имени, или произнесутъ его съ ужасомъ; и мой родитель прольетъ источники слезъ. Ты будешь сѣтовать сынъ *Морнія*, ты восплачешь о помраченной славѣ *Сатоны*; но она покоиться будетъ во гробѣ и не услышитъ уже голоса и стенаній своего возлюбленнаго. Ахъ *Галлъ*! для чего пришелъ ты въ сей пагубный островъ?

Дщерь

Дщерь *Нуата*! я пришелъ сражаться съ твоимъ сопостатомъ: я зрю его уже мертва . . , , или *Галлъ* погибнетъ. Естьли я паду, воздвигни мнѣ гробъ на семъ камени, и когда узришь ты нѣкій корабль скачущій по волнамъ, воззови великимъ воплемъ къ сынамъ Океана, призови ихъ, и вручи имъ сей мечь: пусть они вручатъ его *Морнію*, да престанетъ сей старецъ обращать взоры свои къ пустынѣ, въ надеждѣ узрѣть еще возвращеніе своего сына.

И ты думаешь, отвѣтствуетъ съ глубокимъ вздохомъ *Оатона*, ты думаешь, что я могу еще быть жива на семъ ненавистномъ островѣ, когда уже не будетъ сына *Морніева*! Сердце мое не сотворено изъ сей твердой скалы, и душа моя не столь нечувствительна, какъ сіе море, возвышающее валы свои при каждомъ вѣтрѣ и катящееся, не взирая, тишина ли царствуетъ, или мрачная буря. Ударъ, которой тебя низложитъ, прострегъ и меня во гробѣ. Сынъ *Морнія*! мы умремъ вкупѣ: такъ, смерть для меня пріятна, гробъ мое утѣшеніе. Пагубный островъ! никогда не оставлю я твоихъ камней.

*Латтмонъ* отшелъ въ бранноносное поле: онъ отшелъ сражаться при очахъ моего родителя на камнѣхъ *Дуторма*. Наступила ночь. Я сидѣла въ чертогахъ моихъ при свѣтѣ зажженнаго дуба. Вѣтры шумѣли въ

высотахъ древесныхъ; я услышала звукъ оружій; я трепещу радостно; я думала, что ты возвратился изъ *Морвена*. Увы! то былъ свирѣпый *Дуроматъ*. Онъ входитъ, очи его пламенны, мечь его еще дымился кровію моихъ друзей; варваръ сей умертвилъ всѣхъ, кто могъ защищать *Оатону*. Что могла я сдѣлать? Десница моя безсильна поднять копіе: онъ меня схватилъ, и не внемля моему воплю, онъ влечетъ меня на свой корабль: онъ страшился возвращенія мужественнаго *Латмона*, брата печальной *Оатоны*; но возри, се онъ, се онъ разсѣкаетъ волны Океана. Онъ течетъ окруженъ ратоборцами. Коль они многочисленны! Сынъ *Морнія*! куда обратишь ты стопы свои? Въ сраженіе, рекъ Герой, извлекая мечь свой. Вѣчно не зналъ я бѣгства, и я начну познавать страхъ, когда приближаются твои сопостаты! Удалися въ сію пещеру, доколѣ престанетъ битва. *Морло*! принеси стрѣлы нашихъ предковъ, и колчанъ моего родителя. Сопутствующіе намъ три воителя да устремляютъ стрѣлы въ противныхъ, а мы, мы сразимся копіями. Какое множество ратниковъ на камени! Это цѣлое воинство, но сердца наши безтрепетны.

*Оатона* сокрылась въ свою пещеру; лучь радости сіяетъ посреди смущеній лица ея; тако молнія начертываетъ огненную бразду на облакахъ бурныхъ: она утверждается въ

сво-

воемЪ намѣреніи: очи ея содѣлались свирѣпы, и уже не проливаютЪ слезЪ.

Узря сына *Морніева*, *ДуроматЪ* простирается тихими стопами. Презрѣніе кЪ Герою наморщило черты свирѣпаго лица его; на устахЪ его язвительная усмѣшка; кровавыя очи его углублены подЪ густотою черныхЪ его бровей.

Откуда сіи иноплеменники? возопилЪ онЪ. Усиліемъ ли вѣтровЪ пренесло васЪ на камни *Дуроматона*, или притекли вы похитить прекрасную *Оатону*? Смерть, неизбѣжная тому смерть, кого встрѣтитЪ *Дуроматова* десница. Я не щажду слабыхЪ; я люблю обагряться кровію чужестранцевЪ.

*Оатона* есть мое блистательное пустынное созвѣздіе. Я одинЪ утѣшаюсь ея красотою. Слабый ратникЪ! мечтаешь ли ты возмутить мое благополучіе? БезЪ сомнѣнія притекЪ ты сЪ симЪ намѣреніемЪ: такЪ, но возвратишься ли ты вЪ чертоги своихЪ родителей?

И такЪ ты не узнаешь сына *Морніева*? отвѣтствовалЪ *ГаллЪ*. Или забылЪ ты оный страшный день, вЪ которой бѣжалЪ ты сЪ подлою робостію отЪ лица моего, когда мечь мой гналЪ воинство *Латмона* вЪ высотахЪ *Морвена*? *ДуроматЪ*! ты говоришь мнѣ гордо, зная, что ратники твои соединяются позади тебя; но вѣришь ли ты, что мно-

множество ихъ устрашитъ меня? Я не слабаго племени.

Онъ рекъ и устремляется. *Дуроматъ* спѣшитъ сокрыться въ сонмѣ своихъ ратниковъ; но *Галлъ* достигъ его копіемъ, пронзилъ его ребра, и однимъ ударомъ меча отъемлетъ главу его въ ту самую минуту, какъ склонялась она въ объятія смерти. Три краты сынъ *Морнія* схватывалъ за власы кровавую главу варвара, и три краты ее потрясаетъ. Воины *Дуроматa* бѣжатъ пораженны ужасомъ: стрѣлы *Морвена* летятъ имъ во слѣдъ, десять ратниковъ пали и обагрили мохъ камней. Прочіе стремятся въ корабль, распростираютъ парусы, и скрываются на волнахъ моря.

*Галлъ* летитъ въ пещеру *Оатоны*, онъ видитъ юнаго воина оперша гося о скалу. Въ груди его стрѣла, и умирающія очи его вращались еще подъ шлемомъ. Сердце *Галла* смягчается, онъ подходитъ и говоритъ ему съ кротостію исполненною сожалѣнія.

Несчастный юноша! рука *Галлова* можетъ ли тебя изцѣлить? Я знаю горныя растенія, я собиралъ ихъ на брегахъ уединенныхъ источниковъ. Часто рука моя заключала язвы сильныхъ, и благодарные взоры ихъ и уста благословляли сына *Морніева*. Въ какой землѣ обитали твои предки? Безъ сомнѣнія они знамениты, младый несчастливецъ! какая мрачная печаль въ твоемъ отечествѣ!

ты

зы изчезаешь во цвѣтѣ лѣтъ твоихъ. — ?акъ, отвѣтствуетъ незнакомецъ, родите-.и мои знамениты, но не восплачутъ они о мерти моей: зане слава моя изчезла какъ утренній туманъ. На брегахъ *Дувранны* юзвышаются чертоги, и башни свои покрытыя мхомъ видятъ изображенны въ водахъ источника. Превыше ихъ скала обремененная долговѣчными соснами: ты можешь усмотрѣть ихъ въ сей отдаленности; въ сихъ чертогахъ обитаетъ братъ мой, онъ славенъ въ битвахъ: отдай ему сей блистательный шеломъ.

Шлемъ упадаетъ изъ рукъ *Галла* при видѣ уязвленной и умирающей *Оатоны*. Она взяла въ пещерѣ оружіе младаго ратника, чтобъ сыскать смерть себѣ посреди сражающихся. Едва уже подъемлетъ она отяготѣвшія свои очи; кровь еще течетъ изъ ея персей.

Сынъ *Морнія*! уготовь мнѣ гробъ; сонъ смерти овладѣетъ скоро моею душею, очи *Оатоны* покрываются облакомъ. Ахъ! для чего я не могла остаться въ чертогахъ *Дувранны*? Я наслаждалась бы моею славою, дни мои текли бы въ радости, и младыя мои подруги благословляли бы слѣды мои. Но увы! дражайшій мой *Галлъ*, я увядаю во цвѣтѣ дней моихъ, и родитель мой въ своихъ чертогахъ устыдится о своей дщери.

Блѣдна и бездыханна упадаетъ она на скалу *Троматона*. Герой, проливая слезы, воз-

вы-

высилЪ ей гробЪ. ОнЪ возвращается вЪ свое отечество; но мы примѣтили вЪ немЪ глубокую печаль. Я взялЪ мою арфу и воспѣлЪ хвалы *Оатонѣ*: радость воскресла на челѣ *Галла*; но часто воздыхалЪ онЪ еще посреди друзей своихЪ; тако по прошествіи бури вѣтры повременно колеблютЪ еще и раздираютЪ воздухЪ.

---

## КРОМА.

## *ПОЭМА.*

### Содержаніе.

*Мальвина* плачетЪ о смерти своего любезнаго *Оскара*. *ОссіанЪ* слышитЪ, и чтобЪ утѣшить ее вЪ печали, разсказываетЪ ей, какЪ онЪ вЪ *Кромѣ*, маломЪ ИрландскомЪ уѣздѣ, воевалЪ противЪ *Ротмара*. *КротарЪ*, владѣтель *Кромы*, былЪ уже старЪ и слѣпЪ. *ФоварЪ-ГормЪ*, его сынЪ, былЪ столько молодЪ, что не могЪ еще владѣть оружіемЪ. *РотмарЪ* почелЪ случай сей благопріятнымЪ, чтобЪ завладѣть *Кромого* и присовокупить ее кЪ своимЪ владѣніямЪ. *КротарЪ*, устрашенный предпріятіемЪ *Ротмара*, посалЪ кЪ *Фингалу* просить помощи. *ФингалЪ* повелѣваетЪ сыну своему *Оссіану* отправиться вЪ *Крому*; но прежде *Оссіанова* прибытія *ФоварЪ-ГормЪ*, не смотря на свою младость, дерзнулЪ напасть на *Ротмара*. ОнЪ лишается

ся жизни, и умирая видитъ все свое войско побѣжденнымъ. *Оссіанъ* пришелъ, возобновилъ сраженіе, убилъ *Ротмара*, освободилъ *Крому* отъ всѣхъ ея непріятелей и возвратился въ *Шотландію*.

## МАЛЬВИНА.

Такъ, безъ сомнѣнія это былъ голосъ моего возлюбленнаго! Рѣдко тѣнь его посѣщаетъ меня въ сонныхъ моихъ мечтаніяхъ. Родители могущественнаго *Тоскара*! отверзите воздушные ваши чертоги. Отверзите облачныя ихъ врата; *Мальвина* готова съ вами соединиться. Нѣкій гласъ возвѣстилъ мнѣ то во снѣ, и я чувствую, что душа моя готова устремить къ вамъ полетъ свой. О вѣтры! для чего вы оставили волны озера? Ваши крилѣ потрясли верхами сихъ древесъ, и шумъ ихъ принудилъ изчезнуть видѣніе. Но *Мальвина* видѣла своего возлюбленнаго; его воздушная одежда развѣвалась по вѣтру: сей солнечный лучь поглащалъ ея воскрилія: они сіяли какъ злато иноплеменныхъ. Такъ, это былъ голосъ моего возлюбленнаго: рѣдко тѣнь его посѣщаетъ меня въ сонныхъ моихъ мечтаніяхъ.

Сынъ *Оссіановъ*, любезный *Оскаръ*! ты живешь въ сердцѣ *Мальвины*: мои вздохи востаютъ купно съ Авророю, и слезы мои каплютъ вмѣстѣ съ росою ночи. Дражайшій

шій мой! я цвѣла при жизни твоей, какъ юное древо; но твоею смертію, какъ знойнымъ вѣтромъ. увяла юность моя. Глава моя поникла къ персямъ, весна возвратилась съ благотворными своими росами, и не можетъ обновить моей младости. Нѣжныя мои подруги видѣли меня во мрачномъ безмолвіи посреди моихъ чертоговъ: онѣ играли на арфахъ, чтобъ воскресить радость въ душѣ моей; но слезы непрестанно текли по ланитамъ *Мальвины*; онѣ видѣли глубокую мою печаль, и мнѣ говорили: почто ты столь долговременно скорбишь и сѣтуешь? Или твой возлюбленный былъ прекрасенъ и милъ очамъ твоимъ, какъ первый лучь восходящаго солнца?

*ОССІАНЪ.*

О дщерь моя! голосъ твой пріятенъ моему слуху: безъ сомнѣнія слышала ты въ мечтахъ пѣсни умершихъ Бардовъ, когда сонъ спускался на твои вѣжди при кроткомъ журчаніи *Морута*: ты внимала согласіямъ ихъ въ прекрасный день по возвращеніи съ ловитвы звѣрей, и ты повторяешь стройныя пѣсни ихъ. О *Мальвина*! звуки гласа твоего сладостны, но изливаютъ они печаль въ сердце. Есть пріятность въ уныніи, когда оно кротко и когда душа въ спокойствіи: но печаль, о *Мальвина*! снѣдаетъ человѣка, и дни его во слезахъ протекаютъ скоро: онъ упа-

упадаетъ какъ цвѣтъ, окропленной росою во время ночи, и сгорѣвшій отъ жаркихъ лучей полдневнаго солнца. Дщерь моя! склони твой слухъ къ пѣснямъ *Оссіана*; онъ обновляетъ въ памяти своей счастливые дни своей младости.

*Фингалъ* повелѣлъ мнѣ распростерть мои парусы. Я повинуюсь, стремлюсь по волнамъ моря, и вступаю въ заливъ *Кромы* въ пріятной землѣ *Инисфала*. На брегѣ возвышаются древнія башни чертоговъ *Кротара*, Героя знаменитаго подвигами своей младости, но тогда обремененнаго лѣтами. *Ротмаръ* окружилъ его воинствомъ. *Фингалъ*, кипя яростію, послалъ сына своего *Оссіана* въ помощь сотруднику своей младости противъ гордаго *Ротмара*. Я предпосылаю Барда; онъ мнѣ предшествуетъ; я вступилъ наконецъ въ чертоги *Кротара*. Почтенный сей воитель сидѣлъ посреди оружій своихъ предковъ. Очи его уже не видѣли свѣта; сѣдые власы его вилися вкругъ жезла, которымъ подкрѣплялось его дрожащее тѣло. Онъ тихимъ голосомъ повторялъ пѣсни временъ прошедшихъ; звукъ нашихъ оружій поразилъ слухъ его, онъ востаетъ съ усиліемъ, простираетъ свою трепещущую руку, касается мнѣ, и уста его благословляютъ сына *Фингалова*. *Оссіанъ*! вѣщаетъ онъ мнѣ, силы мои изчезли. Почто не могу я поднять сего копія, какъ прежде, когда рато-

 -бор-

борствовалъ я при *Струтѣ*, предъ взоромъ твоего родителя? Родитель твой былъ первый изъ смертныхъ; но и *Кротаръ* былъ не безславенъ. Царь *Морвена* восхвалилъ мужество мое, и возложилъ на мышцу мою щитъ *Калтара*, котораго поразилъ онъ въ битвѣ. Не видишь ли ты его? онъ виситъ на сихъ стѣнахъ. Увы! очи мои уже не могутъ его видѣть. *Оссіанъ*! такъ ли ты мужественъ, какъ твой родитель? Дозволь, да осяжу твою руку. Я повинуюсь его желанію; трепещущія руки его касаются моей мышцы: онъ воздыхаетъ, онъ плачетъ; сынъ мой! сказалъ онъ мнѣ, ты крѣпокъ, но не столько какъ Царь *Морвена*; но и кто подобенъ сему Герою? Да уготовится мое пиршество, да воспоютъ мои Барды. Друзья! Героя видите вы въ моихъ чертогахъ.

Пиршество уготовано. Арфы звучатъ. Веселіе царствуетъ въ чертогахъ; но сія радость ничто, какъ покровъ печали, обитающей во глубинѣ сердецъ; ничто, какъ слабый и блѣдный лучь луны, осѣняющей поверхность густаго облака, не могши его проникнуть. Пѣсни умолкли. Царь *Кромы* возвысилъ гласъ свой: онъ вѣщаетъ мнѣ не проливая слезъ; но рыданія пресѣкаютъ многократно его голосъ. Сынъ *Фингала*! примѣтилъ ли ты уныніе, владычествующее въ моихъ чертогахъ? Я не сѣтовалъ при пиршествахъ, когда ратоборцы мои были живы.

Я

Я веселился съ иноплеменниками, когда сынъ мой былъ еще при мнѣ; но сокрылось сіе раждающееся свѣтило и не оставило послѣ себя ни единой блистательной черты. Палъ юный сей Герой, онъ палъ, защищая своего родителя.

*Ротмаръ*, вождь *Тромла*, узналъ, что я слѣпъ, и ослабшая моя мышца уже покоится. Гордость его воспрянула, онъ вступаетъ въ *Крому*. Ратники мои повергаются его мечемъ. Кипя досадою, пріемлю я оружіе; но слабъ и лишенный зрѣнія что могъ сдѣлать *Кротаръ*? Стопы мои странствуютъ на удачу по чертогамъ моимъ. Я предался снѣдающей меня горести. Тщетнымъ желаніемъ призывалъ я счастливые дни моей младости, когда я сражался и торжествовалъ на полѣ смерти: сынъ мой возвращается съ ловитвы; его десница, юная десница не вращала еще мечемъ браноноснымъ; но сердце его было мужественно, и огонь бодрости блисталъ въ его очахъ. Онъ зритъ смятеніе и дрожащія стопы своего родителя. Я слышалъ его вздохи: любезный мой родитель! сказалъ онъ мнѣ, не слабость ли моя сокрушаетъ тебя печалію? Не то ли стенаній твоихъ виною, что не имѣешь ты сына, могущаго защитить тебя? Родитель мой! я начинаю чувствовать крѣпость моей мышцы. Уже извлекалъ я мечь, я въ силахъ напрягать лукъ. Позволь, да ополчусь я противъ гордаго *Ротмара*;

позволь, я чувствую, какъ пламенѣетъ мое сердце. — Такъ, ты съ нимъ сразишься, отвѣтствовалъ я, гряди; но да предъидутъ предъ тобою прочіе ратники, чтобъ могъ я хотя слышать твое торжественное шествіе, когда уже очи мои не могутъ видѣти тебя грядуща вспять съ побѣдою.

Онъ летитъ, сражается, умираетъ. Сопостатъ простерся къ моимъ чертогамъ: убійца сына моего приближаетъ чело своего воинства.

Не нынѣ время, рекъ я *Кротару*, не нынѣ время наполнять чашу радости. При сихъ словахъ схватилъ я мое копіе, ратники мои узрѣли стремящійся изъ очей моихъ пламень, и востаютъ вокругъ меня. Всю ночь шествовали мы на высоту холма. При востаніи свѣта тѣсная и злакомъ покрытая долина открылась предъ нами. На брегахъ источника ее орошающаго узнали мы ратниковъ *Ротмара* по блеску ихъ оружія. Мы устремляемся на нихъ въ долину. Они бѣгутъ: *Ротмаръ* пораженъ мною. Солнце не спустилось еще къ западу, и я возвратился къ *Кротару* съ оружіемъ его сопостата. Старецъ осязалъ его своими руками, и радость обновилась на челѣ его.

Ратоборцы соединяются въ чертоги; обновляется пиршество; чаша побѣды ходитъ кругомъ; пять Бардовъ шествуютъ и поютъ хвалы *Оссіану*; весь огонь ихъ души пере-

переходилЪ вЪ ихЪ пѣсни, и десять арфЪ сопутствовали ихЪ гласу. Воскресшій мирЪ и тишина осѣняютЪ радостію *Крому*. Ночь приходитЪ, не возмущая кроткой безопасности, и восходящую зарю узрѣли сЪ спокойнымЪ сердцемЪ. Ни едино враждебное копіе не блистало во мракѣ. Вся страна восхищалась радостію: *Ротмара* уже не было.

Я возвысилЪ гласЪ мой вЪ похвалу сына *Кротарова*, когда провождали его вЪ тѣсное и мрачное жилище. Его родитель сопутствовалЪ гробу; не слышно было его вздоховЪ; рука его искала язвы своего сына. ОнЪ нашелЪ ее вЪ сердцѣ. Радость возсіяла на лицѣ его: онЪ приближился ко мнѣ и рекЪ:

Поздравь меня, *ОссіанЪ*, возрадуйся со мною; сынЪ мой не безЪ славы умерЪ. Юный воитель не обратился вЪ бѣгство: онЪ противосталЪ смерти вЪ лице. СчастливЪ, кто умираетЪ вЪ юности, и когда все еще гремитЪ его именемЪ! Робкій и слабый не узритЪ его состарѣвшася вЪ своихЪ чертогахЪ; онЪ не поругается язвительною усмѣшкою трепещущимЪ его рукамЪ. Память его знаменита вЪ пѣсняхЪ. Юныя дѣвицы проливаютЪ о немЪ слезы; но старецЪ по малу истаеваетЪ, и видитЪ славу младости своей изчезающу вЪ забвеніи: онЪ умираетЪ вЪ неизвѣстности; онЪ не имѣетЪ сыновЪ, которые бы о немЪ восплакали. Радость окружаетЪ ихЪ гробницу, и камень, долженству-

ствующій сохранять его имя, полагается безЪ пролитія слезЪ. ТакЪ, счастливЪ, кто умираетЪ вЪ юности, окруженЪ полнымЪ сіяніемЪ своей славы!

---

## БЕРРАТОНЪ.

### *ПОЭМА.*

### Содержаніе.

Поэма сія почитается последнимЪ *Оссіановымъ* сочиненіемЪ, и вЪ *Шотландіи* называютЪ ее последнею пѣснію *Оссіана*. *Фингалъ*, плывя вЪ *Локлинъ*, куда позванЪ онЪ былЪ *Старномъ* отцемЪ *Агандеки* (см. Финг. пѣснь 3) присталЪ кЪ *Берратону*, небольшому Скандинавскому острову. ОнЪ великолѣпно угощенЪ былЪ *Ларморомъ*, владѣтелемЪ сего острова и данникомЪ Царя *Локлинскаго*. *Фингалъ* тогда же клялся ему вѣчнымЪ дружествомЪ, и скоро доказалЪ то самымЪ дѣломЪ. *Ларморъ* сыномЪ своимЪ *Уталомъ* сверженЪ былЪ сЪ престола и заключенЪ вЪ темницу. *Фингалъ* не медля послалЪ *Осcіана* и *Тоскара* отца *Мальвины*, чтобЪ освободить *Лармора* и наказать изверга *Утала*. *Уталъ* столько былЪ прекрасенЪ, что красота его вошла вЪ пословицу, а потому влюблялись вЪ него всѣ женщины. *Нина-Тома*, дочь *Тортома* Князя сосѣдственнаго сЪ *Берратономъ*, плѣнилась

*Ута*

*Утaлом*ъ и съ нимъ убѣжала. Онъ скоро ей измѣнилъ, влюбясь въ другую, и столько былъ жестокъ, что отвезъ ее въ пустой островъ въ намѣреніи тамъ ее оставить. Она избавлена *Оссіаномъ*, которой прибывъ въ *Бераmіон*ъ съ *Тоскаромъ*, разбилъ войско *Уmалово* и его убилъ собственною рукою. *Нина*, которой любовь не охладѣла невѣрностію *Уmала*, умерла съ печали, узнавъ, что онъ убитъ. *Оссіан*ъ и *Тоскаръ* утвердили на престолѣ *Лармора* и съ торжествомъ возвратились къ *Фингалу*.

---

Быстрый источникъ! стреми твои лазоревыя волны вокругъ тѣсной долины *Луты*. Горные лѣса! уклонитесь, чтобъ ее осѣнять въ полдневные часы огней солнечныхъ. Тамъ видѣнъ уединенный терновый кустъ, котораго власы служатъ игралищемъ вѣтру. Цвѣтокъ склоняетъ свою головку при дыханіи зефира, и кажется говоритъ ему: неблаговременный зефиръ! оставь меня въ покоѣ, позволь мнѣ прохлаждать главу мою въ росѣ небесной, которою ночь меня окропила. Минута, въ которую долженъ я увянуть, близка, и вѣтръ разсѣетъ по земли изсохшіе мои листы. Заутра звѣроловецъ, видѣвшій меня въ полной моей красотѣ, возвратится сюда: взоры его будутъ искать меня на полѣ, которое украшалъ я

собою: и взоры его не найдутъ уже меня. Тако придутъ нѣкогда въ сіи мѣста склонять тщетно слухъ свой ко гласу *Оссіана*: онъ не будетъ слышенъ. Звѣроловецъ съ возстаніемъ зари приближится къ моему жилищу; онъ не услышитъ уже звуковъ моей арфы. „*Гдѣ сынъ знаменитаго Фингала*? И слезы покатятся по ланитамъ его.

Гряди, *Мальвина*, гряди, изливая сладостныя пѣсни, проводи меня въ смѣющуюся долину *Луты*, возвысь мнѣ тамо гробъ. *Мальвина*! гдѣ ты? Я уже не слышу пріятнаго твоего гласа, я не слышу легкаго твоего шествія: приближься ко мнѣ сынъ *Алпина* (а); скажи, гдѣ дщерь *Тоскарова*.

### *СЫНЪ АЛПИНА.*

*Оссіанъ*! я шелъ мимо древнихъ стѣнъ *Тарлуты*; дымъ не возвышался уже изъ чертога пиршествъ; крики звѣроловцевъ умолкли; задумчивое безмолвіе царствовало въ лѣсахъ холма. Я видѣлъ дщерей *Луты* грядущихъ съ ловитвы. Я вопросилъ ихъ, гдѣ *Мальвина*? Онѣ обратились ко мнѣ, ничего мнѣ не отвѣтствуя, и красота ихъ казалась отѣненна покровомъ печали: тако во время ночи помрачаются звѣзды, когда ихъ сіяніе погружается въ влажномъ туманѣ.

*Осси-*

(а) Неизвѣстно, какъ назывался сынъ *Алпиновъ*. *Алпинъ* былъ изъ числа главныхъ бардовъ *Фингаловыхъ*.

ОССІАНЪ.

Покойся въ миръ, дщерь великодушнаго *Тоскара*. Прелестное свѣтило! ты не долго блистало на горахъ нашихъ. Прекрасна и величественна, въ ту минуту, которая сокрыла тебя отъ очей нашихъ, ты подобна была лунѣ, когда она изображаетъ въ волнахъ трепещущее свое лице; но ты оставила насъ въ ужасномъ мракѣ. Мы сидимъ близъ камени окружены всемѣстнымъ безмолвіемъ; нѣтъ при насъ другаго свѣта, кромѣ блеску воздушныхъ явленій. Любезное свѣтило! ты скоро отъ насъ сокрылось!

Но подобна блистательной точкѣ возникшей отъ востока, ты возвышаешься на выбяхъ воздушныхъ; ты течешь соединиться съ твоими предками; ты шествуешь, чтобъ вовсѣсть купно съ ними въ чертогахъ грома. Надъ горою *Коны* простирается великій облакъ; его лазоревыя ребра касаются тверди; онъ возъемлется превыше страны, гдѣ дуютъ вѣтры: тамъ, тамъ жилище *Фингала*. Герой сидитъ на престолѣ составленномъ изъ паровъ; въ его рукѣ воздушное его копіе. Его щитъ, до половины покрытый облаками, подобенъ лунѣ, когда одно ея полукружіе погружено еще въ волнахъ, а другое изливаетъ на поля слабое только сіяніе. Друзья *Фингаловы* сидятъ окрестъ его на престолахъ тумана; они внимаютъ пѣснямъ *Уллина*. Бардъ

играетЪ на мечтательной своей арфѣ и возвышаетЪ слабый свой голосЪ. Герои не тако знаменитые озаряютЪ воздушные чертоги тысящами огней воздушныхЪ. Посреди ихЪ шествуетЪ *Мальвина*, лице ея покрыто стыдливымЪ румянцемЪ: она разсматриваетЪ незнакомыя лица своихЪ праотцевЪ, и отвращаетЪ очи свои орошенныя слезами.

Для чего, вѣщаетЪ ей *ФингалЪ*, для чего толь рано шествуешь ты кЪ намЪ, любезная дщерь великодушнаго *Тоскара*? Какое мрачное сѣтованіе вЪ чертогахЪ *Луты*! Коль несносная тоска для скорбящей старости моего сына! Я слышу дыханіе зефира *Коны*, которому пріятно было играть и утѣшаться, развѣвая твои прелестные волосы. ОнЪ летитЪ вЪ твои чертоги, и тебя уже не находитЪ; онЪ воздыхаетЪ между оружіемЪ твоихЪ предковЪ. Распростри твои журчащія крилѣ, о зефирЪ! лети воздыхать на гробѣ *Мальвины*. ОнЪ возвышенЪ при подножіи сея скалы, на брегахЪ голубаго источника *Луты*. Юныя дѣвы, которыя пѣли во окрестности, уже удалились. Ты одинЪ, о зефирЪ! изливай тамЪ свои томныя жалобы.

Но кто шествуетЪ отЪ мрачнаго запада, несомЪ легкимЪ облакомЪ? Улыбка одушевляетЪ, кажется, пасмурныя лица его черты; его власы, составленные изЪ тумана, развѣваются на крилѣхЪ вѣтровЪ. ОнЪ уклоняется на воздушное свое копіе. О *Мальвина*!

это

это твой родитель: для чего, вѣщаетъ онъ, для чего толь рано блистаешь ты на облакахъ нашихъ, прелестное свѣтило *Луты*? Но ты печальна, о дщерь моя! ты видѣла, какъ сокрылись отъ тебя всѣ друзья твои. Прeродившееся племя, племя безсильныхъ обитаетъ въ чертогахъ нашихъ: изъ всего сонма Героевъ единъ только остался *Оссіанъ*.

Ахъ! ты вспомнилъ *Оссіана*, знаменитый *Тоскаръ*? Кто можетъ изчесть битвы нашей младости? Мечи наши пожинали купно на поляхъ сраженій; мы устремлялись на сопостатовъ какъ два камня, оторгшіеся отъ высоты горы, и сыны иноплеменныхъ изчезали; се ратоборцы *Коны*! вопіяли они въ бѣгствѣ, никогда они не сражаются не побѣждая. Приближься сынъ *Алпина*, склони слухъ твой къ пѣнію старца: дѣянія вѣковъ протекшихъ напечатлѣнны въ душѣ моей, память моя воскрешаетъ подвиги, прославившіе мужественнаго *Тоскара*, когда плыли мы купно по бездне морей. Приближься, сынъ *Алпина*, внимай послѣднимъ звукамъ пѣснопѣвца *Коны*.

*Фингалъ* повелѣваетъ, я распростеръ мои парусы, и *Тоскаръ*, вождь *Луты*, прелетѣлъ со мною поля Океана. Мы управили свое шествіе къ острову *Берратону*. Море его окружающее безпрестанно волнуется бурями; тамо обиталъ великодушный *Ларморъ*,

*морЪ*, согбенный тягостію лѣтЪ; онЪ угощалЪ пиршествомЪ *Фингала*, когда Герой сей стремился вЪ чертоги *Старна* получить себѣ побѣдами сердце *Агандеки* (б). *УталЪ*, надмѣнный своею красотою, любовь всѣхЪ красавицЪ, *УталЪ*, сынЪ *Лармора*, видя отца своего обремененна старостію, заключилЪ его во узы, и овладѣлЪ его престоломЪ.

Несчастный старецЪ долго томился во мрачной пещерѣ на брегахЪ своихЪ морей. Раждающійся день никогда не проницалЪ вЪ сіе темное жилище. Воспламененный дубЪ не освѣщалЪ его во время ночи; слышны одни свисты вѣтровЪ Океана; мрачная пещера принимала послѣдніе только лучи луны, стоящей на горизонтѣ, и *ЛарморЪ* видѣлЪ сіяніе круга ея вЪ ту минуту, когда она сотрясается, погружаясь вЪ волны запада.

*СнитонЪ*, спутникЪ *Ларморовой* младости, приходитЪ вЪ чертоги *Фингала*; онЪ повѣствуетЪ ему о несчастіи владыки *Берратона*. *ФингалЪ* воскипѣлЪ досадою: три краты простиралЪ онЪ руку свою кЪ копію, желая мстительную свою мышцу возвысить противЪ вѣроломнаго *Утала*; но память о прежнихЪ своихЪ подвигахЪ воскресла вЪ душѣ

(б) ОнЪ сражался за *Агандеку* сЪ *Свараномъ*. Смотри Финг. пѣснь I.

шѣ его и его удержала (в). Онъ повелѣваетъ шествовать сыну своему и *Тоскару*. Мы восхищаемся радостію, преплывая волны; нетерпѣливыя и жаждущія десницы наши непрестанно неслись къ мечамъ нашимъ до половины извлеченнымъ: зане никогда еще мы одни и безъ *Фингала* не сражались. Ночь нисходитъ на Океанъ, вѣтры молчатъ, блѣдная и хладная луна катится на небесахъ, звѣзды возвышали блистательныя свои главы. Мы плыли нѣкое время вдоль береговъ *Берратона*, сѣдые валы раздроблялись при его скалахъ.

Какой гласъ, рекъ мнѣ *Тоскаръ*, соединяется съ шумомъ волнъ, гласъ пріятной, но жалостной? Не гласъ ли то печальной тѣни Барда? Но я усматриваю дѣву, одну и сидящу на камени; ея глава склонилась на бѣлую руку ея, власы ея развѣваются. Послушаемъ, сынъ *Фингала*, послушаемъ ея пѣсней; онѣ пріятны, какъ журчаніе ручейка *Лаваты*. При свѣтѣ благопріятной и безмолвствующей луны мы приближаемся, и слышимъ сіе жалостное пѣніе.

Доколь вокругъ меня стремиться вамъ, пасмурныя волны Океана? Мое жилище не всегда было во глубинѣ пещеры, при ко-

(в) *Фингалъ* разсудилъ, что недостойно славѣ его измѣрять силы свои съ Княземъ, котораго мужество и силы не весьма были знамениты.

корени стенящаго дуба: было время, когда сидѣла я при пиршествахъ въ чертогахъ *Тортомы*; родитель мой утѣшался, внимая моему гласу; юные ратоборцы провождали очами легкое и привлекательное мое шествіе; они благословляли прелестную *Нину*. Ты пришелъ тогда, любезный мой *Упалъ*, ты показался мнѣ прекрасенъ какъ солнце: сердца всѣхъ красавицъ горѣли тобою, о сынъ великодушнаго *Лармона*! Но для чего оставляешь ты меня одну посреди волнъ? Душа моя искала ли твоей смерти? Когда слабая моя десница возвышала противъ тебя пагубоносное желѣзо? Дражайшій мой *Упалъ*! за что ты меня оставляешь?

Я не могъ безъ пролитія слезъ внимать жалобамъ нещастной сей дѣвицы: я предсталъ предъ взоръ ея покровенъ гремящимъ моимъ оружіемъ, и сказалъ ей съ кротостію: милая жительница пещеры! для чего воздыхаешь ты? Желаешь ли ты, чтобъ *Оссіанъ* подъялъ мечь свой въ твою защиту? Желаешь ли, чтобъ уничтожилъ онъ твоихъ враговъ? Востани дщерь *Тортомы*, я слышалъ твои трогающія жалобы. Чада *Морвена* окружаютъ тебя: они всегда покровители безсильныхъ; гряди въ нашъ корабль, дщерь прекраснѣе сея луны, блистающей при своемъ западѣ: гряди, мы плывемъ къ камнямъ *Берратона*, ко звучнымъ стѣнамъ *Финторма*.

Она

Она сопутствуетъ намъ. Ея поступь открыла всѣ ея пріятности. Радость обновилась на прекрасномъ ея лицѣ; тако во время весны, когда уничтожатся мрачныя тѣни, покрывавшія поля, лазоревые источники блистаютъ въ теченіи своемъ, и влачный терновникъ склоняется на ихъ воды.

День возраждается, и мы входимъ въ валивъ Готмы. Дикій вепрь стремится изъ лѣсовъ, мое копіе пронзаетъ ему ребра. Я возрадовался, видя текущую кровь его, и я предузрѣлъ приращеніе моей славы (г). Но холмъ *Финтарма* звучитъ уже подъ стопами ратниковъ *Утала*; они разсѣялись по равнинѣ, и смотрятъ въ слѣдъ дикихъ вепрей. *Уталъ*, гордясь силою и красотою своею, простирается тихими стопами. Онъ несетъ два изощренныя копія. Страшный его мечь препоясанъ при бедрѣ его. Три юные ратника несутъ уясненные луки его; пять ловчихъ псовъ скачутъ предъ лицемъ его. Въ нѣкоемъ разстояніи слѣдуютъ за нимъ его ратники, они удивляются величественной его походкѣ. Сынъ *Лармора*! ничто не равнялось красотѣ твоей; но душа твоя была мрачна, какъ темное лице луны, когда предвѣщаетъ она бурю.

*Уталъ*

---

(г) *Оссіанъ* вѣритъ, что вепрь, пораженный имъ на островѣ *Берратона*, есть щастливое предзнаменованіе успѣховъ его предпріятія.

*Утал*ъ узрѣлъ насъ на брегѣ, онъ остановился, его воины соединяются вокругъ его. Бардъ, покрытый сѣдинами, къ намъ шествуетъ. Изъ какихъ странъ сіи иноплеменники? вѣщаетъ онъ: въ злополучный день родились всѣ, кто приходитъ въ *Берратон*ъ противоборствовать крѣпости *Утала*; онъ не угощаетъ чужестранцевъ пиршествами въ своихъ чертогахъ, но кровію ихъ червленѣютъ воды его источниковъ. Естьли вы изъ *Сельмы*, изъ древнихъ чертоговъ *Фингала*; совѣтую, да изберете трехъ юношей изъ вашего юношества, чтобъ текли и возвѣстили ему конечное паденіе народа его. Можетъ быть придетъ онъ самъ; кровію его упіется мечь *Утала*, и слава *Финторма* возвысится какъ младое древо, честь и красота долины.

Нѣтъ, никогда, отвѣтствовалъ я съ яростію; но твой владыка побѣгнетъ отъ лица *Фингала*. Очи владыки *Морвенскаго* стремятъ изъ себя перуны смерти: онъ шествуетъ, и Цари изчезаютъ. Духъ ярости его женетъ ихъ далече, какъ груды легкихъ тумановъ. Ты хочешь, да три юноши изъ нашихъ ратоборцевъ грядутъ возвѣстить *Фингалу*, что воинство его погибло; такъ они пойдутъ можетъ быть, но только возвѣстить, что воинство его погибло смертію славы.

Я ожидаю сопостата съ безстрашiемъ. Близъ меня *Тоскаръ* извлекъ мечь свой. Врагъ стремится какъ бурный источникъ; смѣшенные крики возвышаются; воитель сѣемлется съ воителемъ; щитъ срѣтается со щитомъ; сталь соединяетъ свои молнiи съ молнiями стали; свистятъ въ воздухѣ стрѣлы; звѣнятъ копья, ударяясь о твердость броней, и сверкающiе мечи отскакиваютъ отъ преломляемыхъ щитовъ. Тако при дыханiи стремительныхъ вѣтровъ стонетъ долговѣчный лѣсъ, когда тысячи разъяренныхъ тѣней исторгаютъ древа его среди мрачной ночи.

*Уталъ* поверженъ мечемъ моимъ, и чада *Берратона* обратились въ бѣгство. Узря красоту *Утала*, не могъ я воздержаться отъ слезъ. Ты низверглось, возопилъ я, низверглось ты юное древо, и красота твоя увяла. Ты пало на поляхъ твоихъ, они печальны, они лишились прелестнаго сына. Вѣютъ пустынные вѣтры, но не слышно шуму твоихъ листвiй. Сынъ великодушнаго *Лармора*! ты прекрасенъ и въ самыхъ объятiяхъ смерти.

*Нина*, сидя на брегѣ, внимала шуму сраженiй. При ней сидѣлъ *Летмалъ*, древнiй бардъ *Сельмы*. Почтенный старецъ! рекла она, обратя къ нему орошенныя слезами очи, я слышу рыканiя смерти. Друзья твои ополчились противъ *Утала*, и моего возлюбленнаго

наго нѣтъ уже на свѣтѣ. Ахъ! для чего не осталась я на высотѣ скалы, среди волнъ Океана? Моя душа обремененна была бы грустію; но звукъ его смерти не поразилъ бы моего слуха. Палъ ты на поляхъ своихъ, любезный Князь *Финторма*! Ты оставилъ меня на камени; но въ душѣ моей всегда присутствовалъ твой образъ. *Упалъ*! палъ ты на поляхъ своихъ.

Блѣдна и орошенна слезами она востаетъ; она видитъ щитъ *Упала* покрытый кровію; она видитъ его въ рукахъ *Оссіана*; трепещуща, изумленна, летитъ она въ поле; она летитъ, зритъ своего возлюбленнаго, упадаетъ, и душа ея излетаетъ надъ нимъ во вздохѣ; ея власы покрываютъ лице ея любовника. Я пролилъ источникъ слезъ; я воздвигъ гробъ нещастной сей четѣ, и я воспѣлъ

Почійте въ мирѣ, юные нещастливцы, почійте при журчаніи сего источника. Младыя дѣвицы, идя на ловитву звѣрей, увидятъ гробъ вашъ и отвратятъ свои очи. Имена ваши будутъ жить въ пѣсняхъ Бардовъ; въ честь вашу коснутся они стройныхъ своихъ арфъ; дщери *Сельмы* ихъ услышатъ, и ваша слава прострется въ страны отдаленныя. Почійте въ мирѣ, юные нещастливцы, почійте при журчаніи сего источника.

Два дни проводили мы на брегѣ. Герои *Берратона* къ намъ стеклися. Торжествуя ве-

ведемЪ мы *Лармора* вЪ его чертоги Уготовляется пиршество. На челѢ старца сіяетЪ радость. Не утомляясь взиралЪ онЪ на оружія своихЪ праотцевЪ, на сіи древнія оружія, оставленныя имЪ вЪ чертогахЪ, когда онЪ изгналЪ былЪ изЪ нихЪ высокомѢрнымЪ *Упаломъ*. Хвалы наши воспѢты вЪ присутствіи *Лармора*; онЪ и самЪ благословлялЪ ГероевЪ *Морвена*; онЪ не зналЪ еще, что сынЪ его, надмѢнный *Уталъ*, повержевЪ вЪ сраженіи; ему возвѢстили, что скрылся онЪ вЪ густоту лѢсовЪ, чтобЪ сокрыть свою печаль, и свои слезы; но увы! онЪ безмолвствовалЪ во гробѢ, среди кустарниковЪ *Ротмы*.

ВЪ день четвертый, вЪ благопріятномЪ дыханіи Норда, распростерли мы свои парусы. *ЛарморЪ* грядетЪ на брегЪ; поя сопутствуютЪ ему Барды; сЪ радостію взиралЪ онЪ на пространное поле *Ротмы*. ОнЪ примѢтилЪ гробЪ, и память о своемЪ сынѢ мгновенно вЪ немЪ возбудилась: кто изЪ моихЪ ратоборцевЪ почилЪ вЪ семЪ гробѢ? Кажется, что былЪ то нѢкій владыка. БылЪ ли онЪ знаменитЪ вЪ ликѢ моихЪ сильныхЪ, прежде нежели восталЪ противЪ меня гордый *Уталъ*? Чада *Берратона*! вы молчите! или нѢтЪ уже Царя ГероевЪ? О дражайшій мой *Уталъ*! хотя ополчилЪ ты десницу свою противЪ своего родителя, смерть твоя терзаетЪ мое сердце. Почто из-

извлеченъ я изъ мрачной пещеры? Мой сынъ обиталъ бы еще въ чертогахъ *Финторма*; я слышалъ бы шумъ его стопъ, когда бы стремился онъ во слѣдъ дикихъ вепрей. Гласъ его, несомый на крилѣхъ вѣтра, могъ бы достигнуть во глубину моей пещеры, и душа моя ощутила бы тогда нѣкую радость: отнынѣ сѣтованіе и печаль навсегда водворятся въ моихъ чертогахъ.

Сынъ *Алпина*! таковы были мои подвиги, когда мышца моя гордилась младостію. Таковы были дѣянія могущественнаго *Тоскара*; но *Тоскаръ* уже на облакѣ, летающемъ на высяхъ воздушныхъ, и я остался одинъ въ *Лутѣ*. Гласъ мой подобенъ престающему шуму вѣтровъ, оставляющихъ лѣса; но *Оссіанъ* недолго будетъ одинъ: онъ видитъ облакъ, долженствующій принять тѣнь его; онъ видитъ туманъ, изъ котораго должна соткана быть одежда его, когда явится онъ на своихъ холмахъ. Слабые наши потомки увидятъ меня, и удивятся высотѣ стана прежлебывшихъ Героевъ; они сокроются въ свои пещеры, и безъ трепета не воззрятъ на небо; ване я прострю стопы мои по облакамъ, и тучи кататься будутъ вокругъ меня.

Проводи, сынъ *Алпина*, проводи старца въ лѣса. Вѣтры востаютъ, мрачныя волны озера шумятъ. Видишь ли ты лишенное листвій своихъ древо, склоняющееся на холмѣ *Моры*?

*Моры*? Такъ, сынъ *Алпина*, оно уклоняется дыханіемъ шумящихъ вѣтровъ. Арфа моя виситъ на изсохшей вѣтви. Ея струны издаютъ унывный звукъ. Вѣтръ ли, о моя любезная арфа! или тѣнь нѣкая мимо идя къ тебѣ прикасается? Это безъ сомнѣнія любовникъ *Мальвины*. . . . Но принеси мнѣ арфу мою, сынъ *Алпина*. Я хочу еще пѣть. Я хочу, да сладостные звуки ея сопутствуютъ отшествію моей души. Предки мои услышатъ ихъ въ воздушныхъ своихъ чертогахъ; радость возсіяетъ на мрачныхъ ихъ лицахъ; они уклонятся на края своихъ облаковъ; они прострутъ свои руки, чтобъ принять своего сына.

Долговѣчный и мхомъ покрытый дубъ уклоняется и стонетъ надъ источникомъ. Близъ его шумитъ увядшій кустарникъ, и колеблющіеся листы его мѣшаются съ сѣдыми власами *Осіана*. Настрой твою арфу, *Осіанъ*, и начни сладостныя пѣсни: приближьтеся, о вѣтры! и распрострите ваши крилѣ; вознесите печальные звуки мои въ воздушные чертоги *Фингала*, да услышитъ онъ еще гласъ своего сына, гласъ пѣснопѣвца Героевъ. Вѣтръ Норда отверзаетъ твои врата, о *Фингалъ*! я зрю тебя сидяща на туманахъ, среди слабаго сіянія твоихъ оружій. Ты уже нестрашенъ сильнымъ. Тѣло твое ничто, какъ дождевный облакъ, котораго прозрачный покровъ дозволяетъ намъ ви-

видѣтъ влажныя очи звѣздъ. Щитъ твой какъ луна при своемъ западѣ; твой мечь какъ воспламененный до половины туманъ. Сколь мраченъ и безсиленъ Герой сей одѣянным нѣкогда величественнымъ блистаніемъ и крѣпостію!

Но ты шествуешь на вѣтрахъ пустынныхъ и держишь черныя бури въ своей десницѣ. Во гнѣвѣ своемъ ты схватываешь солнце и погружаешь его въ свои облаки (д). Чада слабыхъ трепещутъ, и тысячи источниковъ упадаютъ съ неба.

Но когда простираешь ты стопы свои миренъ и спокоенъ, утренніе зефиры тебѣ сопутствуютъ. Солнце усмѣхается на лазоревыхъ своихъ поляхъ. Источникъ прозрачнѣе извивается въ своей долинѣ; злачные кусты колеблютъ свои цвѣтущіе верхи, и серна съ веселіемъ скачетъ въ свои лѣса. Глухой шумъ востаетъ въ полѣ, бурные вѣтры безмолвствуютъ. Я слышу гласъ *Фингала*, гласъ толь уже давно непоражавшій моего слуха. Гряди, вѣщаетъ онъ мнѣ, гряди, *Оссі-*

---

(д) *Оссіанъ* описывая сперва *Фингала* какъ безсильную и слабую тѣнь, а послѣ говоря, что онъ и самое солнце погружаетъ въ облаки, ужели себѣ противорѣчитъ? Нѣтъ, тогда всѣ вѣрили, что тѣни умершихъ повелѣвали бурямъ и вѣтрамъ; но чтобъ сражаться, не имѣли уже ни силы ни крѣпости.

*Оссіанъ*! ничего уже не достаетъ *Фингаловой* славѣ. Минуту блистали мы, какъ скоропреходящій пламень, но разлучились мы съ жизнію увѣнчанны славою. Вѣчное безмолвіе царствуетъ на поляхъ, гдѣ мы побѣждая торжествовали; но слава обитаетъ во гробахъ нашихъ. Гласъ *Оссіановъ* былъ повсюду слышенъ, и звуками арфы его гремѣли своды *Сельмы*. Гряди, *Оссіанъ*, гряди. ... При сихъ словахъ *Фингалъ* отлетаетъ съ своими праотцами посреди облакъ.

Такъ, я гряду соединиться съ тобою, о Царь Героевъ! Жизнь *Оссіанова* приближается къ своему концу Чувствую, что скоро я сокроюсь, скоро не увидятъ слѣдовъ моихъ въ *Сельмѣ*. Я гряду почить близъ камени *Моры*, и вѣтры свистя въ сѣдыхъ моихъ власахъ уже меня не возбудятъ. О вѣтры! пусть легкія ваши крилѣ несутъ васъ далече отъ сихъ мѣстъ: вы не можете уже смущать успокоенія Барда, очи его тяготѣютъ. Ночь будетъ долговременна. ... Удалитесь стремительные вѣтры.

Но для чего тако печалишься, о сынъ *Фингала*! для чего прискорбный облакъ на душѣ твоей? Нѣтъ уже преждебывшихъ Героевъ, и слава ихъ исчезла купно съ ними. Чада будущихъ вѣковъ также прейдутъ, и другое племя востанетъ на ихъ мѣсто: смертные слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ волны Океана, какъ листы лѣсовъ *Морвенскихъ*.

скихъ. Иссохши они отлетают при дыханіи вѣтровъ, но скоро возраждаясь зеленѣетъ новое листвіе. Твоя красота, о *Рино*! была ли долговѣчна? Крѣпость твоя, о любезный мой *Оскаръ*! могла ли противиться времени? Самъ *Фингалъ* не сраженъ ли ударомъ смерти, и въ чертогахъ его праотцевъ не забвенны ли слѣды стопъ его? И ты престарѣлый Бардъ, ты останешься ли на земли, съ которой и Герои сокрылись? Нѣтъ, но слава моя возрастетъ какъ дубъ *Морвена*, противоставящій гордое чело свое бурямъ и смѣющійся наглымъ усиліямъ вѣтровъ.

---

# МИНВАНА.

## ПОЭМА.

### Содержаніе.

*Рино*, сынЪ *ФингаловЪ*, убитый вЪ Ирландіи вЪ сраженіи противЪ *Сварана*, (см. Финг.) отличенЪ былЪ своею красотою, легкостію вЪ бѣганьи, и равно храбростію. *Минвана*, сестра *Галла*, о которомЪ часто упоминается вЪ *ОссіановыхЪ* сочиненіяхЪ, была вЪ него влюблена. Ея плачь о смерти своего любовника составлялЪ вводную повѣсть (эпизодЪ) вЪ большой *Оссіановой* поэмѣ; и сія только вводная повѣсть изЪ оной поэмы дошла до нашихЪ временЪ. СтихотворецЪ представляетЪ, что *Минвана* сидитЪ на скалѣ и видитЪ прибытіе *Фингалова* флота изЪ Ирландіи.

---

Печальна и сЪ лицемЪ воспламененнымЪ уклонившись сЪ высоты скалы *Морвенской*, взирала *Минвана* на пространство морей. Она узрѣла шествіе младыхЪ нашихЪ ратниковЪ, покрытыхЪ блистающимЪ своимЪ оружіемЪ: *Гдѣ ты, Рино? гдѣ ты?*

Прискорбны и потупленны взоры наши говорили ей, что нѣтЪ уже *Рина*, что тѣнь ея возлюбленнаго вознеслась уже на облаки, что слышали слабый гласЪ его журчащій сЪ зефиромЪ вЪ зеленомЪ дернѣ холма.

КакЪ! сынЪ *Фингаловъ* палЪ на злачныхЪ поляхЪ *Уллина*! Коль могущественна должна быть мышца его поразившая! И я, увы! я осталась одна. НѢтЪ, я не буду одна, о вѣтры! развѣвающіе черные мои власы, я не долго соединять буду вздохи мои сЪ вашимЪ свистомЪ. Должно, да почію я подлѣ возлюбленнаго моего *Рина*. Дражайшій любовникЪ! я уже не зрю тебя шествующа сЪ ловитвы и окруженна прелестями своей младости. ТѢнь ночи окружаетЪ любовника *Минваны*, и безмолвіе обитаетЪ вЪ тѣсномЪ жилищѣ *Рина*.

ГдѢ твои вѣрные псы? гдѣ твой лукЪ? твой непроницаемый щитЪ? твой мечь подобный огню небесЪ? твое копіе всегда обагренное кровію?

Увы! я зрю твои оружія вЪ кораблѣ твоемЪ. Я вижу, они омыты кровію: не положили ихЪ близЪ тебя во мрачномЪ твоемЪ жилищѣ, о возлюбленный мой *Рино*! Когда гласЪ Авроры придетЪ и скажетЪ тебѣ: востань юный ратникЪ, звѣроловцы уже на полѣ, елень близЪ твоего жилища. Удалися, прекрасная Аврора, удалися, *Рина* спитЪ: онЪ не слышитЪ уже твоего гласа, елени скачутЪ на его гробѣ. Смерть окружаетЪ младаго *Рина*; но я безЪ шуму подойду, о любезный мой Герой! я притаившись

шись подкрадусь къ одру, гдѣ ты покоишься. *Минвана* безмолвно ляжетъ подлѣ возлюбленнаго своего *Рина*; юныя мои подруги будутъ меня искать, но онѣ уже не найдутъ меня; онѣ при согласномъ пѣніи пойдутъ по слѣдамъ стопъ моихъ; но я уже не услышу вашихъ пѣсней, о дражайшія мои подруги! я усну подлѣ возлюбленнаго *Рина*.

*Конецъ первой Части.*

[Macpherson, James]
" Ossián, syn Fingalov.
Moskva, 1792.
TF Aug. 17, 55.

PR3544
.A58
1792
Rare Bk. Coll.

Macpherson, James

Ossian, syn Fingalov, bard tretjago věka: Galskija stichotvorenija

Bd.: 1

Moskva (1792)

P.o.rel. 8155 s-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10136404-1